

РЕЗУЛЬТАТЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
2021 ГОДА В СВЕТЕ СТАТИСТИКИ ТЕКУЩЕГО УЧЕТА
НАСЕЛЕНИЯ И ПЕРЕПИСЕЙ ПРЕДЫДУЩИХ ЛЕТ

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВ, ЕЛЕНА ЧУРИЛОВА

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ В 2010-Е ГГ. –
МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

НИКИТА МКРТЧЯН

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ МИГРАНТЫ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ В МЕГАПОЛИСЕ

ИРИНА СТАРОДУБРОВСКАЯ, ДАНИИЛ СИТКЕВИЧ

ДОСТИЖЕНИЯ ПЕРИНАТАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ И РЕЗЕРВЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО СОКРАЩЕНИЯ МЛАДЕНЧЕСКОЙ
СМЕРТНОСТИ В РОССИИ

АЛЛА МАКАРЕНЦЕВА

СПЕЦИФИКА СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
В СУБУРБАНИЗИРОВАННОЙ ЗОНЕ
(СЛУЧАЙ ПРИГОРОДНОГО РАЙОНА ИРКУТСКОЙ
АГЛОМЕРАЦИИ)

КОНСТАНТИН ГРИГОРИЧЕВ

К ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ЧЕРНОЗЕМЬЯ: ДАННЫЕ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ И РЕЕСТРОВ
НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ВЛАС РЯЗАНОВ

ПЕРЕМЕНЧИВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОЖДАЕМОСТИ
В УЗБЕКИСТАНЕ: 1991-2021 ГГ.

АБДУАЗИМ АБДУРАХМАНОВ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
«АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ:
ВЫЗОВЫ, РЕАЛИИ, ИНДИКАТОРЫ»

ОКСАНА ХАРАЕВА

демографическое обозрение

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Сергей Владимирович ЗАХАРОВ

Заместитель главного редактора

Сергей Андреевич ТИМОНИН

Заместитель главного редактора

Никита Владимирович МКРТЧЯН

Ответственный секретарь редакции

Анастасия Ивановна ПЬЯНКОВА

Корректор

Наталья Станиславовна ЖУЛЕВА

Компьютерная вёрстка и графика

Кирилл Владимирович РЕШЕТНИКОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Виктор АГАДЖАНИЯН

Евгений АНДРЕЕВ

Василий ВЛАСОВ

Ольга ГАГАУЗ

Михаил ДЕНИСЕНКО

Сергей ЗАХАРОВ

Сергей ИВАНОВ

Алла ИВАНОВА

Ольга ИСУПОВА

Ирина КАЛАБИХИНА

Михаил КЛУПТ

Никита МКРТЧЯН

Анна МИХЕЕВА

Владимир МУКОМЕЛЬ

Лилия ОВЧАРОВА

Павел ПОЛЯН

Анастасия ПЬЯНКОВА

Мария САВОСКУЛ

Сергей ТИМОНИН

Андрей ТРЕЙВИШ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Барбара А. АНДЕРСЕН

Мишель ГИЙО

Павел ГРИГОРЬЕВ

Ирина ЕЛИСЕЕВА

Наталья ЗУБАРЕВИЧ

Владимир ИОНЦЕВ

Казухиро КУМО

Дэвид ЛЕОН

Элла ЛИБАНОВА

Массимо ЛИВИ БАЧЧИ

Тамара МАКСИМОВА

Татьяна МАЛЕВА

Франс МЕЛЕ

Борис МИРОНОВ

Светлана НИКИТИНА

Томаш СОБОТКА

Влада СТАНКУНЕНЕ

Марк ТОЛЬЦ

Владимир ШКОЛЬНИКОВ

Сергей ЩЕРБОВ

Николас ЭБЕРШТАД

ЖУРНАЛ ОСНОВАН АНАТОЛИЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ ВИШНЕВСКИМ (1935-2021) В 2014 ГОДУ.

Выпускается ежеквартально. Издается с 2014 года.

Все рукописи проходят обязательное предварительное рецензирование.

Позиция Редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Перепечатка материалов возможна только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл № ФС77-67362.*

ISSN 2409-2274

Контакты 109028 Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., дом 3, офис 303

Телефон: 8-495-772-95-90*11864 / *11824

www.demreview.hse.ru

demreview@hse.ru

EDITORIAL OFFICE:

Editor-in-Chief
Sergei V. ZAKHAROV

Deputy Editor-in-Chief
Sergey A. TIMONIN

Deputy Editor-in-Chief
Nikita V. MKRTCHYAN

Managing Editor
Anastasia I. PYANKOVA

Proofreader
Natalia S. ZHULEVA

Design and Making-up
Kirill V. RESHETNIKOV

EDITORIAL BOARD:

Victor AGADJANIAN
Evgeny ANDREEV
Mikhail DENISSENKO
Olga GAGAUZ
Olga ISUPOVA
Sergey IVANOV
Alla IVANOVA
Irina KALABIKHINA
Mikhail KLUPT
Nikita MKRTCHYAN

Anna MIKHEEVA
Vladimir MUKOMEL
Lilia OVCHAROVA
Pavel POLIAN
Anastasia PYANKOVA
Maria SAVOSKUL
Sergey TIMONIN
Andrey TREIVISCH
Vasily VLASSOV
Sergey ZAKHAROV

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Barbara ANDERSON
Nicholas EBERSTADT
Irina ELISEEVA
Pavel GRIGOREV
Michel GUILLOT
Vladimir IONTSEV
Kazuhiro KUMO
David LEON
Ella LIBANOVA
Massimo LIVI BACCI
Tamara MAKSIMOVA

Tatyana MALEVA
France MESLE
Boris MIRONOV
Svetlana NIKITINA
Tomas SOBOTKA
Sergei SCHERBOV
Vladimir SHKOLNIKOV
Vlada STANKUNIENE
Mark TOLTS
Natalia ZUBAREVICH

FOUNDED BY ANATOLY G. VISHNEVSKY (1935-2021) IN 2014.

Released quarterly. Published since 2014.

All manuscripts are obligatory peer-reviewed.

Editorial office position does not necessarily coincide with the views of the authors.

Reproduction of any materials is possible only by agreement with the editorial office.

*The journal is registered on October 13, 2016 in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.
Certificate of Mass Media Registration ЭЛ № ФС77-67362.
ISSN 2409-2274*

**Editorial
address**

Bolshoy Trekhsvyatitelskiy lane 3, office 303, Moscow, 109028, Russia
Phone: 8-495-772-95-90 * 11864 / *11824

www.demreview.hse.ru
demreview@hse.ru

Оригинальные статьи

- The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years*
Evgeny Andreev, Elena Churilova
- Internal migration in Russia in the 2010s: macroregional features
Nikita Mkrtchyan
- North Caucasian migrants in St. Petersburg: distinctive features of adaptation in a metropolis
Irina Starodubrovskaja, Daniil Sitkevich
- Achievements of perinatal reform and the capacity for further reduction of infant mortality in Russia
Alla Makarentseva
- Distinctive features of mortality in the suburban population (the case of the Irkutsk agglomeration)
Konstantin Grigorichev
- On the demographic and social history of the Chernozem region: data of parish registers and censuses in the context of historical sources
Vlas Ryazanov
- Fluctuating fertility trends in Uzbekistan: 1991-2021
Abduazim Abdurakhmanov
- Review of the book «Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators»
Oxana Kharaeva
- 4-20** Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет
Евгений Андреев, Елена Чурилова
- 21-42** Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности
Никита Мкртчян
- 43-61** Северокавказские мигранты в Санкт-Петербурге: специфика адаптации в мегаполисе
Ирина Стародубровская, Даниил Ситкевич
- 62-81** Достижения перинатальной реформы и резервы дальнейшего сокращения младенческой смертности в России
Алла Макаренцева
- 82-102** Специфика смертности населения в субурбанизированной зоне (случай пригородного района Иркутской агломерации)
Константин Григоричев
- 103-124** К демографической и социальной истории Черноземья: данные метрических книг и реестров населения в контексте исторических источников
Влас Рязанов
- 125-129** Переменчивые тенденции рождаемости в Узбекистане: 1991-2021 гг.
Абдуазим Абдурахманов
- 130-135** Рецензия на монографию «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы»
Оксана Хараева

Рецензии

Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет

Евгений Михайлович Андреев
(e.andreev@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.
Елена Владимировна Чурилова
(evchurilova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years

Evgeny Andreev
(e.andreev@hse.ru),
HSE University, Russia.
Elena Churilova
(evchurilova@hse.ru),
HSE University, Russia.

Резюме: Перепись населения раунда 2020 г. прошла в России в октябре-ноябре 2021 г. и имела ряд отличий от переписей 2002 и 2010 г.: 1) перепись 2021 г. была проведена в разгар пандемии коронавирусной инфекции; 2) россияне впервые могли принять участие в переписи, заполнив электронные переписные листы в сети Интернет; 3) критический момент переписи приходился не на первый день проведения переписи; 4) период проведения переписи составил один месяц. Кроме того, опросы показали высокую долю населения, не принявшего личного участия в переписи. Используя опубликованные результаты переписи населения, в данной статье мы попытались оценить влияние особенностей проведения переписи 2021 г. на точность ее результатов, а также ответить на вопрос, возможна и необходима ли корректировка демографических показателей за 2011-2021 гг. с учетом данных переписи 2021 г. Проведенный нами анализ показал, что в переписи 2021 г. как минимум сведения о каждом 6-м жителе России были взяты из административных источников, что привело к большим расхождениям в численности населения во всех половозрастных группах на основании переписи населения 2021 г. и текущих оценок численности населения. Наиболее выражено это расхождение в детских (0-14 лет) и пожилых (80 лет и старше) возрастах, что говорит о наличии проблем в административных данных для этих возрастов. В целом, мы полагаем, что точность данных о населении по переписи 2021 года не ниже, чем полученных в переписях 2002 и 2010 гг., однако, результаты переписи 2021 г. должны быть скорректированы.

Ключевые слова: Россия, статистика населения, перепись населения, текущий учет движения населения, качество данных, сопоставимость данных.

Финансирование: В данной научной работе использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Андреев Е.М., & Чурилова Е.В. (2023). Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет. Демографическое обозрение, 10(3), 4-20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>

Abstract: The population census of the 2020 round was held in Russia in October-November 2021 and had a number of differences from the 2002 and 2010 censuses: (1) the 2021 Census was conducted during the COVID-19 pandemic; (2) for the first time ever, Russians could fill out electronic census forms on the Internet; (3) the critical moment of the census was not the first day of the census; (4) the census period was one month. In addition, public opinion polls showed a high proportion of the population that did not participate in the census. Using the published results of the 2021 Census, we assess the impact of the 2020 Census features on the accuracy of its results, as well as answer the question of whether it is possible and necessary to adjust demographic indicators for 2011-2021. Our analysis shows that information about at least one in six residents of Russia was taken from administrative sources, leading to large discrepancies in the population in all sex and age groups based on the 2021 census and current population estimates. This discrepancy is most pronounced among children (ages 0-14 years) and the elderly (80 years and older), which indicates that there are problems in administrative data for these ages. In general, we believe that the accuracy of the 2021 Census is the same as for the 2002 and 2010 censuses. However, the results of the 2021 Census should be adjusted.

Keywords: *Russia, population statistics, population census, civil registration, data quality, data comparability.*

Funding: *This article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.*

For citation: *Andreev E., & Churilova E. (2023). The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years. Demographic Review, 10(3), 4-20. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17967>*

Введение

Российская статистика населения основана на системе «переписи населения – текущий учет движения населения». Переписи проводятся периодически, как правило, примерно с интервалом в 10 лет. Между переписями данные о населении рассчитываются на основе сведений о движении населения. Такая схема действует в большинстве стран с надежной демографической статистикой, но понятие «перепись» страны трактуют по-разному. Лишь в немногих странах статистика населения основана на регистрах населения. Данные получаемые из регистра населения точнее, но его создание и ведение сложны.

Чтобы система «перепись – текущий учет» работала, необходимо, чтобы переписи проводились по сопоставимой методике. По близкой методике были проведены советские переписи населения 1959, 1970, 1979 и 1989 г. Методика Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов содержала ряд существенных отличий от предыдущих, также ряд специфических особенностей имеет и перепись 2021 г.

Переписи фиксируют численность населения по полу и возрасту на определенный момент. По мере увеличения времени, прошедшего после переписи, оценки, основанные на текущей статистике, как правило, все более отклоняются от значений, которые впоследствии дает последующая перепись в отношении и общей, и возрастной численности мужчин и женщин. Некоторые страны мирятся с нестыковками, и официально публикуемые динамические ряды данных содержат ступени – прыжки в значениях численности. Другие страны пересчитывают данные за межпереписной период, но сама по себе предыдущая перепись и показатели до нее пересчету не подвергаются.

Перепись населения России, прошедшая в 2021 г., отличается от всех других ранее проведенных. Во-первых, изначально ее проведение было запланировано на осень 2020 г.¹ Пандемия COVID-19, начавшаяся в феврале 2020 года, и последующие меры санитарно-эпидемиологического характера, в частности локдаун, обязательная самоизоляция заболевших и контактировавших с ними, помешали подготовке и проведению переписи в запланированные сроки. В результате она состоялась в 2021 г., хотя период ее проведения все равно пришелся на еще не окончившуюся пандемию COVID-19. Стоит отметить, что именно в 2021 г. в России было зафиксировано значительное падение продолжительности жизни в результате высокой смертности от коронавирусной инфекции.

Во-вторых, впервые в России было возможно пройти перепись не только на дому, дождавшись переписчика, но и лично явившись в один из Многофункциональных центров предоставления государственных услуг (МФЦ) или ответить на вопросы переписного листа в Интернете, заполнив электронные переписные листы на каждого члена домохозяйства на портале государственных услуг. После заполнения электронных переписных листов член домохозяйства, их заполнявший, получал уникальный QR-код, который в дальнейшем должен был предъявить переписчику, проводящему поквартирный обход, для подтверждения участия в переписи. Самоисчисление через Интернет – способ сбора переписных листов, применявшийся еще в раунде переписей 2000 и 2010 г. в ряде Европейских и англо-саксонских стран. Опыт этих стран показал, что уровень интернет-

¹ Обращаем внимание, что на официальном сайте Росстата последняя перепись населения несмотря на то, что она фактически была проведена по состоянию на 1 октября 2021 г., датируется 2020 годом в соответствии с принятыми законодательными и нормативными документами. См.: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

участия населения в переписи сильно варьируется как по странам, так и внутри стран (Пьянкова 2013). Решение о проведении переписи с использованием Интернета назревало с момента проведения переписи 2010 г. И, хотя оно оправдано тем, что по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в 2021 г. 84% домохозяйств в России имели доступ в Интернет, доля взрослых, никогда или редко его использующих, все же сильно варьируется от возраста, уровня образования и типа поселения (Кузина 2023). В итоге, по данным Левада-центра², среди принявших участие в переписи населения 63% были опрошены дома переписчиком, 7% пришли на переписной участок или в МФЦ, 29% заполнили переписные листы на сайте Госуслуг. Пользовались Интернетом для участия в переписи чаще всего жители Москвы и молодежь от 18 до 39 лет (Левада-центр 2021).

В отношении лиц, отказавшихся участвовать в переписи, и тех, кого переписчики не застали дома в течение всего периода проведения переписи, и не заполнивших переписные листы на портале государственных услуг, сведения о поле и дате рождения были получены из административных источников. Сбор сведений о поле и возрасте (дате рождения) на основании административных данных стал возможен в результате внесения 28 ноября 2009 г. поправок в Федеральный закон «О Всероссийской переписи населения» от 25 января 2002 г. №8-ФЗ. Можно было опасаться, что в период пандемии многие люди будут уклоняться от контактов с переписным персоналом, не захотят или не смогут пройти перепись в Интернете, что чревато значительным недоучетом населения. Обращение к административным источникам в основном предотвращает эту опасность.

В-третьих, Всероссийская перепись населения прошла в период с 15 октября по 14 ноября 2021 г. Мы ожидали, что критический момент переписи придется на полночь в ночь с 14 на 15 октября 2021 г. и очень удивились, когда обнаружили в «Методологических пояснениях» к переписи, что она проведена по состоянию на 0 часов 00 минут 1 октября 2021 г.

Наконец, очень продолжительный период переписи (один месяц) – еще одна особенность переписи 2021 г. Перепись 2002 г. продолжалась 8 дней, перепись 2010 г. – 12 дней. Отметим, что все, умершие с 1 октября по 14 ноября, должны быть учтены в ходе переписи. По нашим расчетам, 367 тыс. умерших должны быть включены в переписные листы, а все родившиеся в этот период (174 тыс. человек), наоборот, не должны были включаться.

Учитывая вышеизложенные особенности Всероссийской переписи населения 2021 г., в этой статье мы попытаемся ответить на два вопроса. Первый: в какой мере отмеченные особенности повлияли на точность результатов переписи? Второй: насколько реально пересмотреть динамику показателей 2011-2021 гг. так, чтобы они монотонно приводили к переписи 2021 г.?

Использованные данные

В данной статье проанализированы опубликованные итоги переписей населения 2002, 2010 и 2021 г. (Росстат 2004; 2012; 2023). Мы использовали таблицы тома 2, содержащие распределение по полу и возрасту и распределение по полу, возрасту и брачному статусу,

² АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

а также том 3, в который входят таблицы по полу, возрасту и уровню образования

В статье также использованы предоставленные Росстатом данные по итогам переписей 2010 и 2021 г. о распределении населения субъектов федерации по полу и однолетним группам возраста. Сравнение этих двух рядов данных показало, что из официальной публикации итогов переписи 2021 г. были исключены лица, чей возраст не был установлен при переписи 2021 г. Их действительно очень мало: 0,05% от всех учтенных переписью. Но в России такое решение было принято впервые, поэтому странно, что оно не документировано и не прокомментировано в опубликованных материалах.

Мы также использовали предоставленные Росстатом ежегодные данные о половозрастном составе населения субъектов федерации на 1 января за период с 2010 по 2022 г. согласно текущим оценкам, а также следующие данные статистики естественного движения населения за 2010-2021 гг.:

- распределение родившихся живыми в субъектах федерации по полу и месяцу рождения;
- распределение умерших в субъектах федерации по полу и году рождения.

Сравнение переписей 2002, 2010 и 2021 годов

Все три прошедшие в России после распада СССР переписи дали большую общую численность населения, чем показывали расчеты на основе данных о движении населения. Перепись 2002 г. зафиксировала на 1266 тыс. человек больше, чем текущий расчет численности населения. Эта величина рассчитана без учета данных по Чеченской республике, о населении которой до переписи существовали только приблизительные оценки, так как данные о движении населения республики в 1993-2002 гг. не собирались.

Численность населения по переписи 2010 г. превысила текущую оценку на момент переписи на 940 тыс. человек, а по переписи 2021 г. – на 1470 тыс. Уже это сравнение заставляет думать, что высказываемые в СМИ сомнения в полноте учета населения³ переписью 2021 г. не достаточно обоснованы.

Рисунок 1 показывает разницу в численности населения согласно итогам переписи 2021 г. и текущей оценке численности населения в соответствующих половозрастных группах.

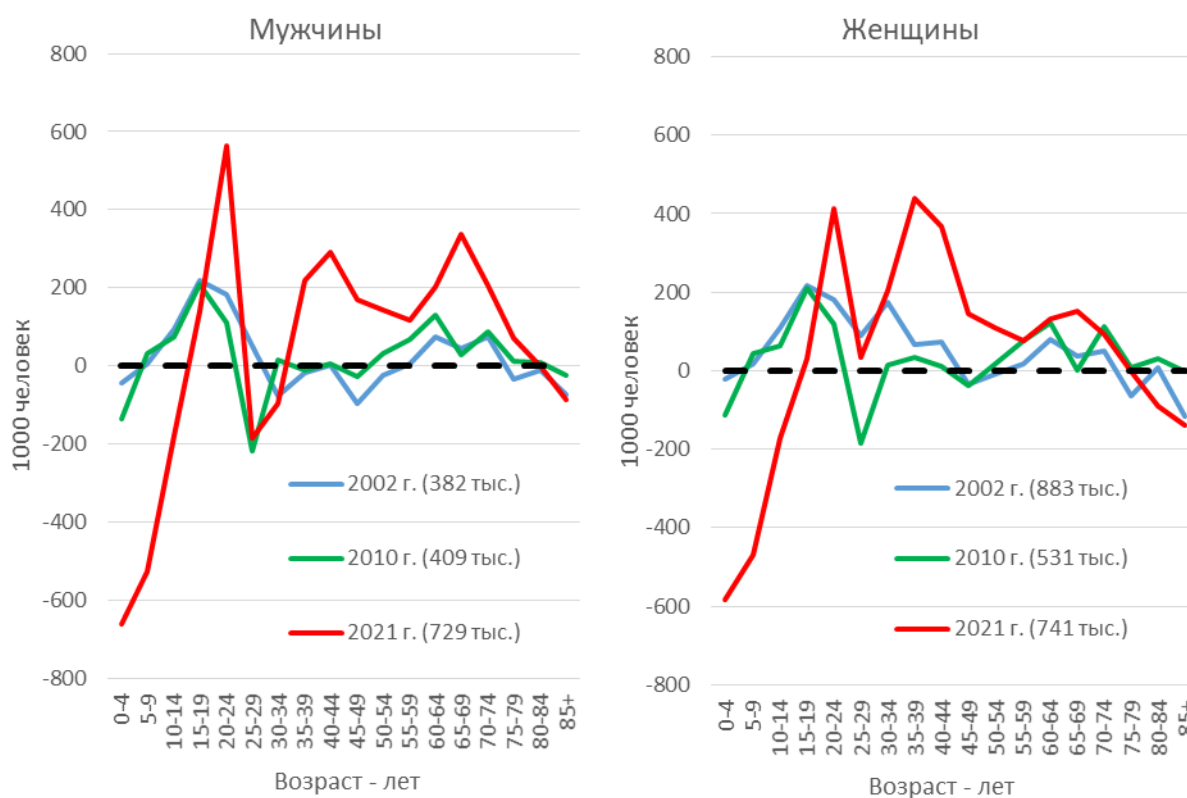
Надо отметить, что переписи населения часто недоучитывают новорожденных (Андреев 2012). Считается, что в возрасте до 1 года текущие оценки точнее данных переписи. В какой-то мере это верно и для детей 2-4 лет. В переписи 2021 г. мы видим не только довольно большой недоучет новорожденных, но недоучет детей до 15 лет. О других возрастных группах можно сказать следующее:

³ Например: «Качество переписи, возможно, будет самым низким в истории страны» (2021). *Коммерсантъ*, 05.11.2021. <https://www.kommersant.ru/doc/5063173>; «Демограф Ракша опроверг данные переписи населения» (2022). *Общественная служба новостей*, 30.05.2022. <https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/demograf-raksha-oproverg-dannye-perepisi-naseleniya/>

- численность и мужчин, и женщин в возрасте 20-24 года по данным переписи 2021 г. существенно выше оценки по текущему учету;
- в возрастной группе 25-29 лет разность оценок по переписи и текущему учету резко уменьшается, у мужчин становится отрицательной и меньше, чем в 2002 и 2010 г.;
- далее следует новый подъем разности с максимумом в 35-39 лет и у мужчин, и у женщин. От 35 до 79 лет у мужчин и до 69 лет у женщин разность больше, чем в двух предыдущих переписях;
- в возрастах старше 70 лет разность численностей населения уменьшается, а в возрасте 85 лет и старше становится отрицательной и меньше, чем в предыдущих переписях.

Расхождения между переписью и текущим учетом, зафиксированные в 2002 и 2010 годах, объяснялись с трудом. Но расхождения оценок численности населения по переписи 2021 г. и текущему учету объяснить еще сложнее.

Рисунок 1. Разница между численностью возрастной группы в соответствии с итогами переписи и текущей оценкой численности и состава населения на дату переписи, 1000 человек

Примечание: 2002 г. без данных по Чеченской Республике.

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

Мы полагаем, что частично подобные все возрастающие расхождения могут объясняться повышением распространенности практики учета населения по административным источникам. Проблема неполного охвата населения переписью начала проявлять себя в 2002 г. и усугубилась в 2010 г., когда 2,5% общей численности населения были посчитаны по данным административных записей (Пьянкова 2012).

Повышение неполноты охвата населения переписью показали и данные Левада-центра (2021), согласно которым 42% респондентов не принимали участия в переписи населения или, по крайней мере, не знают, что их переписал кто-то из родственников. В свете этих данных увеличение доли населения, переписанной по данным административных источников, неудивительно.

Отметим, что закон о переписи, разрешивший учитывать население по данным административных источников, был принят в 2009 г. Однако такая практика возникла еще при переписи 2002 г., если верить свидетельствам ее участников (Перепись населения глазами... 2003). При этом переписчики не ограничивались сведениями о поле и дате рождения, но пытались восстановить брачный статус, уровень образования, национальность и другие характеристики.

О повышении частоты использования административных данных свидетельствует возросшая доля лиц с неизвестными уровнями образования и брачным статусом. В переписи 2010 г. доля переписанных с неуказанным образованием или брачным статусом существенно возросла по сравнению с 2002 г. (таблица 1), а персонал переписи получил закрепленное в законе право использовать административные источники. В переписи 2021 г. доля населения с неизвестным уровнем образования и брачным статусом более чем в 5 раз выше, чем в переписи 2010 г. и составляет 16,9 и 15,4% соответственно.

Таблица 1. Доля населения с неизвестным уровнем образования и брачным статусом, %

Год переписи	Уровень образования	Брачный статус
	возрастная группа	
	10 лет и более	16 лет и более
2002	1,1	2,2
2010	2,9	3,1
2021	16,9	15,4

Источник: Рассчитано на основе (Росстат 2004; 2012; 2023).

При анализе данных по регионам России в 2021 г. мы использовали принятые в переписи суммарные показатели и сравнили долю населения в возрасте 6 лет и старше с неизвестным уровнем образования. Мы выбрали 5 территорий с наивысшей долей населения с неизвестным уровнем образования (таблица 2). Оказалось, что на этих же территориях самая высокая доля населения в возрасте 16 лет и старше с самой высокой долей тех, у кого брачный статус неизвестен.

Таблица 2. Пять территорий с наивысшей долей населения в возрасте 6 лет и старше с неизвестным уровнем образования и в возрасте 16 лет и старше с неизвестным брачным статусом, %

	Уровень образования неизвестен	Брачный статус неизвестен
г. Севастополь	37,7	29,6
г. Москва	34,2	32,8
Ханты-Мансийский автономный округ	30,5	26,5
Приморский край	30,3	26,4
г. Санкт-Петербург	29,0	26,3

Источник: Рассчитано на основе (Росстат 2004; 2012; 2023).

Расчет показал, что коэффициент ранговой корреляции Кендалла доли населения с неизвестным уровнем образования и с неизвестным брачным статутом в 2021 г. (таблица П Приложения) несколько выше, чем 2010 г., и равен 0,88 по 83 территориям (коэффициент значим на уровне 0,01). В реальной жизни такие значения этого показателя встречаются крайне редко, что позволяет думать, что образование и брачный статус в большинстве случаев неизвестны у одних и тех же людей. Обнаружена и связь между уровнем смертности от COVID-19, измеренным стандартизованным коэффициентом смертности⁴, и долей людей с неизвестным образованием и брачным статусом. Коэффициенты ранговой корреляции Кендалла соответственно равны 0,23 и 0,26, и значимы на уровне 0,01. Для этого показателя такое значение говорит о довольно сильной связи.

Наконец мы сравнили распределение 83 территорий, входивших в состав страны в 2010 г., по доле лиц с неизвестным образованием и брачным статусом в 2010 и 2021 г. Мы рассчитали 4 коэффициента ранговой корреляции Кендалла. Все они лежат между 0,33 и 0,37 (значимы на уровне 0,01). Можно допустить, что есть такое свойство регионов, как «готовность населения пройти перепись». Тогда можно предположить, что в регионах с высокой готовностью населения участвовать в переписи будет наблюдаться низкая доля лиц с неизвестным образованием и брачным статусом и наоборот. Выявленная нами довольно высокая ранговая корреляция за два периода говорит об устойчивости этой особенности. В 2021 г. эта особенность наложилась на пандемию COVID-19. Мы видим действие сочетания двух факторов.

В 2010 г. пять территорий с самой высокой долей одновременно не указавших уровень образования и брачный статус: г. Санкт-Петербург, Астраханская, Мурманская, Калужская, Тверская области⁵.

Единственное пересечение с таблицей 2 – г. Санкт-Петербург, где он указан последним.

Пять территорий с самой высокой смертностью от COVID-19 в порядке убывания стандартизованного коэффициента смертности: Оренбургская, Омская, Свердловская, Курская области, Республика Хакасия. Нет пересечений с таблицей 2.

Интересны случаи резкого несоответствия доли населения с неизвестным образованием и уровнем смертности от COVID-19. Приморский край – 4-й сверху по доле населения с неизвестным образованием и только 79-й по смертности, Костромская область 19-я и 73-я, Томская область – 9-я и 60-я соответственно. В то же время Оренбургская область – 74-я и 1-я, Республика Калмыкия – 80-я и 13-я, Воронежская область – 69-я и 7-я.

Продланное нами сравнение трех переписей, на наш взгляд, не дает предполагать, что перепись 2021 г. не учла значительную часть населения. Однако о значительной части населения перепись дала сведения только о дате рождения и поле живущих.

⁴ Стандартизованные коэффициенты смертности для 2021 г. представлены в таблице П Приложения и были рассчитаны на основе коэффициентов смертности, представленных в Российской базе данных по рождаемости и смертности Центра демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). База данных доступна по адресу http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data.

⁵ По убыванию доли не указавших образование.

Соответствие результатов переписи 2021 года данным текущей статистики населения

В поисках ответа на вопрос о возможности пересчитать общую численность и возрастной состав населения за 2011-2021 гг. с учетом последней переписи мы ограничимся территориями, где проводилась перепись в 2010 г. Включение в анализ переписи населения Республики Крым и г. Севастополя заметно усложнило бы нашу задачу, в то время как основная сложность пересчета, как мы покажем далее, связана с несоответствием переписей 2010 и 2021 г.

Чтобы упростить задачу, мы пересчитали итоги переписи 2010 г., передвинув распределения населения по полу и возрасту с 14 октября на 1 октября. Мы не пытались оценить движение населения за 13 дней октября, так как это нельзя сделать с данными о миграции, поскольку регистрация по месту пребывания/месту жительства не содержит дату смены места жительства, а только дату регистрации. Поскольку численность и возрастно-половой состав населения на начало и конец 2010 г. уже определены с максимально возможной точностью, мы взяли средневзвешенную из них с весами, пропорциональными расстоянию 1 октября от 1 января 2010 и 2011 г.: 0,748 и 0,252. Возраст 0 на 1 октября 2010 г. соответствует возрасту 10 лет на 1 октября 2021 г.

В качестве численности населения в возрастах 0-9 лет взяты числа родившихся с 1 октября 2020 г. по 30 сентября 2021 г., с 1 октября 2019 г. по 30 сентября 2020 г. и так далее до числа родившихся с 1 октября 2010 г. по 30 сентября 2011 г. Числа родившихся легко рассчитать на основе годовой разработки данных о естественном движении населения (таблица 3). Мы назвали эту конструкцию дополненным рядом переписи 2010 г.

Таблица 3. Числа родившихся за 12 месяцев, начиная с 1 октября каждого года между 2010 и 2021 г., тыс. человек

Период		Мужчины	Женщины
с	по		
01.10.2010	30.09.2011	917,2	867,4
01.10.2011	30.09.2012	968,3	911,9
01.10.2012	30.09.2013	976,1	924,3
01.10.2013	30.09.2014	985,9	930,6
01.10.2014	30.09.2015	979,9	924,8
01.10.2015	30.09.2016	974,1	920,2
01.10.2016	30.09.2017	874,3	827,0
01.10.2017	30.09.2018	826,5	776,3
01.10.2018	30.09.2019	764,6	720,3
01.10.2019	30.09.2020	727,8	686,9
01.10.2020	30.09.2021	714,2	672,7

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

Текущая оценка состава населения на 1 октября 2021 г. рассчитана также как на 1 октября 2010 г. В таблице 4 мы сравнили разность между этой оценкой и дополненным рядом 2010 г. с разностью между итогами переписи 2021 г. и тем же рядом по пятилетним группам возраста на 1 октября 2021 г. Эти разности представляют собой две оценки изменения численности пятилетней когорты.

Таблица 4 демонстрирует некоторые особенности переписей, о которых мы уже упоминали. Так все российские переписи не полностью учитывали детей до 1 года, что в

основном определяет расхождение в первой строке таблицы. Но различия по полу нам не удалось объяснить. Из строки следует, что девочки лучше, чем мальчики учитывались при переписи 2021 г.

Таблица 4. Изменение численности поколений между 1 октября 2010 г. и 1 октября 2021 г. по данным текущего учета движения населения и с учетом переписи населения 2021 г., тыс. человек

Возраст на 1 октября 2021 г.	Изменение численности когорты					
	мужчины			женщины		
	по текущей оценке	с учетом переписи	различие	по текущей оценке	с учетом переписи	различие
0-4	0,8	-651,6	-652,4	5,2	-568,9	-574,1
5-9	-26,4	-546,9	-520,4	-15,3	-474,0	-458,7
10-14	10,7	-164,1	-174,8	14,0	-152,8	-166,7
15-19	21,5	161,4	139,9	39,5	72,2	32,7
20-24	29,6	587,7	558,1	72,7	479,3	406,5
25-29	162,6	-16,6	-179,2	99,8	135,4	35,6
30-34	64,8	-30,5	-95,3	98,7	303,6	204,9
35-39	-98,8	118,4	217,2	39,1	477,2	438,0
40-44	-253,1	32,4	285,5	-29,6	335,7	365,4
45-49	-342,2	-176,3	165,9	-79,6	64,6	144,2
50-54	-412,6	-274,7	137,9	-126,6	-17,8	108,8
55-59	-668,8	-555,3	113,5	-229,0	-154,4	74,6
60-64	-1076,0	-880,0	196,0	-435,1	-301,8	133,3
65-69	-1296,7	-965,8	330,9	-639,2	-487,1	152,1
70-74	-1327,0	-1126,3	200,8	-841,3	-745,2	96,1
75-79	-725,5	-655,7	69,8	-643,7	-645,0	-1,3
80-84	-1377,3	-1377,7	-0,4	-1795,8	-1880,7	-84,9
85 и старше	-1853,6	-1940,3	-86,7	-4798,6	-4933,6	-134,9

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

Примечание: Расчет по территории РФ, охваченной переписью 2010 г.

Текущая оценка населения рассчитывается на основе статистики рождений (в данном случае до возраста 10 лет включительно), смертей и миграции. Точность статистики рождений и смертей несравнимо выше, чем статистики миграции. Достаточно напомнить, что Закон «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 г. №5242-1 содержит весьма мягкие правила регистрации по месту пребывания, не предусматривает регистрации временного выезда с места постоянного жительства, досрочного выезда с места пребывания и других подобных ситуаций. С учетом этого возникающие при пересчете численности и состава населения поправки обычно объясняют особенностями учета миграции, а статистику рождаемости и смертности считают точной. Это позволяет оценить чистую миграцию населения (иначе – миграционный прирост, разницу между числом прибывших и выбывших) в двух вариантах: чистую миграцию, которая использовалась при текущем расчете населения, и чистую миграцию, которая соответствует переписи 2021 г. Поскольку родившихся мы уже посчитали для расчета таблицы 4, нам потребовалось посчитать умерших (таблица 5).

Таблица 5. Числа умерших и два варианта чистой миграции поколений в период с 1 октября 2010 г. по 30 сентября 2021 г., тыс. человек

Возраст на 1 октября 2021 г.	Мужчины			Женщины		
	числа умерших	чистая миграция		числа умерших	чистая миграция	
		по данным статистики миграции	по данным с учетом переписи		по данным статистики миграции	по данным с учетом переписи
0-4	18,1	18,9	-633,5	13,7	18,9	-555,2
5-9	40,8	14,4	-506,1	30,9	15,7	-443,0
10-14	22,6	33,3	-141,5	16,4	30,4	-136,3
15-19	16,3	37,8	177,7	9,4	48,8	81,5
20-24	31,3	60,9	619,0	13,4	86,2	492,7
25-29	71,6	234,2	55,0	23,7	123,5	159,1
30-34	182,8	247,6	152,3	57,4	156,1	361,0
35-39	306,8	208,0	425,2	101,9	141,1	579,1
40-44	411,5	158,4	443,9	141,6	111,9	477,3
45-49	460,0	117,8	283,7	168,0	88,4	232,6
50-54	502,8	90,2	228,1	196,0	69,4	178,2
55-59	739,7	70,9	184,4	301,0	71,9	146,6
60-64	1132,8	56,9	252,8	508,8	73,8	207,0
65-69	1331,3	34,6	365,5	693,9	54,7	206,7
70-74	1345,4	18,4	219,2	880,1	38,8	134,9
75-79	732,8	7,3	77,1	662,1	18,4	17,1
80-84	1382,7	5,4	5,0	1817,0	21,2	-63,7
85 и старше	1865,7	12,1	-74,6	4816,4	17,8	-117,1

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

Примечание: Расчет по территории, охваченной переписью 2010 г.

Анализируя таблицу 5, мы исходим из того, что статистика миграции может не учесть прибывшего или выбывшего, но не может учесть одно и тоже прибытие или выбытие дважды. То же относится, впрочем, и к статистике рождений и смертей, но эти ряды мы не корректируем.

Возрастное распределение чистой миграции, оцененное на основе результатов переписи, выглядит весьма неустойчивым по возрасту и по полу. Например, у мужчин в поколении, которому 1 октября 2021 г. было 20-24 года, миграция с учетом переписи в 10 раз больше, чем согласно статистике миграции, а у женщин – в 6 раз. Еще раз похожие расхождения наблюдаются в поколении, достигшем 65-69 лет. Двух- – четырехкратные различия встречаются постоянно. Но для мужчин, достигших возрастов 25-29 и 30-34 года, перепись показала миграционный прирост в 4,3 и 1,6 раз ниже соответственно.

Оцененная по данным переписи 2021 г. чистая миграция в поколениях, которым на момент переписи 2021 г. было менее 15 лет или более 80, показывает, что в этих поколениях выбытие из России, точнее с территорий, где в 2010 г. прошла перепись населения, превосходило прибытие. Пожилые люди меняют место жительства весьма редко. Но из таблицы 5 следует, что в поколениях мужчин, которым 1 октября 2021 г. уже исполнилось 85 лет, выехало за пределы территории, охваченной переписью 2010 г., на 74,6 тыс. больше, чем въехало. Аналогично женщин в поколениях, которым 1 октября 2021 г. уже исполнилось 80 лет, на 180,8 тыс. больше выехало за пределы территории, охваченной переписью 2010 г., чем въехало на эту территорию, в то время как во всех более молодых возрастах старше 15 лет чистая миграция положительная.

Еще более загадочно выглядит отрицательная чистая миграция детей. Числа в первой строке можно было бы объяснить недоучетом в переписи детей до 1 года. Но как объяснить происшедшее в более старших возрастах? Вероятно, дети уезжали с родителями, но отъезд родителей незаметен, его скрыл приезд взрослых без детей. На наш взгляд, подобные объяснения при положительной по данным статистики чистой миграции в Россию детей и пожилых выглядят неправдоподобными. Возникает предположение, что оба явления – артефакты, следствия неполной сопоставимости переписей.

Оказалось, что отрицательная чистая миграция в возрастах до 15 лет выше там, где выше доля переписанных по административным данным, индикатором которой служит доля лиц с неизвестным уровнем образования и брачным статусом. В качестве меры интенсивности мы взяли называемое коэффициентом миграционного прироста отношение чистой миграции к средней численности детей по двум источникам: итогам переписи и текущей оценке на момент переписи.

Отрицательная чистая миграция в возрастах до 15 лет наблюдается в 76 из 83 регионов России, где прошла перепись 2010 г. Оказалось, что ранговая корреляция Кендалла между коэффициентом миграционного прироста и долей населения с неизвестным брачным статусом равна 0,21 и значима на уровне 0,01. Для данного показателя это довольно высокое значение. С долей населения с неизвестным уровнем образования связь несколько слабее. Коэффициент Кендалла равен 0,19 и значим на уровне 0,05, что тоже довольно высоко для этого показателя.

На наш взгляд, объяснение кроется в том, что дети до 15 лет хуже, чем взрослые, регистрируются в административных источниках хотя бы потому, что у них нет паспортов. Кроме того, вероятно, есть недоучет выбытия детей, так как снятие с миграционного учета производится органом МВД, который осуществляет постановку на учет по новому месту жительства. Возможно, именно поэтому в регионах, где выше доля переписанных по административным данным, больше оцененная по данным переписи убыль детей. Но скорее всего, их просто недоучли при переписи 2021 г.

Ситуация с пожилым населением сложнее. Сомнения в правильности учета пожилых при переписи 2010 г. уже высказывались (Андреев 2012; Папанова и др. 2017). Представляется, что данные административных источников в 1990-е годы не всегда адекватно корректировались при эмиграции из России, при переезде к родственникам в другие регионы и так далее. Во втором случае выбытие могло не учитываться в полном соответствии с законом «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 г. №5242-1. Названные авторы допускали, что в результате в списках жителей могли появляться «бессмертные», сведения о смерти которых не могли поступить, так как реально в момент смерти они проживали в другом регионе или другой стране. При переписи 2010 г. это привело к завышению населения. Там, где в 2021 г. доля переписанных по административным данным была меньше, эти «бессмертные» выбыли из населения. Там где больше – сохранились.

Отрицательная чистая миграция в возрастах старше 60 лет наблюдается в 69 из 83 регионов России, где прошла перепись 2010 г. Коэффициенты ранговой корреляции Кендалла между коэффициентом чистой убыли в возрастах 80 лет и старше и долей населения с неизвестным уровнем образования и неизвестным брачным статусом равны - 0,26 и -0,23 соответственно (оба значимы на уровне 0,01).

На наш взгляд, полученный результат означает следующее. При переписи населения 2010 г. обращение к административным данным привело к завышению численности пожилых людей во многих регионах страны, так как, вероятно, административные данные были не актуализированы и не очищены от ранее умерших или выбывших из страны. При переписи 2021 г. число таких случаев уменьшилось в регионах тем больше, чем меньшая часть населения была переписана по административным данным.

Отметим еще два обстоятельства. Первое: какая-либо статистическая связь между коэффициентом миграционного прироста в возрастах до 15 лет и коэффициентом миграционного прироста в возрастах 80 лет и старше отсутствует. Второе: по аналогии с коэффициентами миграционного прироста можно рассчитать коэффициент миграционного прироста в возрастах 15-79 лет. Прирост наблюдается в 60 из 83 регионах, где в 2010 г. прошла перепись населения. Какая-либо связь между долей населения, переписанного по административным данным, и показателем прироста не обнаружена.

Вернемся к теме перерасчета численности населения за 2011-2021 гг. Мы пришли к выводу, что расхождение между переписью 2021 и оценкой по данным текущего учета в детских и пожилых возрастах связано в значительной мере с неточностью переписей. За детские возраста ответственна перепись 2021 г., за пожилые – 2010 г. Конечно, этот вывод требует более тщательной проверки с привлечением микроданных обеих переписей. Что касается детей, то у нас нет сомнений: правильнее было бы скорректировать перепись 2021 г., а не пересматривать текущие оценки, полученные в межпереписной период.

На наш взгляд, отмеченные нами перепады величины расхождений выглядят очень странно и вызывают недоверие к данным переписи. Это надо учитывать в процессе коррекции текущих оценок возрастных численностей населения и, возможно, избирательно сглаживать скачки.

С пожилыми возрастами ситуация сложнее. Коррекция переписи 2010 г. вряд ли будет понята исполнительной и законодательной властью, и, в первую очередь, руководством субъектов федерации. В дополнение, если требовать плавность рядов, то появляется необходимость пересмотра существующих оценок численности населения по полу и возрасту за 2003-2009 гг. Поэтому представляется возможным пересчитать динамику численности пожилых возрастов до 2011 г. и не требовать плавности перехода возрастных численностей между 2010 г. и 2011 г.

Заключение

В данной статье нами были проанализированы опубликованные итоги Всероссийской переписи населения 2021 г. Было установлено, что доля лиц с неизвестным уровнем образования и брачным статусом по итогам переписи составила 16,9 и 15,4%, а высокая корреляция между этими показателями позволяет утверждать, что брачный статус и образование неизвестны у одних и тех же лиц, т. е. минимум для каждого шестого жителя России из административных источников получены данные только о поле и дате рождения. Это значит, что доля россиян, не принимавших лично участие в переписи населения 2021 г., примерно в два раза ниже, чем по опросам общественного мнения, проведенным после окончания переписи населения. Впрочем, такое расхождение можно объяснить тем, что часть респондентов, участвующих в опросах, могут не знать, что их переписали другие члены домохозяйства. Однако неполнота охвата населения переписью варьируется по

регионам, достигая трети населения в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, а также в ХМАО и Приморском крае.

Надо помнить, что прошедшие после распада СССР переписи населения Российской Федерации во многом существенно отличаются от советских. Существенно возросла подвижность населения, включая международную миграцию. Изменилось отношение к переписи. Представляется, что в СССР люди опасались не пройти перепись, допуская, что, избежав встречи со счетчиком, они могут навлечь на себя неприятности. Уже в переписи 2002 г. персонал переписи «нелегально» (в нарушении официально принятой методологии) прибегал к информации из административных источников, а в последующих переписях это делалось на законных основаниях. Далеко не все в переписях было идеально, о чем писали демографы (Богоявленский 2008; Мкртчян 2011; Андреев 2012). Демографы обращали внимание на возможность для человека быть зарегистрированным в одном населенном пункте в качестве постоянного жителя, а в другом – как временно пребывающего, что создает угрозу двойного счета. Очевидно, что проблема полноты охвата населения переписью в 2021 г. усугубилась, и причины этого должны быть объектом специального исследования. Решение о привлечении административных данных для восполнения минимальных пробелов информации о населении законное и логичное и позволяет «посчитать всех». Как показал проведенный анализ, привлечение административных данных не делает перепись 2021 г. менее достоверной, чем переписи 2002 и 2010 г., в части половозрастной структуры населения. Однако привлечение административных данных не позволяет заполнить пробелы в иных сведениях о населении. Кроме того, ситуация, когда все большая доля населения не принимает личного участия в переписи по тем или иным причинам, ведет к повышению недоверия к результатам переписи и ставит вопрос не только об эффективности информирования населения о сроках проведения переписи и способах ее прохождения, но и об обязательности участия населения в переписи.

Численность населения по результатам переписи 2021 г. превышает на 1470 тыс. человек оценку, полученную по данным текущего учета населения. Однако широкое использование административных данных привело не только к сильному недоучету детей до 1 года – проблеме, которая была характерна и для переписей 2002 и 2010 г., но и недоучету детей до 15 лет. Кроме того, усугубилась проблема сильного несоответствия численностей населения в иных возрастных группах во взрослом населении. Незадолго до проведения переписи исследователи уже обращали внимание на то, что численность населения по данным административного учета сильно отличается от ежегодных оценок численности населения Росстата (Чудиновских 2021). Нам не известно, была ли проведена оценка качества административных данных перед их использованием в переписи населения 2021 г., как к тому своевременно призывали специалисты. Однозначно можно сказать, что сильные расхождения в численности половозрастных групп по данным переписи и текущим оценкам усложняют стоящую перед органами статистики задачу пересчитать оценки населения за межпереписной период так, чтобы обеспечить плавное изменение всех показателей. Наш анализ показывает, что сделать это без корректировки итогов переписей 2010 и 2021 г. невозможно.

Наконец, было бы полезно, если бы Росстат комментировал свои принимаемые нестандартные решения, о которых мы писали выше, такие как отказ от публикации числа лиц с неустановленным возрастом или несовпадение критического момента переписи с началом периода фактического проведения переписи. Хотя такие решения, на наш взгляд,

не могли существенно повлиять на итоги переписи, эта информация важна для экспертного сообщества, и оглашение ее повысило бы доверие к переписи среди демографов и других специалистов. Мы полагаем, что критическое осмысление допущенных ошибок при проведении переписи 2021 г. позволит повысить качество следующей переписи населения. Нам остается пожелать работникам статистики успеха на этом пути.

Литература

- Андреев Е.М. (2012). О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации. *Вопросы статистики*, 11, 21-35.
- Богоявленский Д. (2008). Все ли российские народы верно посчитали? *Демоскоп Weekly*, 319-320. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0319/tema01.php>
- Кузина Л. (2023). Кто и почему не пользуется интернетом в России? *ИСИЭЗ НИУ ВШЭ*. <https://issek.hse.ru/news/810217750.html>
- Левада-центр (2021). Участие россиян в переписи. <https://www.levada.ru/2021/12/21/uchastie-rossiyan-v-perepisi/>
- Мкртчян Н.В. (2011). Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. *Известия РАН. Серия географическая*, 5, 28-41.
- Папанова Е.К., Школьников В.М., Андреев Е.М., Тимонин С.А. (2017). Высокая продолжительность жизни москвичей после 80 лет – реальность или статистический артефакт? *Успехи геронтологии*, 30(6), 826-835.
- Перепись населения глазами переписчиков (2003). *Демоскоп Weekly*, 97-98. <http://demoscope.ru/weekly/2003/097/perepis02.php>
- Пьянкова А.И. (2012). Должно ли быть обязательным участие в переписи населения? *Вопросы статистики*, 10, 22-34.
- Пьянкова А.И. (2013). Зарубежный опыт проведения переписей населения через Интернет. *Вопросы статистики*, 5, 46-53.
- Росстат (2004). Всероссийская перепись населения 2002 года. <http://www.perepis2002.ru/>
- Росстат (2012). Всероссийская перепись населения 2010 года. https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Росстат (2023). Всероссийская перепись населения 2020 года. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul
- Чудиновских О.С. (2021). К вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики. *Вопросы статистики*, 28(1), 5-17. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-1-5-17>

Приложение

Таблица П. Доля лиц с неизвестным брачным статусом среди населения 16 лет и старше, с неизвестным уровнем образования среди населения 6 лет и старше (в %) согласно опубликованным итогам переписи населения 2021 г. и стандартизованные коэффициенты смертности от COVID-19 в 2021 г., оба пола вместе, по регионам России

	Регион	Доля лиц с неизвестным брачным статусом среди населения 16 лет и старше, %	Доля лиц с неизвестным уровнем образования среди населения 6 лет и старше, %	СКС от COVID-19 в 2021 г., оба пола вместе
1	Белгородская область	13,4	14,5	229,6
2	Брянская область	11,6	12,3	170,3
3	Владимирская область	13,4	13,0	219,0
4	Воронежская область	7,8	7,4	294,6
5	Ивановская область	11,6	11,3	271,8
6	Калужская область	12,1	11,8	236,1
7	Костромская область	15,5	19,7	169,7
8	Курская область	14,8	15,9	305,5
9	Липецкая область	10,1	10,6	176,7
10	Московская область	17,8	18,3	270,8
11	Орловская область	10,4	11,5	290,7
12	Рязанская область	20,4	22,7	242,2
13	Смоленская область	15,7	15,9	223,2
14	Тамбовская область	9,5	9,5	220,8
15	Тверская область	16,5	19,1	216,3
16	Тульская область	12,8	13,1	231,5
17	Ярославская область	19,6	21,8	206,6
18	г. Москва	32,8	34,2	225,5
19	Республика Карелия	12,9	12,3	251,2
20	Республика Коми	23,2	22,7	253,7
21	Ненецкий автономный округ	15,0	16,8	263,8
22	Архангельская область без автономного округа	15,9	18,3	276,0
23	Вологодская область	15,7	23,9	201,0
24	Калининградская область	18,0	23,4	219,4
25	Ленинградская область	19,4	21,9	223,1
26	Мурманская область	19,5	18,4	293,5
27	Новгородская область	18,4	19,8	234,5
28	Псковская область	7,3	5,4	188,9
29	г. Санкт-Петербург	26,3	29,0	275,3
30	Республика Адыгея	11,3	13,3	196,2
31	Республика Калмыкия	4,7	4,3	275,1
32	Республика Крым	11,9	12,5	177,2
33	Краснодарский край	8,3	8,2	188,4
34	Астраханская область	15,7	17,2	214,9
35	Волгоградская область	18,9	25,2	264,3
36	Ростовская область	9,3	11,4	243,5
37	г. Севастополь	29,6	37,7	235,3
38	Республика Дагестан	7,3	12,0	144,4
39	Республика Ингушетия	8,8	10,0	154,6
40	Кабардино-Балкарская Республика	1,5	1,1	148,8
41	Карачаево-Черкесская Республика	6,3	4,5	154,1

	Регион	Доля лиц с неизвестным брачным статусом среди населения 16 лет и старше, %	Доля лиц с неизвестным уровнем образования среди населения 6 лет и старше, %	СКС от COVID-19 в 2021 г., оба пола вместе
42	Республика Северная Осетия – Алания	11,5	11,3	199,3
43	Чеченская Республика	1,5	0,7	190,1
44	Ставропольский край	3,5	2,8	151,5
45	Республика Башкортостан	1,9	1,3	115,6
46	Республика Марий Эл	10,4	12,7	121,4
47	Республика Мордовия	7,3	6,4	199,0
48	Республика Татарстан	6,6	6,5	215,5
49	Удмуртская Республика	15,9	15,5	217,4
50	Чувашская Республика	11,1	10,7	210,3
51	Пермский край	12,1	12,3	246,9
52	Кировская область	10,3	10,7	49,2
53	Нижегородская область	17,9	19,5	260,9
54	Оренбургская область	7,2	7,0	350,5
55	Пензенская область	10,1	10,5	245,4
56	Самарская область	9,2	8,3	249,8
57	Саратовская область	13,0	14,3	255,8
58	Ульяновская область	14,2	19,1	268,9
59	Курганская область	12,2	14,5	282,0
60	Свердловская область	13,1	14,1	322,6
61	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	26,5	30,5	229,7
62	Ямало-Ненецкий автономный округ	23,3	24,5	268,8
63	Тюменская область без автономных округов	16,4	18,9	274,5
64	Челябинская область	16,4	19,3	266,5
65	Республика Алтай	7,2	7,0	264,4
66	Республика Тыва	5,8	5,2	173,9
67	Республика Хакасия	18,7	20,3	301,0
68	Алтайский край	11,7	13,0	228,4
69	Красноярский край	14,9	17,9	261,5
70	Иркутская область	16,5	16,7	298,4
71	Кемеровская область – Кузбасс	8,1	9,2	88,2
72	Новосибирская область	22,3	26,3	210,1
73	Омская область	13,3	15,3	333,7
74	Томская область	22,4	24,7	202,3
75	Республика Бурятия	8,5	7,6	214,8
76	Республика Саха (Якутия)	16,9	16,4	267,6
77	Забайкальский край	15,7	14,5	233,7
78	Камчатский край	14,6	15,4	236,7
79	Приморский край	26,4	30,3	142,7
80	Хабаровский край	23,2	27,5	247,8
81	Амурская область	6,8	7,0	205,1
82	Магаданская область	9,0	7,1	197,7
83	Сахалинская область	9,6	7,3	90,4
84	Еврейская автономная область	11,2	11,3	266,3
85	Чукотский автономный округ	2,1	0,9	84,9

Источник: (Ростат 2023), расчеты авторов на основе данных РосБРИС ЦДИ РЭШ.

Примечание: СКС - стандартизованный коэффициент смертности.

Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности

Никита Владимирович Мкртчян
(Mkrtchan2002@rambler.ru), Институт
социального анализа и прогнозирования
РАНХиГС, Россия.

Internal migration in Russia in the 2010s: macroregional features

Nikita Mkrtchyan
(Mkrtchan2002@rambler.ru), Russian
Presidential Academy of National
Economy and State Service, Russia.

Резюме: В статье на основе данных о внутренней миграции в 2011-2020 гг. проанализированы крупнейшие потоки миграции в России, оцениваются результаты перетока населения между крупными частями страны. Временные рамки исследования (2011-2020 гг.) определяются изменением методики учета миграции в России с 2011 г. С ними связаны изменения фиксируемых Росстатом ежегодных объемов миграции, всплеск и затухание перетока населения между отдельными частями страны и группами населенных пунктов, четкое проявление возрастных особенностей миграции. Расчеты выполнены с использованием индивидуальных деперсонифицированных данных мигрантов, позволяющих 1) выделить первичные регистрации и так называемый «автовозврат» в каждом потоке миграции; 2) не ограничиваться рамками регионов при выделении частей страны и отдельных «полюсов» миграционного прироста. Результаты исследования показывают, что в реальности масштабы внутренней миграции в России в 2010-е годы мало изменились, переток между крупными частями страны остался на уровне предшествующих десятилетий, крупнейшие центры притяжения мигрантов (агломерации Москвы и Санкт-Петербурга) упрочили свое положение. Миграция осуществляется в студенческих и молодых трудоспособных возрастах, однако в отдельных частях страны в потоках велика доля лиц старших возрастов.

Ключевые слова: статистика миграции, Дальний Восток, Зона Севера, Центры притяжения мигрантов, возраст мигрантов, агломерации.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для цитирования: Мкртчян Н.В. (2023). Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности. Демографическое обозрение, 10(3), 21-42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17968>

Abstract: The article analyzes the largest migration flows within Russia based on data from internal migration in the years 2011-2020. It evaluates the outcomes of population movement between major regions of the country. The time frame of the study (2011-2020) is determined by changes in the methodology of migration accounting in Russia since 2011. These changes are associated with fluctuations in the annual migration volumes reported by Rosstat, as well as the influx and outflow of the population between specific regions and population groups, highlighting distinct age-related migration patterns. The calculations were conducted using individual de-identified migrant data, enabling the identification of initial registrations and so-called "auto-return" in each migration flow. The analysis is not limited to regional boundaries when identifying different parts of the country and specific migration "hotspots." The study's findings indicate that the scale of internal migration in Russia during the 2010s has remained relatively unchanged, with population movements between major regions remaining at similar levels to previous decades. The major attraction centers for migrants, such as the Moscow and St. Petersburg agglomerations, have solidified their positions. Migration primarily occurs among students and young working-age individuals, although in certain parts of the country there is a significant proportion of older individuals within the migration flows.

Keywords: migration statistics, Far East, North Zone, Centers of migration attraction, age of migrants, agglomerations.

Funding: The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Mkrtchyan N. (2023). Internal migration in Russia in the 2010s: macroregional features. Demographic Review, 10(3), 21-42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17968>

Завершение 2010-х годов позволяет оценить переток населения между отдельными частями страны в результате внутренней миграции в это десятилетие. В данной статье сделана попытка подытожить результаты внутренней миграции на «макроуровне» между крупными частями России, которые, как представляется автору, объединены внутренним сходством и одновременно отличаются от других схожих по размеру и роли в миграционном поле страны групп регионов.

Изменившаяся в 2010-е годы по сравнению с предшествующими десятилетиями система учета долговременной миграции в России сильно затрудняет сравнения с предыдущими периодами и одновременно позволяет понять, что мы можем говорить с опорой на статистические данные не о точных цифрах перетока населения, а скорее об интервальных их значениях. Как ни странно, за прошедшие больше чем десять лет со времени изменений в учете миграции далеко не все исследователи и тем более управленцы отдают себе отчет в том, что публикуемые Росстатом цифры нельзя использовать без определенных процедур их «препарирования»; что динамика миграционных показателей по отдельным регионам в течение 2010-х годов зачастую связана не с реальными процессами, а со спецификой их учета. На примере отдельных макропотоков (между крупными частями страны) в данной статье продемонстрировано, что, в зависимости от того, как мы считаем, те или иные тенденции межрегиональной миграции могут быть поставлены под сомнение, а какие-то и вовсе являться статистическим артефактом.

Знакомство с последними исследованиями внутренней миграции показывает очень большую пестроту тематик. Как представляется, в контексте нашего исследования можно выделить несколько ключевых тем. Прежде всего, во многих развитых странах (США, Австралии и др.) исследователи заняты выяснением многообразных причин сокращения внутренней миграции (Sunganani et al. 2020; McCollum et al. 2020; Bernard, Pelikh 2019), этот вопрос представляет, судя по публикациям, большую исследовательскую задачу. При этом аналитики, занятые сравнительным изучением внутренней миграции в разных странах, сообщают, что в отдельных странах Европы годовая интенсивность внутренней миграции растет (Alvarez, Bernard, Lieske 2021).

В странах с высокой концентрацией населения в столичных мегаполисах продолжается изучение роли последних в общестрановом перемещении населения. Так, в Великобритании, несмотря на снижение масштабов межрайонного перетока населения, Лондон остается «ключевой движущей силой» миграции (Lomax et al. 2014). Продолжается концентрация населения в крупнейших мегаполисах в Китае (Tao et al. 2015) и других странах догоняющего развития. Отметим, что появляются и новые ракурсы изучения внутренней миграции. Так, связь внутренней миграции с природно-климатическими условиями и последствиями хозяйственной деятельности человека прослеживается в Китае, где на нее оказывает влияние, например, эрозия почв (Zhang, Zhuang 2019).

Наконец, при исследовании внутренней миграции, особенно между крупными частями стран, большой успех достигается путем дезагрегации потоков миграции. Так, в Германии потоки между бывшими западной и восточной частями дезагрегируются по гражданству (в стране значительная часть населения не имеет германского гражданства), возрасту и полу (Stawarz et al. 2020). Значимость возрастных характеристик

мигрантов и населения, важность использования качественных статистических данных демонстрируют многие исследования (DeWaard et al. 2019).

Наша работа ставит целью проанализировать внутреннюю миграцию в макромасштабе, ее роль в перетоке населения между крупными частями страны. В расчетах продемонстрирована сложность оценки масштабов миграции в современной России, связанная с действующей с 2011 г. новой методикой учета долговременной миграции.

Методика и данные

Наряду с общепризнанным делением России на федеральные округа, в статье проанализированы районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности (далее – Север), из которых исключены территории Севера, относящиеся к Республикам Тыва и Алтай. Последние рассматриваются вместе с другими территориями Юга Сибири. Кроме этого, в отдельных случаях расчет проведен по крупногородским агломерациям Москвы, Санкт-Петербурга и других (с числом жителей 250 тыс. человек и более) городов России. Эти агломерации состоят из центров (ядер), вокруг которых они формируются, а также населенных пунктов, отнесенных к их внешней зоне. В случае Москвы и Санкт-Петербурга ядра равны по территории и населению данным федеральным городам в их нынешних границах; в других крупных городах они состоят из населения собственно городских населенных пунктов (НП). Если в составе городского округа этих городов есть другие НП, они в состав ядер не включаются. Внешняя зона агломераций ограничена радиусом, величина которого зависит от численности населения, проживающего в ядре. Для Москвы и Санкт-Петербурга этот радиус определен в 100 км, для остальных городов с числом жителей свыше 750 тыс. человек – в 50 км, для городов с числом жителей от 250 до 750 тыс. человек – в 30 км. Как показывают расчеты, примерно на таком удалении от крупных городов соответствующего размера поддерживается положительный миграционный прирост населения (Карачурина, Мкртчян, Петросян 2021). Тем самым показатели миграции рассчитывают не для крупных городов, а для городских агломераций; в данной статье проанализирован показатель миграционного прироста (убыли). Подробно этот подход рассмотрен в (Мкртчян, Гильманов 2023а).

Мы использовали индивидуальные деперсонифицированные данные о внутренней миграции в России за 2011-2020 гг., предоставленные Росстатом¹, благодаря которым в нашей работе есть «инновации», ранее не применявшиеся в подобных расчетах. Прежде всего, это учет влияния автовозврата на макропотоки, что стало возможным с появлением доступа к соответствующим массивам данных о миграции. Во-вторых, анализ миграции вели не на региональном, а на более пространственно детализированном уровне, вплоть до отдельных населенных пунктов, что позволило выделить, например, Крайний Север и приравненные к ним местности, крупногородские агломерации и проанализировать результативность их миграционных связей с другими частями страны.

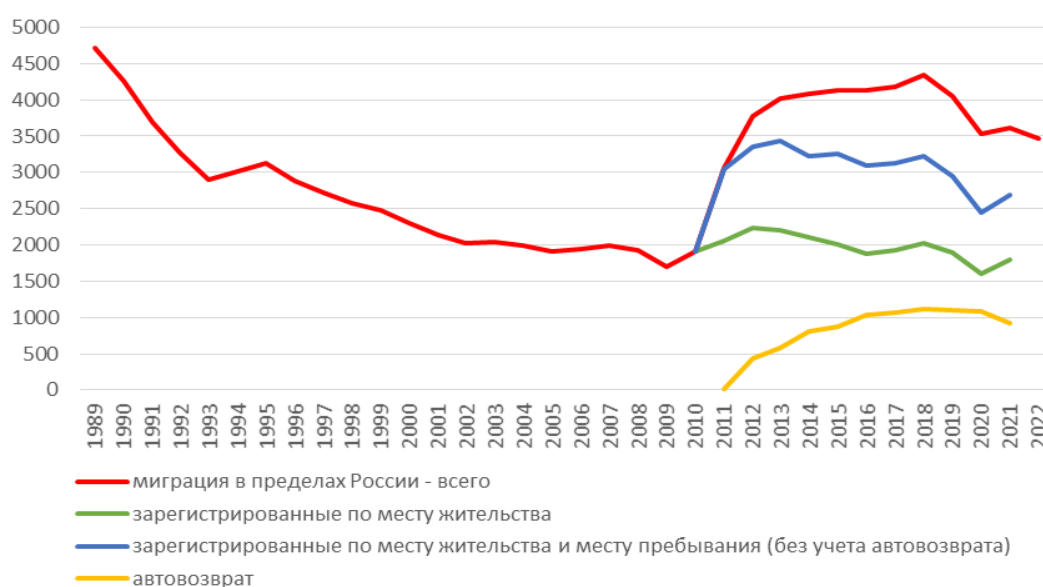
¹ Данные Росстата о миграции получены в результате разработки документов статистического учета прибытий и выбытий, поступающих от территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации (с 2019 г. – форм федерального статистического наблюдения), которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистрации по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (Росстат 2023).

Наконец, используемые данные позволили анализировать миграцию по предельно дезагрегированным возрастным группам участвующего в ней населения.

Масштабы внутренней миграции в 2010-е годы

Объемы миграции в пределах России, публикуемые Росстатом в последние три десятилетия, существенно менялись. Вплоть до 2010 г. внутренняя миграция снижалась – в 1990-е годы быстрыми темпами, в 2000-е практически вышла на плато, продолжая немного стагнировать. Однако, согласно расчетам от итогов Всероссийской переписи населения 2002 г. (ВПН-2002), выявившей недоучет не только международной, но и внутренней миграции, в 1990-е годы число переселений не падало ниже 3 млн человек (Мкртчян 2009). Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010), за год до ее проведения 2,6 млн человек меняли место жительства на территории России, а если пропорционально распределить не указавших территорию проживания между проживавшими в России и других странах, то это число увеличивается до 2,8 млн человек. Получается, что и в 2000-е годы число внутристрановых миграционных перемещений не падало существенно ниже 3 млн человек.

Рисунок 1. Миграция в пределах России по видам регистрации, тыс. человек

Источник: Росстат.

С 2011 г. Росстат изменил методику учета долговременной миграции в России, включив в разработку данные о зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более. В результате объемы учтенной миграции уже к 2012-2013 гг. удвоились по сравнению с 2000-ми годами с 2 до 4 млн человек, после чего объемы стабилизировались на данном уровне вплоть до самых последних лет (рисунок 1). Однако новая методика предполагала, что по окончании срока регистрации по месту пребывания человек становится автоматически выбывшим к месту постоянного жительства (в статистических разработках – «возвратились к месту жительства после временного пребывания на другой территории», далее – автовозврат), и это также учитывается как долговременная миграция. Поначалу число таких переселений было невелико, но уже к

2014 г. оно превысило 20% всех учтенных переселений, а с 2016 г. устойчиво превышает 25% от них.

Число переселений, основанием для регистрации которых оставалась регистрация по месту жительства (как это было до 2011 г.), практически не менялось в 2010-е годы. Число же новых регистраций по месту пребывания составляло ежегодно 1-1,25 млн человек, в 2020 г. оно снизилось до 0,83 млн. В результате число регистраций по месту жительства и месту пребывания (все регистрируемые Росстатом переселения, за исключением автовозврата) все 2010-е годы составляло 3-3,4 млн, в последние годы оно стало сокращаться.

Получается, что число реальных, основанных на регистрации, а не «автоматически возвращенных», мигрантов не превышало или практически не превышало уровень в 3 млн человек и, видимо, не сильно отличалось от реального объема внутристрановых переселений в 1990-2000-е годы. Вероятно, рост объема переселений до уровня, наблюдаемого в самом начале 1990-х годов (до более чем 4 млн человек), близок к статистическому артефакту. Как показывают результаты многолетних полевых исследований, в реальности по окончании срока временной регистрации большинство мигрантов, например, молодежь, уезжающая учиться в крупные города, не возвращается к месту постоянного проживания. Многие либо остаются проживать без регистрации, либо оформляют новую регистрацию в том же населенном пункте или переезжают в другой регион или населенный пункт, где и оформляют новую регистрацию. Но утверждать, что никто не возвращается к месту постоянного проживания, мы также не можем, такие случаи, несомненно, имеют место. Поэтому в реальности объем переселений в России в 2010-е годы находился в границах между 3 и 4 млн человек, ближе к нижней границе этого диапазона.

Помимо искажения масштабов миграции в России, автовозврат существенно искажает картину перераспределения населения между отдельными частями страны, между населенными пунктами и их группами, как будет показано ниже. Обычно чем выше масштабы миграции, тем больше переток населения между отдельными частями страны, тем больше «напряженность» миграционного поля. Однако в силу того, что автовозврат осуществляется в строго обратном направлении от преобладающих потоков переселений, фиксируемых при помощи регистрации по месту пребывания, он, напротив, сглаживает картину перетока населения. Только временной лаг автовозврата (от 9 месяцев до 5 лет, обычно – 1-3 года) позволил резко увеличить переток населения в начале 2010-х годов. Однако уже к 2016 г. вследствие автовозврата масштабы перетока населения вернулись к значениям 2000-х годов (Захаров 2018: 383-386). Автовозврат очень сильно искажает и структурные характеристики миграции (Мкртчян 2020), но этот вопрос в данной статье затрагиваться не будет.

Перераспределение населения между крупными частями страны

В 2010-е годы в результате внутренней миграции население стягивалось в Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа. Такая картина перетока населения в пределах страны на макроуровне сложилась уже три десятилетия назад, сдвиг с востока на запад (западный дрейф), с севера на юг устойчивы на протяжении уже долгого времени. Автовозврат не меняет эту картину, но существенно снижает масштабы перетока населения, в особенности в направлении Центрального и Северо-Западного федеральных

округов, где расположены две основные российские крупногородские агломерации. Данные, которые публикует Росстат (с учетом автовозврата), показывают масштабы перетока в эти три округа в размере 1,8 млн человек, без учета автовозврата переток возрастает до 2,6 млн, т.е. в 1,5 раза (таблица 1). При этом больше всего автовозврат занижает отток населения из Приволжского и Северо-Кавказского округов (более чем в 1,7 раза), в то время как отток из Уральского округа без его учета увеличивается только в 1,1 раза.

Дальневосточный федеральный округ, располагаясь в месте, где «зарождается» западный дрейф, терял население со всеми округами, при этом в миграционном обмене с Северокавказским округом потери были чисто символические. Без учета автовозврата Дальний Восток получает очень небольшой прирост в миграции с Северным Кавказом, что, конечно же, не меняет его положения как территории устойчивого миграционного оттока.

Масштабы убыли снижаются от Дальневосточного округа к Уральскому, где западный дрейф уже начинает не только «отбирать» население, но и компенсировать потери за счет регионов, расположенных еще восточнее. Однако Уральский округ получает значимый приток и с запада, из Приволжского и Северо-Кавказского округов. Свидетельствует ли это о повороте западного дрейфа вспять, хотя бы в отдельных локальных проявлениях? Мы в этом не уверены, полагая, что здесь имеем дело с устойчивым миграционным оттоком населения, свойственным Северному Кавказу уже тридцать лет, а Приволжью – последние два десятилетия. Этот отток связан не с макроположением данных регионов, а с широким перечнем причин социально-экономического характера, подробный анализ которых не входит в задачи данного исследования. По абсолютным масштабам миграционной убыли Приволжский округ лидирует, а по относительным в последнее десятилетие может вполне поспорить с Дальневосточным, особенно без смягчающего отток автовозврата.

Оценки масштабов западного дрейфа, рассчитанные исходя из размеров миграционной убыли трех округов Азиатской части России, по данным Росстата, составляли за 2011-2020 гг. почти 0,9 млн человек (таблица 2). Если же не учитывать автовозврат, они возрастут почти до 1,2 млн или на треть. Согласно данным текущего учета, в 1991-2000 гг. масштабы западного дрейфа составили 929 тыс. человек, а в 2001-2010 гг. – 563 тыс. (Мкртчян, Карачурина 2014). Но итоги двух первых постсоветских переписей существенно, почти вдвое скорректировали масштабы оттока. По оценке автора, за 1991-2000 гг. он почти удвоился, составив 1730 тыс. человек, за 2001-2010 гг. – 1060 тыс.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., фактически проведенной в 2021 г. (ВПН-2020), население Сибирского и Дальневосточного округов недосчиталось более 200 тыс. человек, Уральский округ если и потерял, то немного. Получается, что масштабы западного дрейфа близки к нашей оценке его без учета автовозврата, т.е. 1,2 млн, возможно, и несколько превышают его. От более-менее точных оценок масштабов западного дрейфа в 2010-е годы по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. пока стоит воздержаться, так как Росстат не опубликовал итоги пересчетов миграции населения. Кроме того, результаты этой переписи хуже предыдущих, поэтому есть сомнения, стоит ли вообще на них опираться в данных расчетах. Получается, что западный дрейф в 2010-е годы был меньше, чем в 1990-е, но больше, чем в 2000-е. И это несмотря на то, что потенциал оттока из восточных округов России сильно сократился за предшествующие два десятилетия.

Таблица 1. Нетто-миграция между федеральными округами России, с учетом и без учета автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

При миграции с территориями:	Миграционный прирост (убыль) для территорий:								
	Россия, всего*	Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
Вся миграция (с учетом автовозврата)									
Россия, всего*	0,0	1114,6	364,5	258,5	-302,9	-549,3	-128,7	-362,8	-394,0
Центральный ФО	-1114,6	0,0	-49,9	-134,1	-141,0	-405,7	-106,6	-157,9	-119,5
Северо-Западный ФО	-364,5	49,9	0,0	-18,9	-49,7	-103,0	-61,2	-95,1	-86,5
Южный ФО	-258,5	134,1	18,9	0,0	-68,2	-62,8	-71,5	-113,9	-95,2
Северо-Кавказский ФО	302,9	141,0	49,7	68,2	0,0	7,9	34,3	2,2	-0,4
Приволжский ФО	549,3	405,7	103,0	62,8	-7,9	0,0	24,5	-17,9	-20,9
Уральский ФО	128,7	106,6	61,2	71,5	-34,3	-24,5	0,0	-40,1	-11,7
Сибирский ФО	362,8	157,9	95,1	113,9	-2,2	17,9	40,1	0,0	-59,8
Дальневосточный ФО	394,0	119,5	86,5	95,2	0,4	20,9	11,7	59,8	0,0
Вся миграция (без учета автовозврата)									
Россия, всего*	0,0	1720,5	680,4	242,1	-527,6	-954,2	-142,8	-541,2	-477,2
Центральный ФО	-1720,5	0,0	-35,2	-247,2	-237,0	-649,1	-157,2	-239,3	-155,4
Северо-Западный ФО	-680,4	35,2	0,0	-59,7	-92,2	-195,4	-98,1	-149,9	-120,2
Южный ФО	-242,1	247,2	59,7	0,0	-114,2	-87,0	-91,0	-149,8	-107,1
Северо-Кавказский ФО	527,6	237,0	92,2	114,2	0,0	16,9	52,6	9,9	4,7
Приволжский ФО	954,2	649,1	195,4	87,0	-16,9	0,0	73,6	-19,0	-15,0
Уральский ФО	142,8	157,2	98,1	91,0	-52,6	-73,6	0,0	-64,2	-13,1
Сибирский ФО	541,2	239,3	149,9	149,8	-9,9	19,0	64,2	0,0	-71,0
Дальневосточный ФО	477,2	155,4	120,2	107,1	-4,7	15,0	13,1	71,0	0,0

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

По данным, публикуемым Росстатом (таблица 2), ежегодные масштабы западного дрейфа в 2012-2019 гг. составляли от 80 до 108 тыс. человек с максимумом в 2013 г., а в 2020 г. они существенно снизились вместе с достаточно значимым сокращением общих объемов внутренней миграции в первый год пандемии COVID-19. Без учета автовозврата масштабы дрейфа нарастают вплоть до 2018 г., после чего начали снижаться синхронно с сокращением объема внутрироссийской миграции. При этом отток с Дальнего Востока снижался с середины десятилетия, а миграционная убыль Сибири и Урала, напротив, вплоть до 2019 г. нарастала. Видимо, снижение оттока с Дальнего Востока снизило их подпитку за счет западного дрейфа.

Отток с территорий Крайнего Севера и приравненных к ним местностей – второе, столь же значимое, как и западный дрейф, направление межрегионального перетока населения в России на макроуровне. Его масштабы в 2010-е годы составили 0,7 тыс. человек, а если не учитывать автовозврат, то 0,85 млн. (таблица 3).

Таблица 2. Миграционный прирост (убыль) населения округов Азиатской части России, 2011-2020, тыс. человек

Год	Всего		Уральский		Сибирский		Дальневосточный	
	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата
2011	-73,6	-73,3	1,9	2,3	-28,3	-28,5	-47,2	-47,2
2012	-80,9	-84,1	-1,6	5,5	-29,0	-37,8	-50,2	-51,9
2013	-107,8	-112,1	-16,3	-4,6	-38,5	-50,2	-52,9	-57,3
2014	-96,4	-114,8	-14,2	-9,3	-36,4	-53,1	-45,8	-52,4
2015	-101,8	-127,6	-20,4	-19,1	-38,0	-55,3	-43,4	-53,1
2016	-89,1	-123,6	-15,7	-18,6	-37,6	-58,0	-35,8	-47,0
2017	-96,0	-133,3	-20,0	-24,0	-40,9	-62,7	-35,1	-46,6
2018	-99,4	-146,2	-18,4	-27,3	-44,5	-69,7	-36,4	-49,1
2019	-86,8	-137,1	-20,5	-29,5	-40,3	-68,3	-26,0	-39,2
2020	-53,7	-124,4	-3,4	-33,4	-29,2	-57,6	-21,1	-33,4
Итого	-885,4	-1176,5	-128,7	-158,1	-362,8	-541,2	-394,0	-477,2

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Отметим, что отток с Севера является компонентом западного дрейфа, так как многие его территории находятся в Азиатской части страны. Получается, большая часть миграционной убыли Севера может быть отнесена на западный дрейф, и наоборот, часть западного дрейфа может быть отнесена на отток с Севера. Если рассматривать эти макропотоки отдельно, получается, что из публикуемых Росстатом цифр (без учета автовозврата) отток с Европейского Севера составит 253 тыс. человек, отток с севера Азии (северная часть западного дрейфа) – 450 тыс., с юга Азии – 435 тыс., т. е. немного меньше, чем с севера Азии. Но, учитывая, что в рассмотренный промежуток времени 191 тыс. миграционной убыли территорий севера Уральского, Сибирского и Дальневосточного округов пришлось на отток на юг из этих округов, соотношение оттока с севера и юга Азиатской России в общем объеме западного дрейфа изменится до 258 и 627 тыс. соответственно.

Поэтому север Азии (Урала, Сибири и Дальнего Востока) все же «ответственен» за менее чем 1/3 западного дрейфа. Без учета автовозврата роль севера Азии в западном дрейфе снижается до 1/4 его общего объема. Это означает, что юг Урала, Сибири и Дальнего Востока компенсирует за счет миграции с севера порядка 30% оттока в Европейскую часть страны. При этом отметим, что интенсивность оттока с Азиатского севера вдвое выше, чем с юга этой части страны.

Здесь следовало бы отметить, что на Азиатский север приходится всего 17% населения трех азиатских федеральных округов. Поэтому 1/3 – довольно большая величина. Интенсивность оттока примерно вдвое выше средней по азиатской части России.

Как в любых направлениях внутрисканового перетока населения, существенно снижает отток с Севера автовозврат (рисунок 2). При этом в начале 2010-х годов он даже немного усиливал отток, в 2015 г. снижал его на 17%, в 2019 г. – на 35%, а в 2020 г. – более чем на 50%.

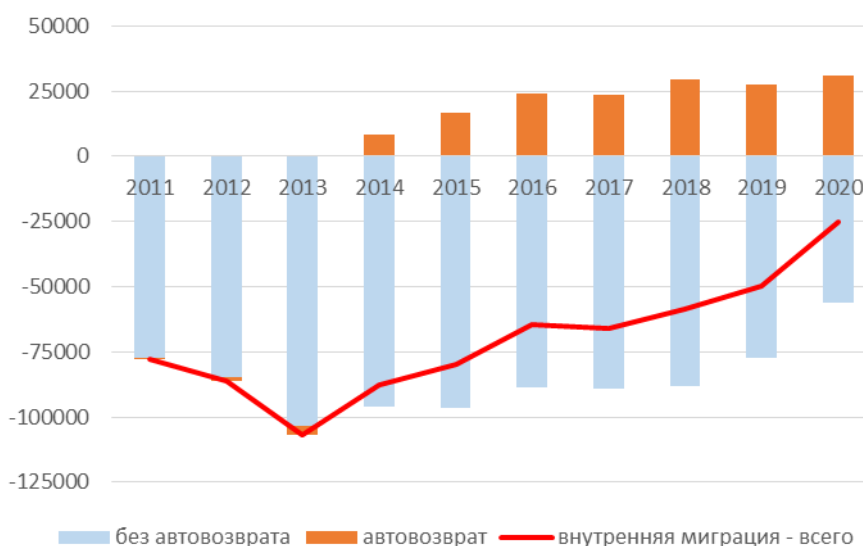
Таблица 3. Миграционный прирост (убыль) населения Севера России, 2011-2020, тыс. человек

	Вся миграция в пределах России			В том числе без учета автовозврата		
	Север – всего*	в том числе:		Север – всего*	в том числе:	
		Европейский север	Азиатский север		Европейский север	Азиатский север
Россия, всего	-702,7	-253,1	-449,6	-857,8	-319,8	-538,0
Центральный	-214,3	-94,0	-120,3	-277,1	-120,3	-156,8
Северо-Западный	-191,9	-115,9	-75,9	-271,6	-160,6	-111,0
Южный	-103,4	-24,2	-79,2	-115,8	-25,8	-90,0
Северо-Кавказский	41,4	3,0	38,4	69,6	7,0	62,6
Приволжский	-47,7	-26,1	-21,7	-29,4	-28,8	-0,6
Уральский	-71,7	-1,2	-70,6	-93,8	-0,7	-93,1
Сибирский	-71,6	3,2	-74,8	-68,6	6,1	-74,7
Дальневосточный	-43,4	2,1	-45,6	-71,2	3,2	-74,4

Примечание: * – Районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, без учета территории Республик Тыва и Алтай.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Рисунок 2. Миграционный прирост (убыль) населения районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, тыс. человек

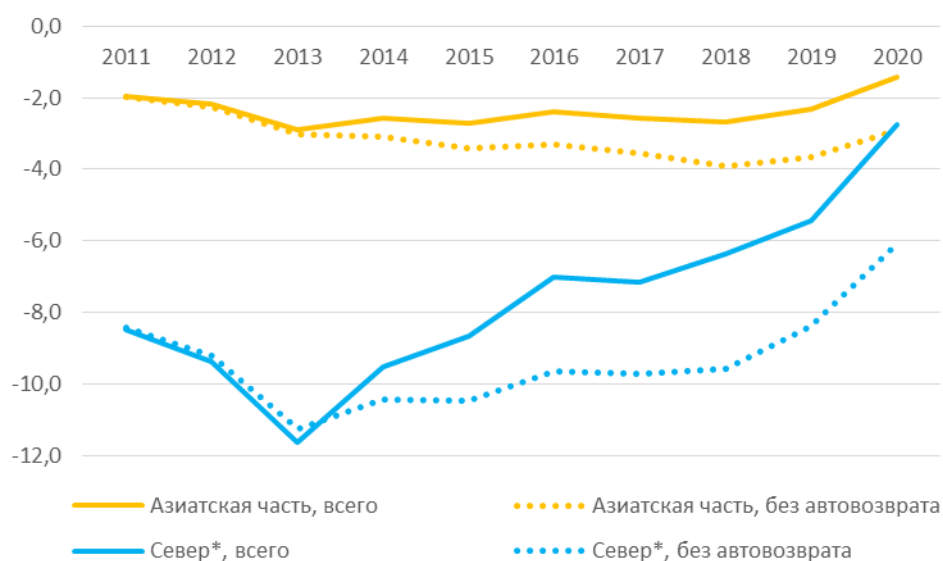

Примечание: * – Районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, без учета территории Республик Тыва и Алтай. МП – миграционный прирост.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

По интенсивности западный дрейф сильно уступает оттоку с Севера, хотя в последние годы эти показатели сближаются (рисунок 3). Если не учитывать автовозврат, интенсивность западного дрейфа даже нарастала вплоть до 2018 г. и лишь после этого начала сокращаться. Отток с Севера в течение десятилетия уменьшился сильно – почти вдвое за период с 2013 по 2020 г. Падение заметно даже без учета автовозврата и не принимая во внимание нетипичный 2020 г. Причины снижения миграционной убыли Севера России нуждаются в отдельном исследовании.

Рисунок 3. Интенсивность западного дрейфа и оттока с Севера, на 1000 постоянного населения

*Примечание: * – Районы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, без учета территории Республик Тыва и Алтай.*

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

В остальной части России, притягивающей мигрантов с Востока и Севера, выделяются Центральный, Северо-Западный (та часть, что не относится к Северу) и Южный округа. Как уже говорилось выше, Приволжский и Северо-Кавказский испытывали устойчивый миграционный отток. Если рассматривать эти крупные куски Европейской части страны без учета миграции между ними и Севером и Азиатской Россией, то самый большой миграционный прирост имеет Центральный округ, за ним следует Северо-Западный (таблица 4). А Южный округ уже теряет население, так как отток из него в Центр и на Северо-Запад больше, чем приток из Приволжья и с Северного Кавказа.

При этом Центр теряет население за счет миграции с Северо-Западом, но с лихвой компенсирует отток за счет положительного баланса миграции с остальными округами Европейской части (без учета территорий Севера). На первый взгляд, это странно: Московская агломерация примерно в три раза больше, чем агломерация Санкт-Петербурга, Москва немного выигрывает в миграционном обмене с Северной столицей. Но помимо Москвы в гигантском Центральном округе практически нет территорий устойчивого миграционного прироста (разве что Воронежская и Белгородская области), а на Северо-Западе есть устойчиво притягательная Калининградская область. Поэтому переезд на Северо-Запад для жителей Центра более предпочтителен, чем переезд в Центр для жителей Северо-Запада. А преимущество Москвы (Московской агломерации) реализуется в ее привлекательности для жителей остальных частей рассматриваемой территории.

Таблица 4. Перераспределение населения в Европейской части России (без учета территорий Севера), с учетом автовозврата, 2011-2020, тыс. человек

	Всего	Центральный округ	Северо-Западный округ*	Южный округ	Северо-Кавказский округ	Приволжский округ*
Всего	0,0	636,7	259,0	-46,2	-263,9	-585,6
Центральный округ	-636,7	0,0	43,9	-134,1	-141,0	-405,5
Северо-Западный округ*	-259,0	-43,9	0,0	-43,0	-46,7	-125,3
Южный округ	46,2	134,1	43,0	0,0	-68,2	-62,7
Северо-Кавказский округ	263,9	141,0	46,7	68,2	0,0	7,9
Приволжский округ*	585,6	405,5	125,3	62,7	-7,9	0,0

Примечание: * – без частей, отнесенных к Крайнему Северу и приравненных к ним местностей.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Приволжский округ является основным миграционным донором рассматриваемой части страны. Он имеет миграционный прирост с Северным Кавказом, однако размеры его очень невелики.

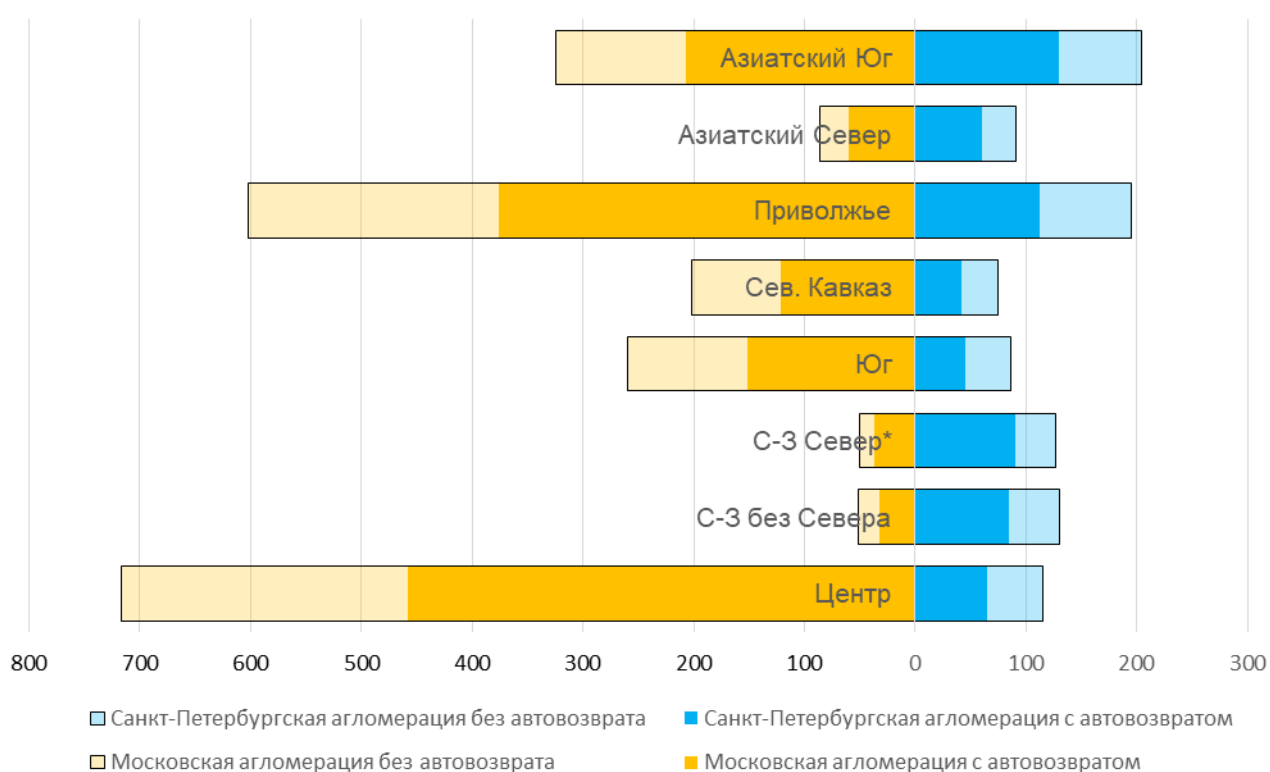
Крупнейшими центрами притяжения населения в России являются агломерации Москвы и Санкт-Петербурга, они буквально «рулят» миграционными потоками в России и обеспечивают миграционную притягательность своих округов. За 2011-2020 гг. с учетом автовозврата их миграционный прирост составил 1443 и 628 тыс. человек соответственно. Без учета автовозврата прирост был существенно больше – 2294 и 1023 тыс. человек. Соотношение миграционного прироста этих двух центров определяется в первую очередь неравновесностью их человеческих масс: число жителей Московской агломерации, по данным ВПН-2020, оценивается нами в 21 млн человек, тогда как Санкт-Петербургской – в 7 млн, обе они серьезно увеличили население за последнее десятилетие. Даже получается, что Санкт-Петербургская агломерация растет за счет миграции из других частей страны несколько интенсивнее, чем Московская. Между двумя крупнейшими агломерациями переток населения идет в пользу Московской, но размер ее абсолютно ничтожен, на уровне статистической погрешности (около 1 тыс. человек в год с учетом автовозврата).

С чем можно сравнить приток населения в две крупнейшие российские агломерации? Миграционный прирост двух этих агломераций, с учетом автовозврата составивший 2070 тыс. человек, превышает миграционный прирост всех агломераций городов с населением 250 тыс. человек и более, составивший, по нашей оценке, 1837 тыс. человек. В этих агломерациях проживало, по данным ВПН-2020, 55,9 млн человек, и они тоже увеличивали в последнее десятилетие свое население. Получается, что интенсивность миграционного прироста двух крупнейших агломераций более чем вдвое выше, чем агломераций всех других российских городов с населением 250 тыс. человек и более. Подробный анализ миграционного прироста крупногородских агломераций см. в (Мкртчян, Гильманов 2023b).

Составляющие миграционного прироста двух крупнейших агломераций существенно отличаются (рисунок 4). Почти треть миграционного прироста Московской агломерации дает миграция из регионов Центральной России, в Санкт-Петербургской «вес» притока из регионов Северо-Запада (с учетом его Северной части) немного ниже. Московская агломерация значимо больше прирастает за счет притока из Южного и

Приволжского округов, а Санкт-Петербургская – за счет округов Азиатской части страны, это подмечают и другие исследования (Микрюков и др. 2020). Это – не новая картина, более тесные связи Санкт-Петербурга с регионами востока страны известна достаточно давно (Замятина 2014; Замятина, Пилясов 2013).

Рисунок 4. Составляющие миграционного прироста Московской и Санкт-Петербургской агломераций, 2011-2020, тыс. человек

Примечание: * – Включая местности, приравненные к Крайнему Северу Приволжского округа.

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Центров притяжения мигрантов, сопоставимых с двумя крупнейшими агломерациями, в России нет. Краснодарский край, а в последние годы и Крым, хоть и способствуют росту миграционной привлекательности Юга России, но даже их наличие не может привести к сопоставимому миграционному приросту населения этой крупной части страны. Даже без учета оттока населения в Центр и на Северо-Запад миграционный прирост Южного округа (с учетом автовозврата) составил 412 тыс., а с учетом этого оттока – только 259 тыс. человек. Конечно, Юг России является привлекательным местом для переезда россиян, в особенности старших возрастов, как будет показано ниже, однако как место, где можно делать трудовую карьеру или получить образование, он никак не сопоставим не только со столичными агломерациями, но и, например, уступает агломерациями Урала и Сибири, а по возможности заработать – многим территориям российского Севера.

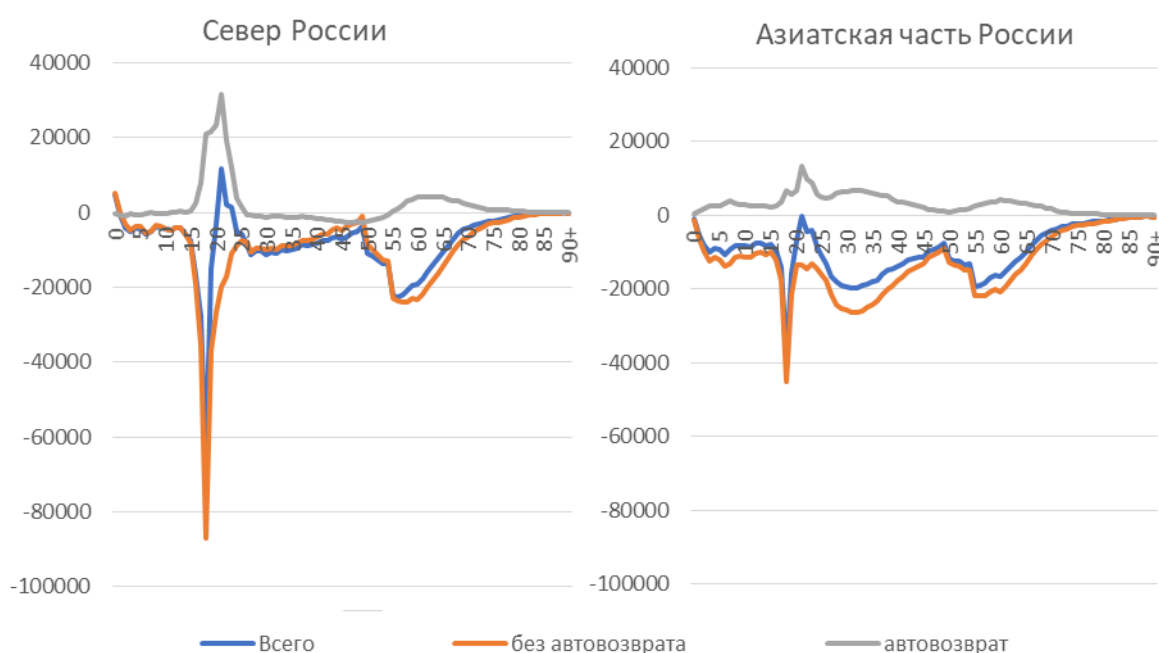
Особенности возрастной структуры перетока населения

Миграционный отток населения из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, а также западный дрейф в разной мере затрагивают возрастные группы населения. Отток с Севера формируют две основные волны миграции:

1. молодежь студенческих возрастов. Сеть вузов в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей представлена сравнительно небольшим числом учреждений ВПО, а в ряде регионов, например в Ненецком АО, вузов нет, в Ямало-Ненецком и Чукотском АО есть только небольшие филиалы, в Норильске – только один вуз. Отток молодежи обеспечивается достаточно хорошим качеством школьного образования и материальными возможностями многих родителей обеспечивать проживание своих детей вдали от дома. Кроме того, отправка ребенка «на материк» нередко сопровождается покупкой жилья в городе, где он будет получать образование, с прицелом на последующий переезд родителей по выработке «северного стажа»;
2. население в возрасте 50-65 лет. На Севере выход на пенсию возможен на 5, а на отдельных работах – на 10 лет раньше установленного законодательством срока, что дает возможность «молодым» северным пенсионерам переезжать в довольно активном возрасте в регионы с более комфортными природно-климатическими условиями (Ефремов 2016).

Отток из Азиатской части страны (западный дрейф) также представлен молодежью студенческих возрастов, пенсионерами и людьми в возрасте наиболее высокой экономической активности (рисунок 5). Пики оттока при этом более сглаженные.

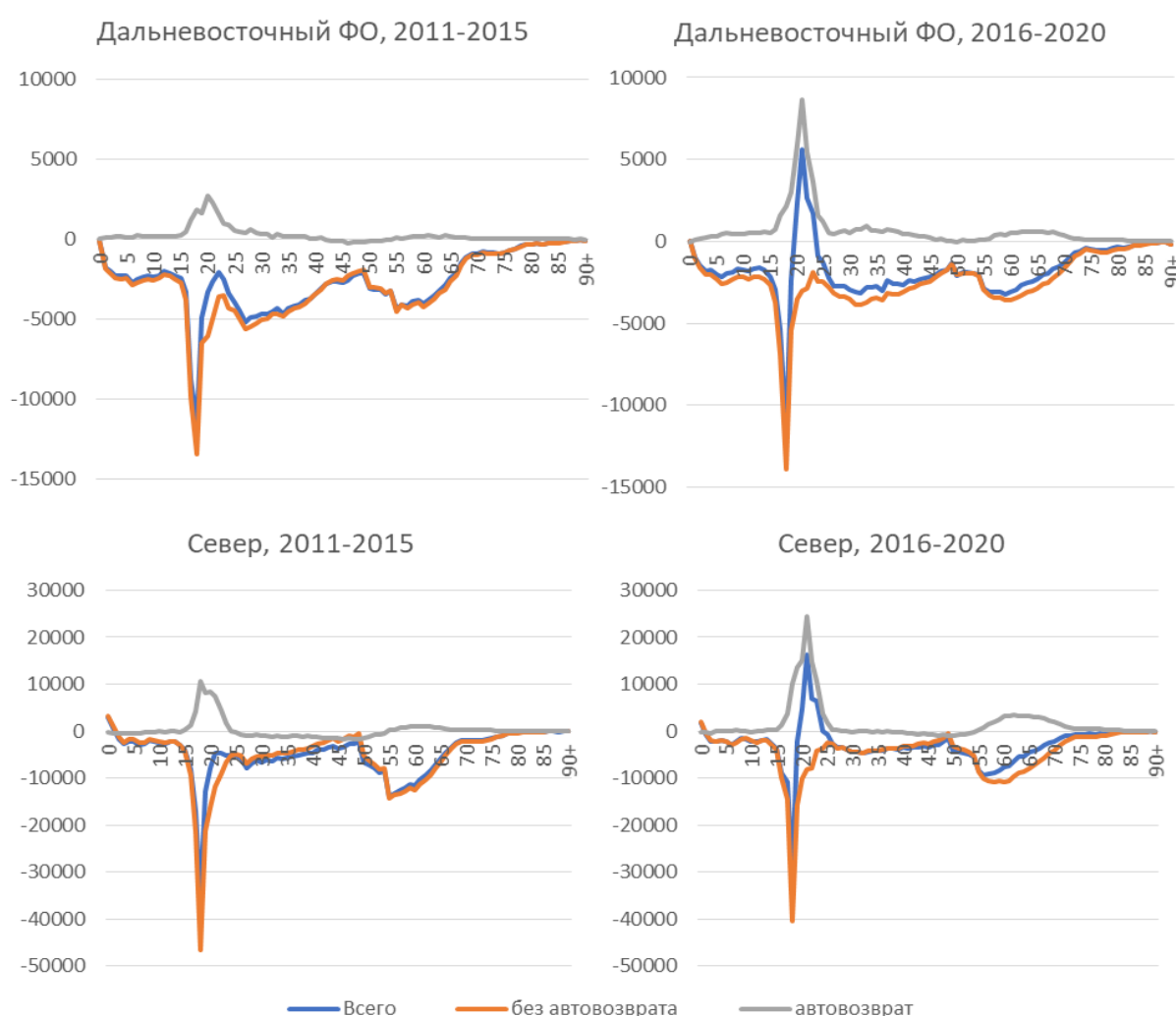
Рисунок 5. Миграционный прирост (убыль) населения Севера и Азиатской части России по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Как видно на рисунке 5, автовозврат сокращает отток населения, но его сглаживающее влияние в первую очередь отмечается в молодых, прежде всего, студенческих возрастах. В отдельных возрастах (20-23 года) он настолько велик, что обеспечивает прирост населения. Автовозврат проявил свою силу не сразу, число регистраций по месту пребывания должно было накопиться. Поэтому особенно сильно его влияние проявляется во второй половине 2010-х годов (рисунок 6). Такая специфика учета миграции населения создает статистическую иллюзию, что почти все уехавшие на учебу возвращаются после ее окончания домой, туда, где они закончили школу. На самом деле это происходит редко и, если происходит, зачастую является последствием провала планов, личного неуспеха².

Рисунок 6. Миграционный прирост (убыль) населения Дальнего Востока и Севера по 1-летним возрастным группам, 2011-2015 и 2016-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

² По материалам студенческой экспедиции «Возвратная миграция молодежи в нестоличные территории (на примере отдельных населенных пунктов Воронежской, Саратовской областей, 2021 год)» в рамках проекта «Открываем Россию заново».

На Севере автовозврат завышает отток населения в наиболее активных трудоспособных возрастах (таблица 5). Это означает, что люди в этом возрасте достаточно активно едут на Север, оформляя регистрацию по месту пребывания на длительный (превышающий 9 месяцев) срок. И это помимо того, что Север привлекает внутривосточных трудовых мигрантов. Поэтому, несмотря на отток молодежи студенческих возрастов, миграционный баланс Севера с экономической и демографической точек зрения не так неблагоприятен, как может показаться на первый взгляд. На Севере отток людей в возрасте 50 лет и старше без учета автовозврата составляет 42% общей миграционной убыли и в 1,4 раза превышает отток населения в возрасте 20-49 лет. Западный дрейф также на 30% представлен лицами старших возрастов, но лиц в активных трудоспособных возрастах уезжает с востока на запад страны больше, чем людей в возрасте старше 50 лет.

Таблица 5. Миграционный прирост (убыль) населения Азиатской части и Севера России по укрупненным возрастным группам, 2011-2020, тыс. человек

	Азиатская Россия			Крайний Север и приравненные к ним местности*		
	всего	без автовозврата	автовозврат	всего	без автовозврата	автовозврат
Всего	-885,8	-1161,4	275,6	-702,9	-857,9	155,0
0-14	-119,8	-156,9	37,2	-54,7	-50,5	-4,2
15-19	-85,5	-106,1	20,5	-133,6	-187,1	53,5
20-24	-24,5	-69,0	44,5	7,1	-83,3	90,3
25-29	-77,8	-104,7	26,9	-46,3	-44,6	-1,6
30-49	-286,1	-369,0	82,9	-162,3	-128,4	-34,0
50-64	-222,6	-264,3	41,7	-248,8	-272,4	23,6
65 и старше	-69,6	-91,4	21,8	-64,2	-91,6	27,4

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

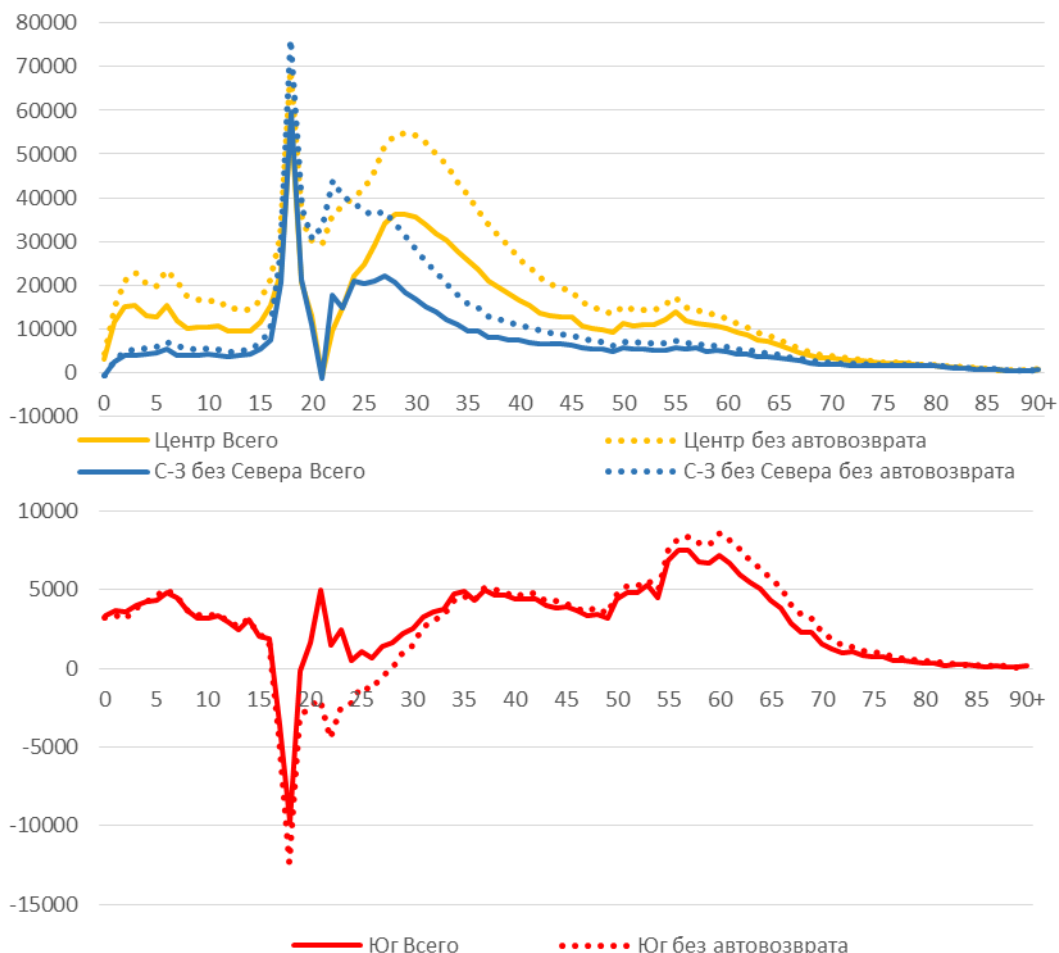
Примечание: * – Без учета территории Республик Тыва и Алтай, изолированных от основной территории Севера.

На полюсе притока, в растущих за счет внутренней миграции округах Европейской части страны, распределение миграционного прироста по возрастным группам, естественно, зеркально миграционной убыли Севера и Востока страны и тех частей Европейской части, которые теряют население. Пики притока в Центре и на Северо-Западе приходятся на студенческие возраста, что не удивительно, учитывая, что миграцией в этих округах дирижируют Москва и Санкт-Петербург, крупнейшие вузовские центры страны. Обратим внимание и на второй пик в Центре, который также связан с Московской агломерацией. На Северо-Западе такого пика нет, что отличает его от Центра, нет и никакого подъема в возрастах после 50 лет (рисунок 7).

Отличия статистики, на которую опирается Росстат (с учетом автовозврата), от миграции без автовозврата наглядны: автовозврат занижает все пики, но если студенческие пики занижены немного, то пики в возрастах 20-39 лет – сильнее. Как видим, спада миграционного прироста до нулевого уровня в возрасте 21 год нет. На Северо-Западе нет и пика в возрасте 25-35 лет, как в Центре, фактически, до 35 лет происходит медленное падение первого пика. С чем связаны эти отличия от Центра, непонятно, так как «ответственны» за оба пика крупнейшие агломерации. Видимо, мотивация миграции в них очень похожа, как и возрастной «портрет» ее участников, но, оказывается, на Северо-Запад

переселяются в более молодых возрастах. Вопрос, почему миграционный прирост Центра более «возрастной», чем Северо-Запада, требует дальнейших исследований.

Рисунок 7. Миграционный прирост (убыль) населения Центрального, Северо-Западного и Южного округов по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Миграционный прирост в Южном округе, помимо того, что несопоставим по масштабам с Центральным и Северо-Западным, определяется иными возрастными группами населения. Прежде всего, Юг теряет молодежь студенческих возрастов, что является следствием малой востребованности вузов его городов для жителей других частей страны (Габдрахманов, Никифорова, Лешуков 2019). Миграционный прирост молодежи в возрасте 20 лет и старше – в значительной мере статистический артефакт, так как без учета автовозврата он пропадает. Однако исследование на других данных, а именно Мониторинге трудоустройства выпускников (Антосик, Ивашина 2021), показывает, что в отдельные регионы Юга, прежде всего в Краснодарский край, идет приток выпускников вузов, но, видимо, он осуществляется прежде всего в пределах округа, в частности из Ростовской области. По молодежной миграции Юг России принципиально отличается от Центра и Северо-Запада и мало отличим от остальных частей страны. При этом основная специфика миграционного баланса Южного округа – приток населения в возрасте 50 лет и старше.

Получается, что в Центре миграционный прирост на 2/3, а в Северо-Западе – на 3/4 обеспечивается за счет населения в возрасте 15-49 лет, причем без автовозврата доля этих возрастов еще более возрастает. На Юге картина иная: миграционный прирост лишь на треть составляют люди в возрасте 15-49 лет, без учета автовозврата их доля снижается до 20%. Приток населения в возрасте старше 50 лет обеспечивает 45%, а без учета автовозврата – 57% всего миграционного прироста населения округа (таблица 6). Если в Центральном и Северо-Западном округах миграция противостоит старению населения, то в Южном, напротив, ускоряет его. Автовозврат сглаживает эту картину, без его учета роль миграции в динамике структуры населения еще контрастнее.

Таблица 6. Миграционный прирост (убыль) населения Центрального, Северо-Западного и Южного округов по укрупненным возрастным группам, 2011-2020, тыс. человек

	Центральный округ		Северо-Западный округ (без Севера)		Южный округ	
	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата	всего	без автовозврата
Всего	1114,6	1720,5	613,4	992,3	258,5	242,2
0-14	167,5	257,9	53,8	72,7	54,2	54,7
15-19	127,7	172,4	114,2	156,6	-9,6	-15,8
20-24	58,3	173,9	62,5	187,4	11,0	-13,7
25-29	160,3	248,6	102,1	175,0	7,0	-2,2
30-49	389,4	607,5	171,6	265,7	80,1	79,9
50-64	156,2	197,3	72,7	91,7	89,4	103,5
65 и старше	55,2	62,9	36,4	43,1	26,4	35,7

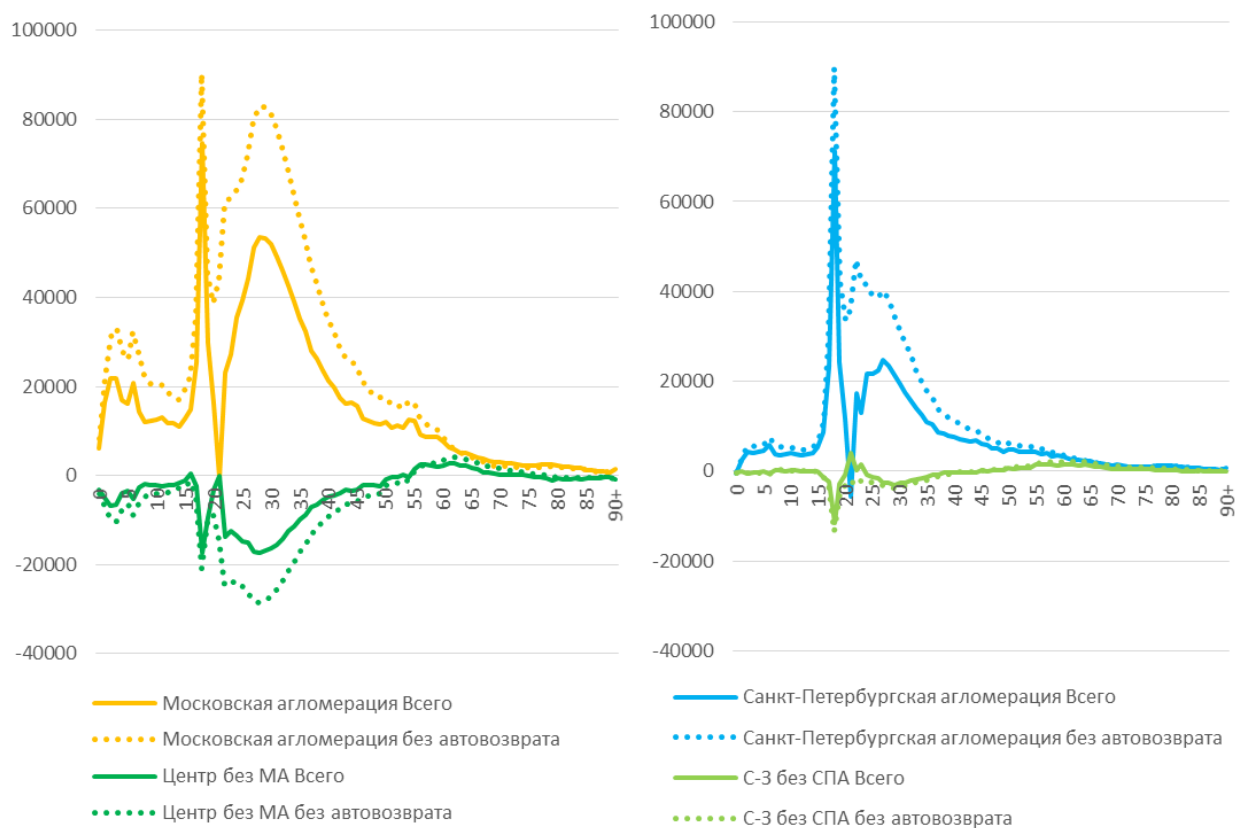
Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Если «вычленим» из Центрального округа Московскую, а из Северо-Западного Санкт-Петербургскую агломерации, миграционный баланс оставшихся территорий изменится принципиально (рисунок 8). Понятно, что крупнейшие центры притяжения населения странового масштаба определяют не только размеры, но и распределение по возрасту миграционного прироста населения своих округов. Также видны особенности перетока населения в пределах округов – агломерации стягивают учебных мигрантов (+/- 18 лет) и лиц наиболее активных трудоспособных возрастов со своего ближайшего окружения.

Получается, что в общем миграционном приросте Центра и Северо-Запада внеагломерационная зона «ответственна» лишь за небольшой (36 и 42 тыс. человек соответственно без учета автовозврата) миграционный прирост населения в возрасте 50 лет и старше. Часть этого притока формируют, в частности, мигранты с Севера, которые называют эти части территории страны «Средней полосой» – такой ответ на вопрос «Куда Вы планируете переехать?» в анкетном опросе давали жители городов Воркута, Ухта, Салехард³.

³ По материалам студенческой экспедиции «Миграционные процессы в регионах и населенных пунктах с разными видами хозяйственной деятельности (Республика Коми и ЯНАО), 2022 г.» в рамках проекта «Открываем Россию заново».

Рисунок 8. Миграционный прирост Центрального и Северо-Западного федеральных округов по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, человек

Источник: Росстат, неопубликованные данные.

Учитывая, что население Санкт-Петербургской агломерации, и, в частности, Санкт-Петербурга, почти в 3 раза меньше, чем Московской агломерации и Москвы, интересно, что приток населения в возрасте 18 лет в агломерацию Санкт-Петербурга по абсолютным масштабам практически не отличается от притока в Московскую агломерацию. Это говорит об очень высокой привлекательности Северной столицы для студентов.

Заключение

В данной работе проанализировано перераспределение населения России между группами регионов, четко делимитированных по особенностям пространственно-географического положения и понятных с административной точки зрения (за исключением столичных агломераций), произведена достаточно общая оценка миграции в стране в 2010-е годы на макроуровне. Подобные попытки предпринимались ранее, в том числе автором (Мкртчян 2003; Мкртчян, Карачурина 2014), поэтому проведенное исследование носит в значительной мере «мониторинговый» характер. Следует констатировать, что в направлениях миграции в сравнении с предшествующими десятилетиями в России изменений мало, даже объем перераспределяемого населения остался почти на прежнем уровне. Это – результат действия прямо противоположных процессов:

- во-первых, можно было бы ожидать усиления перетока населения между отдельными частями страны, так как число фиксируемых Росстатом переселений в 2010-е годы по сравнению с 2000-ми более чем удвоилось. Однако, как показал анализ, этого удвоения не было, недоучет миграции в прошлые десятилетия сменился ее «переучетом». Причем этот переучет (связанный с автовозвратом) в силу его природы не обостряет миграционное поле, а сильно сглаживает его перепады;
- во-вторых, в России достигнут достаточно высокий уровень концентрации населения в крупных городах, официальный уровень урбанизации застыл на значении 73-75%. Завершился или близок к завершению исход населения из населенных пунктов и территорий, экстенсивно развивающихся в условиях плановой экономики, а в рыночной экономике ставших «перенаселенными». Например, Север России уже в начале 1990-х годов считался перенаселенным на 20-40% (Зайдфудим и др. 1994). Это позволяло ожидать, что потенциал оттока населения из этих частей страны почти исчерпан, что иллюстрирует, например, название главы о внутренней миграции в одном из значимых демографических докладов (Вишневский, Бобылев 2008): «Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее». Но переток населения, как видно, не ослабевает...

Как показали расчеты, важной компонентой западного дрейфа является отток с Севера. При этом вопрос, к чему причислить, например, отток населения из Якутии, Магаданской области или Сахалина (к оттоку с Севера или к западному дрейфу), может решаться по-разному в зависимости от исследовательских задач. В данной статье лишь показано соотношение того и другого потоков в Азиатской части страны, а также произведены расчеты, в какой мере отток с Севера сглаживает потери территорий Юга Урала, Сибири и Дальнего Востока от западного дрейфа.

Все 2010-е годы на разных уровнях не стихали призывы если не перенаправить потоки миграции в восточном/северном/геостратегически «важном» направлении, то решительно прекратить отток населения из этих мест, в особенности молодежи. Например, одной из таких целей, будто бы, служило развитие Дальневосточного федерального университета. Однако анализ показывает, что даже в масштабах Дальнего Востока никакого влияния это не оказало: Приморский край как проигрывал, так и продолжает проигрывать Хабаровскому краю в потоках мигрантов студенческих возрастов.

Высказывались идеи создавать новые города в Сибири и на Дальнем Востоке ⁴, однако на практике непропорционально большая доля нового жилья (35% от всей страны в 2022 г. (Росстат 2022)) продолжает строиться в агломерациях Москвы и Санкт-Петербурга и в Краснодарском крае. По сравнению с 2012 г. (27%) доля этих регионов во вводе жилья увеличилась, в то время как, например, на Дальнем Востоке (в нынешних границах округа) в 2012 г. вводилось 4% жилья в России (Росстат 2014), а в 2022 г. – 3,5% (Росстат 2022). И это на фоне постоянных стенаний о невозможности дальнейшей концентрации населения в крупнейших мегаполисах. Миграция – важный двигатель цен на жилье не только в России: в Китае приток населения демонстрирует значительную положительную корреляцию с ценами на городское жилье (Lin et al. 2018). Неудивительно поэтому,

⁴ Сибирские мечты Сергея Шойгу (2021). *Newsland*, 21.10. 2021. <https://newsland.com/post/7493613-sibirskie-mechty-sergeia-shoig>

что население России продолжает концентрироваться в крупнейших агломерациях – рынок жилья очень сильно связан со спросом, реальные приоритеты экономических властей и крупного бизнеса также прагматичны.

Произведенные расчеты также показали, что основным участником макрорегионального перетока населения являются люди в студенческих возрастах и возрасте наиболее высокой экономической активности. Именно они стягиваются в крупнейшие городские агломерации. Вместе с тем заметен переток лиц старших возрастов с Севера и Востока России, для которых притягательны южные, наиболее благоприятные в природно-климатическом отношении регионы страны. Это далеко не новая тенденция (Карачурина, Иванова 2017). В данной статье показаны только самые общие особенности перераспределения населения отдельных возрастов, это – перспективное направление дальнейших исследований.

Литература

- Антосик Л.В., Ивашина Н.В. (2021). Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, 2, 107–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125>.
- Вишневский А.Г., Бобылев С.Н. (Ред.) (2008). Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Москва: Academia.
- Габдрахманов Н.К., Никифорова Н.Ю., Лешуков О.В. (2019). «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России. Москва: НИУ ВШЭ.
- Ефремов И.А. (2016). Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России. *Регионоведение*, 97(4), 140-159.
- Зайдфудим П.Х., Фролов О.П., Бобков О.И., Широков А.А., Скоробогатов Ю.В. (1994). *Социальная реабилитация населения Севера России*. М.: ИВЦ «Маркетинг».
- Замятина Н.Ю. (2014). Расслоение пространства. Миграция с Севера как индикатор статусных различий городов России. *Отечественные записки*, 3, 165-178.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2013). Север, социальные сети и «диаспора наоборот». *Демоскоп Weekly*, 547-548. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0547/analit07.php>
- Захаров С.В. (Ред.) (2018). Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Карачурина Л.Б., Иванова К.А. (2017). Миграция пожилых в России (по данным Переписи населения 2010 г.). *Региональные исследования*, 2017, 57(3), 51-60.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Петросян А.Н. (2021). Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России. *Вестник Московского университета, Серия 5. География*, 6, 123–134.
- Микрюков Н.Ю., Письменная Е.Е., Безвербный В.А., Рязанцев С.В. (2020). Современные тенденции межрегиональных миграций в России. *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*, 3-4, 15-30. <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-3-4-02>.
- Мкртчян Н.В. (2003). Из России в Россию: откуда и куда едут внутренние мигранты. *Мир России. Социология. Этнология*, 12(2), 151-164.

- Мкртчян Н.В. (2009). Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа. *SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры*, 11, 149-164.
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 7(1), 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023а). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы. *Известия РАН. Серия географическая*, 87(1), 29-41. <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023b). Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 68(1). <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103>
- Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. (2014). Миграция в России: потоки и центры притяжения. *Демоскоп Weekly*, 595-596. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/demoscope595.pdf>
- Росстат (2014). *Регионы России. Социально-экономические показатели 2013*. https://gks.ru/bgd/regl/B13_14p/Main.htm
- Росстат (2022). *Доклад «Социально-экономическое положение России»*. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2022.pdf>
- Росстат (2023). *Численность и миграция населения России в 2022 г. Статистический бюллетень. Предисловие*. <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>
- Alvarez M., Bernard A., Lieske S.N. (2021). Understanding internal migration trends in OECD countries. *Population Space and Place*, 27(7), e2451. <https://doi.org/10.1002/psp.2451>
- Bernard A., Pelikh A. (2019). Distinguishing tempo and ageing effects in migration. *Demographic Research*, 40, 1291-1322. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.40.44>
- DeWaard J., Fussell E., Curtis K.J., Ha T.J. (2019). Changing Spatial Interconnectivity during the "Great American Migration Slowdown": A Decomposition of Intercounty Migration Rates, 1990-2010. *Population Space and Place*, e2274. <https://doi.org/10.1002/psp.2274>
- Lin Y., Ma Z., Zhao K., Hu W. (2018). The Impact of Population Migration on Urban Housing Prices: Evidence from China's Major Cities. *Sustainability*, 10(9), 3169. <https://doi.org/10.3390/su10093169>
- Lomax N., Stillwell J., Norman P., Rees P. (2014). Internal Migration in the United Kingdom: Analysis of an Estimated Inter-District Time Series, 2001–2011. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 7(1), 25-45. <https://doi.org/10.1007/s12061-013-9098-3>
- McCollum D., Ernten-Birns A., Feng Z., Everington D. (2020). Mobile no more? The innovative use of administrative data linked to a census-based longitudinal study to investigate migration within Scotland. *Population Space and Place*, e2312. <https://doi.org/10.1002/psp.2312>
- Stawarz N., Sander N., Sulak Y., Rosenbaum-Feldbrügge M. (2020). The turnaround in internal migration between East and West Germany over the period 1991 to 2018. *Demographic Research*, 43(33), 993-1008. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.33>

- Sunganani S.V., Bernard A., Charles-Edwards E., Corcoran J. (2020). Decline in internal migration levels in Australia: Compositional or behavioural effect? *Population Space and Place*, e2341. <https://doi.org/10.1002/psp.2341>
- Tao L., Yuanjing Q., Guangzhong C., Hui L. (2015). Spatial patterns, driving forces, and urbanization effects of China's internal migration: County-level analysis based on the 2000 and 2010 censuses. *Journal of Geographical Sciences*, 2015, 25(2), 236-256. <https://doi.org/10.1007/s11442-015-1165-z>
- Zhang H., Zhuang Y. (2019). The impact of soil erosion on internal migration in China. *PLoS ONE*, 14(4), e0215124. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0215124>

Северокавказские мигранты в Санкт-Петербурге: специфика адаптации в мегаполисе

Ирина Викторовна Стародубровская (irinavstar@gmail.com), Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Россия.

Даниил Андреевич Ситкевич (dasitkevich@gmail.com), Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

North Caucasian migrants in St. Petersburg: distinctive features of adaptation in a metropolis

Irina Starodubrovskaja (irinavstar@gmail.com), Gaidar Institute for Economic Policy, Russian Academy for National Economy and Public Administration, Russia.

Daniil Sitkevich (dasitkevich@gmail.com), Russian Academy for National Economy and Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Russia.

Резюме: Статья посвящена проблематике адаптации мигрантов в мегаполисе на примере северокавказской миграции в Санкт-Петербург. Основное внимание обращается на культурные аспекты адаптации. В работе использованы подходы, характерные для концепции стратегий аккультурации Джона Берри, теорий сегментной ассимиляции и транснационализма (транслокальности). Информационной базой статьи послужило полевое исследование, проведенное в Санкт-Петербурге в 2022 г. Выявлено, что культурная дистанция между отправляющим и принимающим сообществами и такие особенности городской культуры, как ее гетерогенность, индивидуализм, автономность личности, существенно влияют на процессы аккультурации. Столкновение с новыми культурными паттернами является важным фактором миграционного шока и создает у мигрантов первого поколения стимулы к сепарации – стремлению замкнуться в привычной культурной среде. Стратегия интеграции в этом поколении выявлена в первую очередь у студентов. Аккультурация происходит также через городские субкультуры, в частности исламскую. Культурная специфика мегаполиса предопределяет и наличие межпоколенческого разрыва между первым и вторым поколениями мигрантов. В отсутствие системной дискриминации второе поколение северокавказских мигрантов с малолетства воспринимает городские культурные паттерны и органично в них встраивается. В этом поколении распространены такие стратегии аккультурации, как интеграция и ассимиляция. Транслокальность сохраняется у северокавказских мигрантов любого поколения и оказывает воздействие на процессы аккультурации. При этом часть мигрантов постепенно отдаляется от отправляющего сообщества, и уже его рутинные нормы, а не культура мегаполиса, начинают восприниматься как чуждые.

Ключевые слова: миграция, адаптация мигрантов, аккультурация, транслокальность, Северный Кавказ, Санкт-Петербург.

Финансирование: Статья отражает результаты исследований, выполненных в рамках НИР государственного задания Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

Для цитирования: Стародубровская И.В., & Ситкевич Д.А. (2023). Северокавказские мигранты в Санкт-Петербурге: специфика адаптации в мегаполисе. Демографическое обозрение, 10(3), 43-61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17969>

Abstract: The article discusses the issue of migrants' adaptation in a metropolis, using the example of North Caucasian migration to St. Petersburg. We focus on the cultural aspects of adaptation using some of the approaches typical for John Berry's concept of acculturation strategies as well as the theories of segmented assimilation and transnationalism (translocality). The empirical basis of the article is a field study conducted in 2022. It was found that the cultural distance between the migrant sending and receiving communities and such features of urban culture as its heterogeneity, individualism, and individual autonomy significantly affect the processes of acculturation. The encounter with new cultural patterns is an important factor of migration shock. It also creates incentives for separation (the desire to withdraw into a familiar cultural environment) in first-generation migrants. It was also discovered that the integration strategy in this generation of migrants is mostly found among students.

Acculturation also takes place through urban subcultures, in particular an Islamic one. The cultural specifics of the metropolis also determine the existence of an intergenerational gap between the first and the second generations of migrants. In the absence of systemic discrimination, the second generation of North Caucasian migrants perceives urban cultural patterns and organically integrates into them from their early childhood. Integration and assimilation are among the common acculturation strategies in this generation. Translocality characterizes North Caucasian migrants of any generation and influences acculturation processes. However, some of the migrants gradually become estranged from their migrant sending community, and it is its routines and norms, not those of the receiving community, that come to be seen as alien.

Keywords: migration, migrant adaptation, acculturation, translocality, North Caucasus, St. Petersburg.

Funding: The article reflects the results of research carried out as part of the research work of the state task of Gaidar Institute for Economic Policy.

For citation: Starodubrovskaja I., & Sitkevich D. (2023). North Caucasian migrants in St. Petersburg: distinctive features of adaptation in a metropolis. *Demographic Review*, 10(3), 43-61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17969>

Введение

Академическая литература, посвящённая миграционным проблемам, объемна и разнообразна. Однако процессы миграции как один из ключевых факторов, определяющих лицо современного мира, продолжают интересовать исследователей. При этом основное внимание обращается на внешнюю миграцию, источниками данных в большинстве случаев служат статистика и количественные опросы, а характеристики мигрантов и процессы их адаптации рассматриваются преимущественно в разрезе государств без учета внутривостановых различий.

В данной работе использованы подходы к анализу, отличные от доминирующих.

Во-первых, объектом исследования являются внутренние мигранты – переселенцы из республик Северного Кавказа. Это категория мигрантов, не сталкивающаяся с бюрократическими проблемами, связанными с получением необходимых для пребывания в стране и разрешения на работу документов, и обычно не имеющая серьезных языковых трудностей. В то же время она обладает яркой культурной спецификой, что выдвигает культурные аспекты адаптации (не связанные с языковыми проблемами) на первый план и позволяет анализировать их без искажающего влияния других факторов.

Во-вторых, в основе работы лежат результаты полевого исследования, осуществленного в Санкт-Петербурге в 2022 г, затронувшего дагестанское, чеченское, осетинское и ингушское мигрантские сообщества. Всего исследованием было охвачено 86 информантов в рамках индивидуальных и коллективных интервью и групповых дискуссий. Подавляющее большинство опрошенных составляли дагестанцы, среди информантов также были 14 осетин, 9 ингушей и 2 чеченца. Кроме того, было проведено 5 экспертных интервью и несколько включённых наблюдений. С некоторыми информантами было организовано по несколько встреч. В целом в рамках исследования был соблюден поколенческий и гендерный баланс. В то же время авторы статьи столкнулись с проблемой обеспечения многообразия входов в поле: на начальном этапе информантов рекрутировали через этнические организации, и затем «оторваться» от этого источника оказалось достаточно трудно. Для решения данной задачи были мобилизованы контакты в самих северокавказских республиках, что позволило обеспечить большее разнообразие информантов, в частности, выйти на малоквалифицированных мигрантов и охватить больше мигрантов второго поколения (с включением которых в исследование также возникли сложности).

В-третьих, в настоящем исследовании специфика принимающего сообщества играет принципиальную роль. Речь идет об адаптации мигрантов в Санкт-Петербурге, причем Петербург в данном случае интересен не сам по себе, а как пример мегаполиса. То есть основное внимание обращается на те аспекты встраивания мигрантов в новую среду, которые определяются размерами и культурными особенностями городского сообщества, характерными для крупных, глобальных городов. Подобным сообществам свойственны индивидуализм и автономность личности, гетерогенность норм и образов жизни. Процессы адаптации в этих условиях могут существенно отличаться от ситуации в более мелких городах или в сельской местности. В то же время необходимо отметить, что принимающее сообщество в статье рассматривается сквозь призму восприятия мигрантами. Отдельных исследований его представителей в ходе данной работы не проводилось.

Таким образом, наша статья ставит своей целью ответить на исследовательский вопрос о специфике адаптации мигрантов в мегаполисе. В первую очередь акцент делается на культурных аспектах адаптации. Информационной базой являются качественные данные, полученные в ходе полевого исследования в Санкт-Петербурге.

Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в мегаполисах

Если рассматривать культурные аспекты адаптации, на которых делается основной акцент в настоящей статье, теория Джона Берри (Berry 1992; 2001; 2019), является наиболее распространённым подходом к их исследованию. Для недоминирующих культурных групп (тех же мигрантов) Берри выделял четыре стратегии аккультурации в зависимости от того, стремятся ли они поддерживать доставшиеся им в наследство культуру и идентичности либо предпочитают участвовать в жизни принимающего общества и контактировать с его представителями:

- ассимиляция: отсутствует стремление поддерживать собственную культурную идентичность, предпочтение отдаётся активному взаимодействию с другими культурами;
- сепарация: желание избежать контакта с другими культурами и поддерживать ценности собственной культуры;
- интеграция: и сохранение собственной культуры, и контакт с другими культурами представляют интерес;
- маргинализация: сохранение собственной культуры не является ценностью, но отсутствует и стремление к культурному контакту.

Берри отмечает, что различные стратегии формируют разные предпосылки для успешной адаптации. Наилучшие условия создаёт стратегия интеграции, наихудшие – стратегия маргинализации, ассимиляция и сепарация обеспечивают промежуточные результаты.

В то же время недоминирующие группы не полностью свободны в выборе стратегии аккультурации, они зависят в том числе и от установок доминирующей культурной группы. Берри также выделяет здесь четыре стратегии. Если эта группа ориентирована на ассимиляцию недоминирующих групп, такая стратегия названа им «плавильный котёл» (превращающийся в «скороварку», если ассимиляция жестко навязывается). Когда доминирующая группа требует и реализует на практике сепарацию – это стратегия сегрегации. Маргинализация, навязываемая доминирующей группой, превращается в эксклюзию. Наконец, когда поддержание культурного многообразия является целью общества – это мультикультурализм, и он необходим для реализации стратегии интеграции.

Берри связывает адаптацию также с тем, как представители недоминирующих групп реагируют на культуру доминирующей группы. С этой точки зрения он разделяет два типа изменений, связанных с аккультурацией (Berry 2006): те изменения, которые происходят достаточно легко в ходе освоения новой культуры и оставления элементов старой (Берри использует термин «линька»), и те изменения, которые вызывают аккультурационный стресс у групп и их отдельных членов, связанный со столкновением различных культурных ценностей и конфликтами между людьми.

На кризисные моменты адаптации мигрантов обращали внимание и другие исследователи, называя их по-разному: миграционный шок, острая фаза адаптации. Обычно подобные периоды возникают на первоначальных этапах миграции, хотя они возможны и в другие периоды.

Теория Берри активно используется при проведении количественных исследований как в России (Лепшокова 2020), так и за рубежом (Berry et al. 2006). В соответствии с подобными исследованиями наиболее распространённой среди мигрантов стратегией аккультурации является интеграция.

Появившаяся в 1990-е теория сегментной ассимиляции (Portes, Zhou 1993; Zhou 1997; Portes, Rumbaut 2001) привела к развитию представлений об аккультурации мигрантов по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, она подчеркнула межпоколенческие различия в этом процессе. Во-вторых, она сконцентрировалась на гетерогенности самой доминирующей культуры, выявив в ее рамках не только мейнстрим, но и другие сегменты, в частности контркультуры, отрицающие доминирующие ценности и способные привести к нисходящей мобильности второго поколения мигрантов. Дискуссии вокруг этой теории привели к расширению спектра рассматриваемых сегментов, а именно включили в анализ не только контркультуры, но и субкультуры, нормы и ценности которых не противостоят мейнстриму, но существенно от него отличаются (Lacy 2004; Silberman, Alba, Fournier 2007; Vermeulen 2010).

Наконец, теория транснационализма (и близкие к ней теории трансмиграции, транслокальности) обратили внимание на то, что мигранты не принадлежат полностью культуре принимающего общества, но являются частью транслокальных и транснациональных сетей, объединяющих их с отправляющим обществом и другими группами мигрантов в обществе (Schiller, Basch, Blanc-Szanton 1992; Vertovec 1999; Brickell, Datta 2011; Tedeschi, Vorobeva, Jauhiainen 2020). В рамках этих сетей осуществляется взаимное культурное влияние. Также подобные связи создают для мигрантов стратегии, альтернативные включению в культуру принимающего общества, поскольку они основаны на взаимодействии с остающимися на родине и с другими выходцами с той же территории (Portes, Guarnizo, Landolt 1999).

Исследования адаптации инокультурных мигрантов в российских городах подтверждают многие положения рассмотренных выше теорий. В основном эти исследования сосредоточены на внешних мигрантах, однако внутренние мигранты, в том числе и с Северного Кавказа, также включаются в анализ (Мукомель 2015; Капустина 2019; Лепшокова 2020). Среди мегаполисов наибольшее внимание обращается на московскую агломерацию, однако анализ постепенно распространяется и на другие крупные города (Варшавер и др. 2020), в том числе и на Санкт-Петербург (Руденко 2011; Баранова, Федорова 2017). Основные представляющие интерес для настоящей работы выводы можно свести к следующим:

- доминирующим направлением миграции в российские мегаполисы является трудовая (Зайончковская 2013; Denisenko 2017), образовательная миграция также распространена, но она носит в первую очередь внутренний характер (Кузнецова 2019);
- для организации переезда и обустройства в городе внешние мигранты активно используют этнические сети (Варшавер, Рочева 2014; Demintseva 2017);

- «мигрантские гетто» для российских городов не характерны (Вендина 2004; Demintseva 2017), при этом выделяются районы повышенной концентрации мигрантов, в первую очередь в местах с дешевым жильем и рядом с рынками (Вендина, Панин, Тикунов 2019; Варшавер и др. 2020). В этих районах начинает складываться этническая инфраструктура (Пешкова 2015);
- мигрантам приходится сталкиваться с ксенофобией и дискриминацией (Veterinarov, Ivanov 2018; Bessudnov, Shcherbak 2020), хотя в последнее десятилетие количество преступлений на почве ненависти снижалось;
- для мигрантов в мегаполисе характерен феномен транснационализма (транслокальности): они сохраняют связи с домом, подчиняются господствующим там нормам и прикладывают усилия для поддержания там своего статуса (Абашин 2016; Капустина 2019);
- дети мигрантов в основном концентрируются в школах с низкими образовательными результатами (Александров, Баранова, Иванюшина 2012). Их адаптации препятствует также частая смена образовательных учреждений и временные возвращения в страну выбытия (Баранова 2012).

Как показывают имеющиеся работы, в основном вышеперечисленные характеристики применимы и к мигрантам с Северного Кавказа. В то же время проблема «второго поколения» для данной группы мигрантов нетипична (Казенин, Стародубровская 2021; Ярков 2013).

Представленные ниже результаты исследования частично подтверждают рассмотренные выводы, частично вступают с ними в противоречие. И это позволяет по-новому взглянуть на процессы адаптации северокавказских мигрантов в российских мегаполисах.

Миграция с Северного Кавказа в Санкт-Петербург – общая характеристика

Основанный на бывших шведских землях в ходе Северной войны в 1703 г., Санкт-Петербург с самого начала своего существования фактически стал городом мигрантов. Превращение его в имперскую столицу интенсифицировало миграционные процессы, население Петербурга характеризовалось высокой гетерогенностью, этническим и конфессиональным разнообразием (Юхнева 1984). Потрясения начала XX века, радикально изменившие структуру населения города, а также ассимиляционные процессы в позднесоветское время привели к усилению гомогенности горожан (Винер 1998). В формировании современного облика города ключевую роль играют миграционные процессы в первую очередь постсоветского периода (Винер, Тавровский 2009).

Какое место в постсоветской миграции занимают выходцы с Северного Кавказа? Ответить на этот вопрос оказалось не так просто. Статистические данные демонстрируют достаточно странную картину хода миграционных процессов (таблица 1). Темпы изменения численности мигрантов с различных территорий носят во многом хаотичный характер, с трудом поддающийся объяснению. Для выходцев с Северного Кавказа пик роста численности приходится на межпереписной период 1979-1989 гг. Это не совпадает с информацией, полученной от этнических организаций города, от информантов, а также с миграционной динамикой, характерной для московского мегаполиса. Во всех этих случаях консистентно воспроизводится представление о динамике, характеризующиеся ощутимым подъемом в период непосредственно после

распада СССР и дальнейшим снижением темпов миграции при сохранении в большинстве случаев ее положительного сальдо. Абсолютные цифры из различных источников также различаются в разы.

Таблица 1. Число (в тыс. человек) и темпы прироста (в % по отношению к прошлой переписи) представителей народов Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Северного Кавказа) в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

	1970		1979		1989		2002		2010		2021	
	число, тыс. чел.	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	число, тыс. чел.	темпы, %	
Армяне	7,3	9,9	36	13,8	40	24,7	78	27,1	10	20,9	-23	
Азербайджанцы	1,9	5,3	185	13,7	157	20,5	49	22,3	9	20,2	-9	
Узбеки	3,3	6,3	88	9,1	44	4,0	-56	27,1	579	20,0	-26	
Таджики	1,2	0,7	-37	2,5	217	3,3	32	15,0	361	14,5	-4	
Дагестанцы*	0,9	1,9	118	5,5	190	7,7	39	10,4	35	10,9	5	
Грузины	4,2	5,3	26	8,6	61	11,5	36	9,8	-16	7,6	-23	
Казахи	2,2	3,3	52	7,4	125	3,6	-51	4,3	18	6,4	58	
Киргизы	0,4	0,7	69	3,3	386	0,7	-79	4,2	495	6,6	50	
Молдаване	4,0	4,7	18	7,3	54	5,3	-27	9,9	85	4,4	-56	
Осетины	1,4	2,0	48	2,9	47	3,3	12	3,8	16	2,7	-28	
Чеченцы	0,4	0,6	71	1,3	100	2,2	72	1,9	-16	2,1	10	
Кабардинцы	0,3	0,3	51	0,8	114	0,7	-15	1,4	105	1,1	-23	
Ингуши	0,1	0,2	74	0,4	106	0,9	134	1,1	33	0,8	-32	

Источник: Переписи 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2021 г.

Примечание: * - под «дагестанцами» подразумеваются аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы, агульцы, рутульцы, цахуры.

В то же время из альтернативных источников подтверждается информация о том, что мигранты из Центральной Азии и Закавказья более массово представлены в Санкт-Петербурге, чем мигранты из северокавказских республик, а также о доминировании дагестанцев в миграции с Северного Кавказа. Представители этнических организаций озвучивали следующие данные о численности мигрантов (которые, по их словам, согласуются с информацией МВД РФ):

- дагестанцы: около 60 тыс. человек в Санкт-Петербурге и 20-25 тыс. в Ленинградской области;
- осетины: примерно 25 тыс. человек совокупно в Санкт-Петербурге и Ленинградской области;
- ингуши: примерно 5 тыс. человек совокупно в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

От чеченского представительства получить данные не удалось, другие информанты озвучивали цифру в 10 тыс. человек.

Выделенные на основе анализа полевых данных основные миграционные потоки с Северного Кавказа в постсоветский период достаточно типичны для крупных городов (Benton-short, Price, Friedman 2005). Во-первых, это образовательная миграция.

Наиболее востребованы в Санкт-Петербурге учебные заведения медицинского, строительного и военного профилей, а также экономические и юридические специальности, горное дело. Во-вторых, это трудовая миграция низкоквалифицированных кадров. Выходцы с Северного Кавказа в основном представлены в охране, строительстве, на транспорте, в торговле, сфере ЖКХ. В-третьих, это трудовая миграция высококвалифицированных кадров. Судя по всему, достаточно массово мигрируют медицинские работники. По оценкам руководителя организации «Врачи Дагестана», только из этой республики в Санкт-Петербурге работают около 300 специалистов. В-четвертых, это брачная миграция. Традиционный вариант подобной миграции – жены с Северного Кавказа переезжают вслед за мужьями. Часть информантов-мужчин отмечали, что находили жен у себя на родине, часто в родных сёлах, и привозили их в Санкт-Петербург, где они становились домохозяйкам либо включались в учебный или трудовой процесс. Однако в интервью звучали и другие варианты: инициаторами миграции могли становиться женщины. Например, приводились примеры, когда молодые люди женились на студентках питерских медицинских вузов и переезжали в город, чтобы дать им возможность закончить образование и получить профессиональный опыт.

Упоминались и другие особенности миграционных траекторий. Выделялись случаи, когда переезд был связан с необходимостью получения квалифицированной медицинской помощи. Встречались примеры, когда молодые люди оставались в Санкт-Петербурге после службы в армии. Целенаправленная миграция с целью предпринимательства, судя по всему, не является особо популярным вариантом, при этом немало переехавших в конце концов находят себя именно в сфере бизнеса.

Результаты исследования

Мигранты первого поколения – миграционный шок и стратегии адаптации

Некоторые из наших собеседников утверждали, что вписались в город достаточно легко и безболезненно, однако большинство информантов признавали, что прошли через тяжелый этап миграционного шока или первичной адаптации. Этот этап включал поиски жилья, работы, а также выбор стратегии аккультурации в чуждой культурной среде.

Как показало исследование, родственные и этнические связи играют немалую роль в решении о миграции и в преодолении первичного миграционного шока. Так, молодежь, особенно девушек, отправляют учиться в Санкт-Петербург в основном тогда, когда там есть родственники или близкие друзья, те, кто может за ними присмотреть. *«Кто хочет отправить [ребенка учиться], он отправляет туда, где чувствует надежность, что там ребёнок будет под защитой. По этим критериям и отправляют»* (муж., сред. возр.¹, ингуш). Трудоустройство также во многом происходит по родственным и этническим каналам. *«Обычно как приезжают. Приезжают сначала договариваются на месте либо через родственников, либо через знакомых – ну, типа, приезжай, здесь есть такая-то работа»* (муж., сред. возр., ингуш). Новые мигранты часто на первых порах селятся у родственников или друзей.

Однако исследование позволило выявить и другие миграционные траектории, лишь частично основанные на связях в отправляющем сообществе либо вообще

¹ Ориентировочные возрастные интервалы, используемые при характеристике информантов: 15-35 лет - молодой возраст; 36-55 - средний возраст; старше 55 - старший возраст.

построенные автономно. Так, северокавказские мигранты активно пользуются современными инструментами поиска работы: рассылают резюме, ходят на собеседования, пользуются системами онлайн-рекрутинга (Superjob, Headhunter). Причем это характерно не только для высококвалифицированных кадров (в частности, медиков), но и для «синих воротничков». Информанты упоминали, что находили через интернет возможности трудоустройства по специальностям автомеханик, охранник.

При этом северокавказские мигранты далеко не всегда сразу находят себя в непривычной среде. Так, многие из них упоминали частые смены работы (одна информантка говорила, что меняла работу пять раз), неудачные попытки начать бизнес, длительные периоды «простоя». Опыт трудоустройства нередко воспринимался как травматичный: *«Не впасть в депрессию было очень сложно»* (жен., сред. возр., осетинка). Были случаи, когда мигрантам удавалось преодолеть эти трудности, только когда они выходили за рамки этнических сетей и расширяли круг своих контактов. Нередко упоминались и проблемы с жильем: не все сразу находили удобное место с точки зрения доступности необходимой инфраструктуры (школ, детских садов), некоторые в течение достаточно длительного времени вынуждены проживать скученно на небольшой площади. Приобретение собственного жилья осложняется тем, что мигранты, строго соблюдающие исламские нормы, не могут позволить себе взять ипотеку.

Вышеперечисленные трудности, важные для понимания истоков первичного миграционного шока, в то же время в основном не являются характерными именно для мегаполисов. Лишь распространенность современных механизмов поиска работы можно рассматривать как особое свойство крупных городов. Что же касается культурной адаптации, здесь специфика мегаполиса, судя по всему, ощущается более явно. Информанты выделяли два фактора, влияющие на процесс их аккультурации: дискриминация и культурная дистанция.

Судя по результатам исследования, достаточно многие северокавказские мигранты в той или иной форме сталкивались с дискриминацией. В первую очередь при приеме на работу, когда дело касалось силовых структур либо была необходимость проходить контроль службы безопасности. *«Вообще никуда меня не брали, причем собеседование проходило нормально, я видел, что люди в принципе готовы меня взять, но служба безопасности меня не пропускала или еще что-то. То есть, вот этот мой паспорт [дагестанская прописка] работал против меня»* (муж., мол. возр., дагестанец). Также при аренде жилья, выдаче кредитов. Слово «чурка» и другие обидные прозвища приходилось слышать значительному числу информантов, иногда даже в образовательных учреждениях: *«жаль, что на паре сидят чурки»*. Собеседников обижало также, что многие люди не знали, что Дагестан или Осетия – это Россия, и относились к ним как к иностранцам, создавая ощущение, что они здесь гости.

В то же время практически все информанты говорили, что дискриминация в Санкт-Петербурге в меньшей мере характерна для повседневных отношений между людьми и в целом не носит системного характера. Девушка, утверждавшая, что преподаватель в вузе назвала ее чуркой, тут же оговорилась, что другие наставники относились к ней вполне позитивно, рассказывали, что на Кавказе красиво, что они хотят туда поехать, что у них там есть друзья. Те, кто имел опыт проживания в менее крупных городах, отмечали преимущества Санкт-Петербурга с этой точки зрения. Так, дагестанка в хиджабе подчеркивала принципиальные отличия в восприятии ее культурной инаковости

в Рязани, где она жила до этого, и в Петербурге, где она учится сейчас: *«В Рязани очень часто сталкивалась с неприятными ситуациями. Просто могла ходить по улице, никого не трогать, и слышать вслед какие-то неприятные слова»*. Ей пришлось испытать предвзятое отношение в университете, трудности в устройстве на работу, причиной чего в открытую объявляли «платок». В Петербурге же ничего подобного не случилось: *«Мне нравятся люди, на самом деле. Люди добрее, нежели там. Нравится вуз. Нравится в целом отношение в вузе по сравнению с тем, где я была до этого»*.

Более того, информанты вполне допускали, что сами преувеличивают негативное отношение к ним в городе, проявляя тем самым свои собственные комплексы: *«Возможно, как будто бы мы думаем, что этот стереотип есть, а его, может быть, на самом деле и нет, и нам кажется, что к нам так относятся»* (жен., мол. возр., дагестанка). И практически не было тех, для кого отдельные факты дискриминации испортили бы позитивное отношение к городу в целом: *«Климат очень сложный. Но город шикарный, что ни говори. Все возможности есть. Все можно делать. ... Здесь карьера. Здесь образование»* (муж., мол. возр., дагестанец).

А вот культурная дистанция воспринималась как проблема подавляющим большинством мигрантов первого поколения. Непривычные, а то и вызывающие возмущение и отторжение нормы, образ жизни, отношения между людьми в мегаполисе делали вопросы аккультурации весьма актуальными. Из проведённых интервью удалось выделить следующие культурные паттерны, которые, по мнению информантов, существенно отличались в принимающем и отправляющем сообществах:

- на Кавказе другое отношение к старшим. В Петербурге старшему могут не уступить место, грубо ответить;
- на Кавказе другое отношение к женщине, ее защищают и оберегают. Здесь равноправие, женщине приходится быть сильной;
- на Кавказе девушки скромно одеваются, здесь не так;
- на Кавказе другое отношение к гостям;
- на Кавказе другое отношение к соседям: принято тесно общаться, здесь такого нет;
- на Кавказе другое отношение к окружающим. Могут незнакомого человека домой отвезти, помочь. Здесь нет;
- на Кавказе другие подходы к воспитанию детей, им стремятся привить традиции, уважение к старшим, недопустимость вредных привычек. Здесь школьники могут курить, ругаться матом, причём в присутствии взрослых;
- на Кавказе другие нормы в отношении проведения свободного времени. Здесь задерживаются допоздна, ходят в ночные клубы, напиваются, курят, тесно общаются с противоположным полом. На Кавказе это считается недопустимым;
- на Кавказе в ресторане все скидываются на общий стол или один платит за всех. В Петербурге принято, чтобы каждый платил за себя.

При этом не все культурные различия оценивались информантами негативно. Некоторые отмечали, что жизнь в Петербурге проще по сравнению с Северным Кавказом, где традиции и нормы давят на человека, требуя от него соответствия заданным культурой моделям поведения: *«До того момента, пока сюда приехал, я чуть такой был, ну, с характером таким жестким вообще. Сюда приехал – вижу, да вообще все просто. У нас менталитет другой, Вы сами понимаете, что надо все как положено. ... Здесь чуть можно как-то проще разругать любой разговор. У нас невозможно, у нас чуть тяжело»*.

У нас тоже можно, но тяжело. Здесь чуть проще. Жить проще здесь. Бизнес иметь здесь тоже проще» (муж., мол. возр., дагестанец). Отмечалась и большая толерантность к различиям, о которой уже шла речь выше: *«Тут просто слишком много разных людей, начиная от фриков. Люди, которые начали самовыражаться. Поэтому человек в хиджабе – это уже нормально»* (жен., мол. возр., дагестанка). Тем не менее ощущение чуждости культурного окружения и вызываемые этим негативные эмоции достаточно остро переживались информантами: *«Очень сложно адаптироваться культурно, ментально сложно сейчас в русском, в российском обществе, потому что само общество, культурное его содержание, оно очень низкое. День ото дня оно опускается»* (муж., стар. возр., чеченец).

Как реагируют на культурную дистанцию новые переселенцы в город? Исследование позволило выделить три модели подобной реакции.

Во-первых, это стратегия сепарации – стремление окружить себя выходцами из схожей культурной среды и максимально ограничить контакты с чужеродной культурой: *«Действительно сложно дружить с русскими, потому что другие понятия и другие понятия во всем»* (жен., мол. возр., дагестанка). Так, некоторые информанты рассказывали, что сразу по приезду целенаправленно искали людей своей этнической группы, этнические организации, где им было комфортно.

Во-вторых, это культурная экспансия, т. е. желание навязать привычные культурные нормы окружающим людям. Были информанты, рассказывавшие о собственном подобном поведении разной степени агрессивности. Так, недавно приехавший с Кавказа дагестанец пытался внушить местным, что они неправильно относятся к родителям. Информант-ингуш вспоминал, как в вузе на лекции ударил другого студента, поскольку тот неуважительно вёл себя по отношению к преподавателю. Собеседники упоминали и о том, что наблюдают подобное поведение у других мигрантов: *«Мы же видим каждый день каких-то людей с Кавказа, которые себя плохо ведут. ... Они приезжают сюда и не воспринимают других людей, которые не так одеваются или не так выглядят. Они считают, что это неправильно и надо их жизни научить, потому что в Дагестане так делают»* (жен., мол. возр., дагестанка).

Наконец, в-третьих, это попытки принять новое культурное окружение и приспособиться к нему: *«Время понадобилось на адаптацию. ... Потихоньку принимал, внутренне принимал то, что для кого-то это приемлемо. ... Он [местный] так вырос, он так воспитывался. То есть под меня никто подстраиваться не будет. То есть каждый человек индивидуален, каждая культура индивидуальна, и поэтому просто мне пришлось адаптироваться и воспринять такую, как оно есть. ... И потом, со временем ... мне очень здесь понравилось, и считаю – это второй дом мой»* (муж., мол. возр., осетин). В результате то, что раньше воспринималось как «неправильно», постепенно становится просто «по-другому».

Необходимо отметить, что данные модели не являются альтернативными. Мигрант может стремиться навязать окружающим нормы, которые считает правильными, и при этом понимать, что ему тоже надо меняться. Либо учить себя принимать чуждый культурный контекст, но все равно предпочитать общаться с людьми своей этнической группы.

Важно также, что стратегия сепарации свойственна мигрантам первого поколения не только в период миграционного шока, но и за пределами этапа первичной адаптации. Даже те, кто в ходе миграции не зависел от этнических сетей (например, высококвалифицированные кадры, освоившие современные инструменты трудоустройства), могут не до конца принимать городскую культуру и предпочитать общение в привычной культурной среде, не особо сближаясь с коллегами по работе. При этом в ряде случаев на первое место выдвигается именно культурная, а не этническая или территориальная общность. Так, информанты утверждали, что, если человек других этнических корней способен воспринять кавказскую культуру, с ним можно создавать семью. Приводились даже конкретные примеры: например, грек, который так проникся осетинской культурой, что воспитывает сына в традициях этого этноса. Однако подобные внутренние установки не всегда реализуются на практике: *«Очень много межнациональных браков. Хотя все равно, наверно, изначально все родители и вся там сама даже молодежь, они рассматривают вариант своей национальности, пока дело не доходит до дела. А когда уже любовь, тут никуда не денешься»* (жен., сред. возр., дагестанка). При этом у чеченцев и ингушей ориентация на браки в рамках собственного этноса проявляется сильнее, чем у других этнических групп.

В то же время ряд мигрантов первого поколения, в первую очередь студенты, переехавшие в Петербург в достаточно молодом возрасте, придерживаются стратегии интеграции. Их круги общения, в том числе близкого и дружеского, более полиэтничны, а культуры отправляющего и принимающего сообщества уже не воспринимаются как разделенные непроходимой стеной: *«У меня русские подружки. Они не курят, не пьют и не ходят в ночные клубы»* (жен., мол. возр., дагестанка); *«Так же, как и среди кавказцев, среди русских есть разные люди. Есть кавказцы, которые ходят в клубы и пьют. Есть русские, которые этого не делают. То есть у меня тоже есть друзья русские»* (жен., мол. возр., дагестанка). Такие мигранты часто нацелены на использование потенциальных возможностей продвижения, связанных как с этническим окружением, так и с принимающим сообществом. Они могут, например, сочетать деятельность в этнических организациях с задействованием потенциала контактов, наработанных за время учебы. По меньшей мере два информанта из нашей выборки строят достаточно успешную карьеру, полностью подчинив себя авторитетному преподавателю, продвигающему их на позиции, которые они вряд ли смогли бы самостоятельно занять столь быстро. Выбор стратегии интеграции сближает данную группу мигрантов первого поколения с мигрантами второго поколения, о которых пойдет речь ниже.

Была выявлена также стратегия аккультурации, связанная с вписыванием в субкультурные общности, не совпадающие ни с этнической культурой, ни с мейнстримом принимающего сообщества. Одним из подобных вариантов является социализация в исламском окружении. Ее суть хорошо видна при рассмотрении брачных стратегий: *«Я рассматриваю обязательно человека своей религии... Если человек не схож со мной в религиозных взглядах, с таким человеком я не смогу по жизни пойти. Обязательно моей религии, но неважно, какой национальности будет этот человек. Абсолютно не важно»* (жен., мол. возр., дагестанка). Обращает внимание, что подобная аккультурация является (по меньшей мере, может являться) эмансипационной. Информанты подчеркивали самостоятельность выработанной по данному вопросу позиции, ее автономность от транслируемых родителями ценностей: *«При выборе супруга самое главное, чтобы совпала религия. И не потому, что так говорят мои родители,*

потому, что так хочу я» (жен., мол. возр., дагестанка); «Мои родители мне прививали с детства, что мой будущий супруг все-таки должен быть нашей национальности. Мое мнение личное менялось с подросткового возраста до текущего момента, менялось несколько раз с тем, как я росла. И в итоге я пришла к выводу, что все-таки свяжу жизнь с человеком, который будет хотя бы моей религии» (жен., мол. возр., дагестанка).

Мигранты второго поколения – интеграция и ассимиляция

Та же культурная дистанция, которая предопределяет стремление мигрантов первого поколения замкнуться в привычном окружении, формирует предпосылки для межпоколенческого разрыва. В отличие от своих родителей, северокавказские мигранты второго поколения с малолетства воспринимают городские культурные паттерны и в условиях отсутствия системной дискриминации вполне органично в них встраиваются: *«Может быть, потому, что я здесь родилась и, соответственно, садик, школа – я здесь привыкла. Мне комфортно. Мне везде комфортно» (жен., мол. возр., дагестанка).* Доминирующими стратегиями аккультурации здесь выступают ассимиляция и интеграция.

Круги общения мигрантов второго поколения строятся совсем иначе, чем их родителей: этническая принадлежность не играет в них существенной роли. Например, один из студентов-информантов живет отдельно от старших, делая квартиру с соседом-индусом. Некоторые вообще не стремятся устанавливать связи с членами этнического сообщества – не видят такой потребности (исключением являются родственники, с ними поддерживаются тесные связи): *«С кавказцами особо чего-то не общаюсь. Их вообще мало вокруг меня» (жен., мол. возр., осетинка).* Другие поддерживают тесные отношения в том числе и с представителями своей этнической группы, однако для них это не является способом сепарации, скорее таким образом вполне осознанно используются выгоды семейного и этнического социального капитала: *«В жизни отношения с дагестанцами и недагестанцами абсолютно одинаковые. У нас нету никаких границ, кроме религии. Все остальное у нас абсолютно адекватно [судя по всему, имеется в виду «идентично»], совместно, нет никаких сложностей в общении, предвзятости какой-то я никакой не ощущаю» (муж., мол. возр., дагестанец).* В выборе брачного партнера во многом сохраняется ориентация на свою этническую группу (хотя религиозная общность важнее этнической), однако создается впечатление, что здесь это скорее не дань традиции, а опять же рациональное желание избежать ненужных сложностей и конфликтов: *«Вообще хотелось бы, конечно, чтобы это была девушка с Кавказа. ... Проще, на самом деле, когда у тебя свои и все понимают, чего от тебя требуется, что ты хочешь, что ты должен». Хотя подобные установки не являются жесткими: «Всякое бывает в жизни. В кого влюбишься» (муж., мол. возр., дагестанец).*

Межпоколенческий разрыв достаточно остро ощущается и первым, и вторым поколением мигрантов: *«Их учат не отец-мать..., а учит Интернет. И вот здесь дети по-другому мыслят. Они очень прагматичные» (муж., стар. возр, ингуш); «Я боюсь, что они [дети] будут [пару] сами искать. Боюсь, что не будут к нам прислушиваться. Потому что они здесь родились, фактически здесь росли, у них свое виденье» (муж., стар. возр., дагестанец); «Основные самые такие решения, от которых будущее будет зависеть, я стараюсь принимать сам. Потому что, если ты даёшь выбирать за себя,*

ты потом можешь столкнуться с тем, что будущее твоё тебе будет не нравиться» (муж., мол. возр., дагестанец). В разговорах информанты утверждали, что старшие по-прежнему осуществляют контроль в семьях: могут дать или не дать ребёнку возможность выбрать профессию, одобрить или не одобрить кандидатуру брачного партнёра, настаивать на браке в определенном возрасте. Однако конкретные примеры подобного влияния были единичны, в основном дети сами определяли свою судьбу: *«Сейчас же другое время, сейчас все свободлюбивые, особенно нынешняя молодежь, им вообще полностью карт-бланш даётся. Делай, что хочешь, по жизни. Выбирай любую дорогу, мы поддержим»* (муж., мол. возр., чеченец). Создается впечатление, что межпоколенческий разрыв столь велик, что родители далеко не всегда понимают, чего хотят их дети и почему совершают те или иные поступки, и потому оказываются не способными их контролировать. Да и возможностей для этого у них немного – обустройство на новом месте отнимает немало времени и сил. Некоторые мигранты говорили, что толком не видели, как растут дети – уходили на работу, когда те еще спали, и возвращались, когда уже спали.

Изменение модели межпоколенческих отношений можно проиллюстрировать следующим примером. Осетинка, мигрантка первого поколения, взрослая женщина, приехавшая в Петербург в 2016 г., утверждала, что ее мама, живущая в Осетии, всегда знает, где она бывает, во сколько возвращается домой. Несмотря на возраст информантки и расстояние, родительский контроль сохраняется: *«В силу ментальности нас очень опекают родители, особенно девочек. ... Оберегают, защищают»*. Отношения с родителями девушки-осетинки, родившейся в Петербурге, строятся совсем по-другому. Поступив на филфак, информантка через полгода поняла, что учиться ей не интересно. Однако родители настаивали, чтобы она продолжала получать образование. Промучившись ещё полтора года, девушка все же бросила институт и устроилась на работу. Но родителям об этом не говорила в течение года. Сама решила, что поступать будет в Политехнический, стала готовиться, сдавать дополнительные предметы ЕГЭ. С родителями объяснилась лишь тогда, когда накопила достаточно денег, чтобы в случае серьезного скандала уйти из семьи и снять квартиру. До этого, правда, не дошло. Девушка успешно поступила в выбранный вуз, учится и работает.

Потеря влияния, неспособность противопоставить что-либо воздействию городской культуры во многих случаях воспринимаются старшими болезненно. Одну из стратегий противодействия этому мигранты первого поколения, не настроенные на интеграцию, видят в том, чтобы хотя бы на время отправить ребёнка обратно на Северный Кавказ: *«Пацан чтобы здесь не вырос. ... Остальное воспитание уже дома пойдёт. Все равно здесь он, хоть с нами будет, в школе больше времени проводит. Понятия, друзья у него, мышление другое»* (муж., сред. возр., дагестанец). Однако реализации этой стратегии препятствует желание дать детям хорошее образование. Да и само младшее поколение, прошедшее петербургскую социализацию, по имеющейся информации, чувствует себя на Кавказе достаточно неуютно и при первой возможности стремится вернуться обратно.

Трансмиграция и ее роль в аккультурации

Одним из важных инструментов влияния свойственных северокавказским общностям норм и традиций является сохранение тесных связей с отправляющим сообществом, что характерно для мигрантов любого поколения. На родину большинство собеседников ездят достаточно часто, по несколько раз в год (проведать родителей, для участия в

свадьбах, похоронах). Молодежь регулярно проводит там каникулы. Среди северокавказских общин принято хоронить умерших в Петербурге на родине. Там же, по имеющимся сведениям, часто проводят свадьбы. Связи с отправляющим сообществом в основном воспринимаются очень позитивно. Информанты называли свой родной регион местом силы, источником энергии: *«Там я напитываюсь энергией именно рода своего»* (жен., мол, возр., дагестанка). У некоторых на родине остались лучшие друзья, с которыми до сих пор поддерживаются тесные отношения. В кризисные периоды поддержка (и психологическая, и финансовая) оставшихся на Кавказе родных и друзей играет для мигрантов исключительно важную роль.

Однако по мере адаптации в Петербурге у некоторых информантов (причем не только второго, но и первого поколения) отношение к визитам на родину менялось. Теперь уже культурные паттерны отправляющего сообщества, его ценности, рутины, темп жизни могут вызывать неприятие: *«Там уже ты чувствуешь себя в гостях, а в гостях долго находиться [не хочется]... К себе домой хочется. Здесь свое, свой дом»* (жен., сред. возр., дагестанка); *«Просто немного менталитет уже другой и ценности какие-то другие. И взгляды на жизнь, наверное, ... с родственниками, которые у меня там есть»* (жен., мол. возр., дагестанка); *«Просто мне сложно, когда я приезжаю в выходные, каникулы, прямо хочется обратно в Питер. ... В Питере каждый день ты как-то прогрессируешь как бы»* (муж., мол. возр., ингуш); *«Человек меняется, а место, откуда он уехал, остаётся тем же. Приезжаешь туда, видишься только с родственниками, а потом до конца отпуска как-то скучновато бывает. Нет занятия, нечем заниматься. Работа, учеба здесь. Привыкаешь к этому режиму»* (муж., мол. возр., дагестанец).

Сохраняющиеся тесные связи с северокавказскими регионами создают для мигрантов дополнительные жизненные развилки, не предопределяя однозначно, что Петербург окончательно станет их новой родиной. Возвращение на Северный Кавказ возможно на разных этапах жизненной траектории. У кого-то вообще не получается закрепиться в городе; кто-то собирается уехать после окончания вуза; кто-то возвращается, заработав деньги (например, на свадьбу). Некоторые строят планы по возвращению с возрастом, когда выйдут на пенсию. У кого-то момент возвращения определяется обязательствами, существующими на родине, например необходимостью помощи престарелым родителям. При этом не всегда первоначальные планы реализуются – были информанты, которые приехали в Петербург на заработки, но в результате осели надолго. Для некоторых переезд домой оказывался временным: преодолев жизненный кризис, человек возвращался в Петербург.

Подобные варианты жизненных стратегий характерны в первую очередь для первого поколения мигрантов. Планы мигрантов второго поколения в основном иные. Некоторые твердо решили остаться в Петербурге. Одна информантка рассказывала, что родители, переехавшие из Дагестана 35 лет назад, мечтают выйти на пенсию и вернуться, строят дом в селе. Однако она не собирается к ним присоединяться: *«Лично я планирую ездить к ним в гости, но сама там жить не планирую»* (жен., мол. возр., дагестанка). Есть и те, кто думает совмещать жизнь и работу и в Петербурге, и на родине, современные дистанционные технологии это позволяют. Кто-то готов уехать туда, где есть лучшие перспективы: *«Для меня место жизни не так важно в принципе. Главное, чтобы условия были хорошие»* (муж., мол. возр., дагестанец) Но все равно хотел бы время от времени возвращаться на Кавказ. Лишь одна информантка из мигрантов не первого поколения выразила чёткое желание вернуться и осесть в отправляющем регионе.

Выводы

Проведённое исследование демонстрирует, что специфика адаптации мигрантов в мегаполисе во многом определяется особенностями его культуры: свойственными ей индивидуализмом, автономией личности, гетерогенностью ценностей, норм и образов жизни. Подобные характеристики, с одной стороны, могут смягчать (но не предотвращать) проявления дискриминации, а с другой – создавать для мигрантов проблемы, связанные с культурной дистанцией между отправляющим и принимающим сообществами.

Первое и второе поколения северокавказских мигрантов реагируют на культурную дистанцию по-разному. Для мигрантов первого поколения характерен выбор сепарации как стратегии аккультурации – чуждость культуры мегаполиса толкает их к обособлению и стремлению замкнуться в привычной культурной среде. Два других варианта – это стратегия интеграции, сочетающая сохранение принадлежности к этнической культуре со стремлением вписаться в принимающее сообщество, что, как показывает исследование, свойственно части мигрантов-студентов, а также включение в городское сообщество через субкультуры, в частности исламскую. Второе поколение в условиях отсутствия системной дискриминации вполне органично воспринимает городскую культуру и становится ее частью, используя стратегии интеграции и ассимиляции. Это предопределяет наличие глубокого межпоколенческого разрыва между двумя поколениями северокавказских мигрантов.

Феномен трансмиграции оказывает ощутимое влияние на процессы адаптации мигрантов. Сохраняющиеся у разных поколений тесные связи с отправляющими сообществами способствуют продолжающейся трансляции норм и ценностей этих сообществ в мигрантской среде. В то же время аккультурация в мегаполисе толкает мигрантов к более критичному восприятию культуры отправляющего сообщества: теперь уже его ценности и рутины начинают восприниматься как чуждые и некомфортные.

Таким образом, некоторые выводы предшествующих работ по северокавказской миграции в мегаполисы не подтвердились либо подтвердились лишь частично. Так, исследование не выявило оснований утверждать о доминировании интеграции мигрантов: стратегии аккультурации оказались дифференцированными внутри и между поколениями, при этом первое поколение мигрантов тяготеет к сепарации, а второе – к ассимиляции. Также не нашел подтверждения тезис о широком распространении ксенофобии и дискриминации мигрантов: с подобными фактами сталкивались многие информанты, однако они не были определяющими в выстраивании отношений мигрантов с принимающим сообществом. Особенности культуры мегаполиса, ее гетерогенность как раз препятствуют возникновению системной дискриминации. Подтвердилось утверждение о значимой доле этнических сетей в подготовке и осуществлении миграции, однако были определены и альтернативные механизмы первичной адаптации мигрантов. Различия с другими работами в выявленных тенденциях могут определяться разницей методологии исследования и анализа. В частности, тем, что качественные полевые исследования способны продемонстрировать более нюансированную картину и вычлнить взаимосвязи, ускользающие при использовании другого исследовательского инструментария, однако уязвимы к искажениям, связанным с построением выборки и относительно малой численностью информантов.

Литература

- Абашин С.Н. (2016). И здесь, и там: Транснациональные аспекты миграции из Центральной Азии в Россию. В С.А. Панарин (Ред.), *Восток на Востоке, в России и на Западе. Трансграничные миграции и диаспоры* (сс. 159–176). СПб: Нестор-История.
- Александров Д.А., Баранова В.В., Иванюшина В.А. (2012). Дети и родители—Мигранты во взаимодействии с российской школой. *Вопросы образования*, 1, 176–199. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-176-199>
- Баранова В.В. (2012). Языковая социализация детей мигрантов. *Антропологический форум*, 17, 157–172.
- Баранова В.В., Федорова К.С. (2017). (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга. *Городские исследования и практики*, 2(1), 103-121.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. (2014). Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 104-114. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2014.3.06>
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. (2020). Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? *Социологическое обозрение*, 19(2), 225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-2-225-253>
- Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. (2019). Социальное пространство Москвы: Особенности и структура. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 6, 3-17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>
- Вендина О.И. (2004). Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, 3 (71), 52–64.
- Винер Б.В. (1998). Этническая идентичность у крупнейших меньшинств современного Санкт-Петербурга (по результатам полевого исследования 1997–1998 гг.). *Мир России. Социология. Этнология*, 8(1–2), 227–280.
- Винер Б.Е., Тавровский А.В. (2009). Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 12(4), 97–121.
- Зайончковская Ж.А. (2013). Миграция в современной России. В Ж.А. Зайончковская, С.И. Иванов (Ред.), *Миграция в России 2000-2012* (сс. 16-32). М: Издательство «Спецкнига».
- Казенин К.И., Стародубровская И.В. (2021). Дагестанские мигранты в Астрахани: Опыт исследования интеграции. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4, 405–428. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2021.4.1901>
- Капустина Е.Л. (2019). Границы джамаата: особенности функционирования дагестанских транслокальных сообществ в условиях внутрироссийской миграции. *The Journal of Social Policy Studies*, 17(1), 103-118. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118>
- Кузнецова А.Р. (2019). Тенденции образовательной миграции в Российской Федерации. *Siberian Socium*, 3(2), 52-65. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-52-65>

- Лепшокова З.Х. (2020). Воспринимаемая инклюзивность социального контекста, аккультурация и адаптация мигрантов из Северного Кавказа в Москве. *Общественные науки и современность*, 3, 124–138. <https://doi.org/10.31857/S086904990010074-3>
- Мукомель В.И. (2015). Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе. *Федерализм*, (1), 79-92.
- Пешкова В.М. (2015). Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве). *Мир России. Социология. Этнология*, 24(2), 129–151.
- Руденко А.А. (2011). Социальная адаптация трудовых мигрантов в строительной отрасли Санкт-Петербурга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14(4), 86-104.
- Юхнева Н.В. (1984). Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX — начало XX века. Л.: Наука.
- Ярков А.П. (2013). Чеченцы в Тюменском крае: возможности адаптации. *Диаспоры*, 1, 158–172.
- Benton-short L., Price M.D., Friedman S. (2005). Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*, 29(4), 945–959. <https://doi.org/10.1111/J.1468-2427.2005.00630.X>
- Berry J.W. (1992). Acculturation and Adaptation in a New Society. *International Migration*, 30(1), 69–85. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.1992.tb00776.x>
- Berry J.W. (2001). A Psychology of Immigration. *Journal of Social Issues*, 57(3), 615–631.
- Berry J.W. (2006). Stress perspectives on acculturation. In D.L. Sam, J.W. Berry (Eds.), *Cambridge Handbook of Acculturation Psychology* (pp. 43–57). Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry J.W. (2019). *Acculturation: A personal journey across cultures*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. E. (2006). Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity, and adaptation across national contexts. Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Bessudnov A., Shcherbak A. (2020). Ethnic discrimination in multi-ethnic societies: Evidence from Russia. *European Sociological Review*, 36(1), 104-120. <https://doi.org/10.1093/esr/jcz045>
- Brickell K., Datta A. (2011). *Translocal geographies*. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd.
- Demintseva E. (2017). Labour migrants in post-Soviet Moscow: Patterns of settlement. *Journal of ethnic and migration studies*, 43(15), 2556–2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>
- Denisenko M.B. (2017). Migration to Russia and Current Economic Crises. In A. Pikulicka-Wilczewska, G. Uehling (Eds.), *Migration and the Ukraine Crisis: A Two-Country Perspective* (pp. 129-148). Bristol: E-International Relation Publishing.
- Lacy K.R. (2004). Black spaces, black places: Strategic assimilation and identity construction in middle-class suburbia. *Ethnic and Racial Studies*, 27(6), 908–930. <https://doi.org/10.1080/0141987042000268521>

- Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. (1999). The study of transnationalism: Pitfalls and promise of an emergent research field. *Ethnic and Racial Studies*, 22(2), 217–237.
<https://doi.org/10.1080/014198799329468>
- Portes A., Rumbaut R.G. (2001). *Legacies: The story of the immigrant second generation*. University of California Press.
- Portes A., Zhou M. (1993). The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530, 74–96.
- Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992). Towards a definition of transnationalism. Introductory remarks and research questions. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 645(1), 9–14.
- Silberman R., Alba R., Fournier I. (2007). Segmented assimilation in France? Discrimination in the labour market against the second generation. *Ethnic and Racial Studies*, 30(1), 1–27.
<https://doi.org/10.1080/01419870601006488>
- Tedeschi M., Vorobeva E., Jauhiainen J.S. (2020). Transnationalism: current debates and new perspectives. *GeoJournal*, 87(2), 1-17.
- Vermeulen H. (2010). Segmented assimilation and cross-national comparative research on the integration of immigrants and their children. *Ethnic and racial studies*, 33(7), 1214-1230.
<https://doi.org/10.1080/01419871003615306>
- Vertovec S. (1999). Conceiving and researching transnationalism. *Ethnic and racial studies*, 22(2), 447-462. <https://doi.org/10.1080/014198799329558>
- Veterinarov V., Ivanov V. (2018). Slavs Only: Ethnic Discrimination and Rental Prices. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/SSRN.3249624>
- Zhou M. (1997). Segmented Assimilation: Issues, Controversies, and Recent Research on the New Second Generation. *The International Migration Review*, 31(4), 975–1008.
<https://doi.org/10.1177/019791839703100408>

Достижения перинатальной реформы и резервы дальнейшего сокращения младенческой смертности в России

Алла Олеговна Макаренцева
(makarentseva-ao@ranepa.ru), Институт социального анализа и прогнозирования российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Achievements of perinatal reform and the capacity for further reduction of infant mortality in Russia

Alla Makarentseva
(makarentseva-ao@ranepa.ru), Institute for Social Analysis and Prediction, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

Резюме: В статье раскрывается динамика младенческой смертности в России после так называемой перинатальной реформы 2012 г. Несмотря на достижение низких показателей в целом (4,4 промилле в 2022 г.), в структуре младенческой смертности неоправданно высокой остается доля постнеонатальной смертности, а доля неонатальной смертности существенно ниже, чем в других развитых странах. Анализ причин смерти показывает, что вклад предотвратимых причин остается высоким. Так, несмотря на то, что за последнее десятилетие основное снижение смертности пришлось на класс «отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде» (с 48,1 до 23,4 на 10 тыс. родившихся живыми), доля этого класса от числа всех умерших на первом году жизни снизилась незначительно, с 56 до 51%. По результатам эконометрического анализа автор утверждает, что наличие организаций третьего уровня родовспоможения вносит существенный вклад в сокращение младенческой смертности на региональном уровне. Анализ проблемы преждевременных родов демонстрирует ее значительный вклад в показатели младенческой смертности. В заключение автор предлагает ряд шагов в организационно-медицинской части, а также в части расширения связанных статистических и аналитических возможностей в целях дальнейшего сокращения младенческой смертности в России.

Ключевые слова: младенческая смертность, перинатальная смертность, неонатальная смертность, недоношенность, трехуровневая система родовспоможения, критерии живорождения.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Макаренцева А.О. (2023). Достижения перинатальной реформы и резервы дальнейшего сокращения младенческой смертности в России. Демографическое обозрение, 10(3), 62-81. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17970>

Abstract: The article reveals the dynamics of infant mortality in Russia after the so-called perinatal reform of 2012. Despite the achievement of low indicators in general (4.4 ppm in 2022), the proportion of post-neonatal mortality remains unreasonably high in the structure of infant mortality, and the proportion of neonatal mortality is significantly lower than in other developed countries. Analysis of causes of death shows that the contribution of preventable causes remains high. So, despite the fact that over the past decade, the main decrease in mortality occurred in the class "certain conditions arising in the perinatal period" (from 48.1 to 23.4 per 10,000 live births), the share of this class in the number of all deaths in the first year of life decreased slightly, from 56% to 51%. Based on the results of econometric analysis, the author claims that the presence of three-tiered obstetric care organizations makes a significant contribution to the reduction of infant mortality at the regional level. Analysis of the problem of preterm birth demonstrates its significant contribution to infant mortality rates. In conclusion, the author proposes a number of steps at the organizational and medical level, as well as in the expansion of the associated statistical and analytical capabilities in order to further reduce infant mortality in Russia.

Keywords: infant mortality, perinatal mortality, neonatal mortality, prematurity, three-tiered obstetric care system, criteria for live birth.

Funding: The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

For citation: Makarentseva A. (2023). Achievements of perinatal reform and the capacity for further reduction of infant mortality in Russia. Demographic Review, 10(3), 62-81. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17970>

Введение

Более 10 лет назад (в 2012 г.) в России стартовала так называемая «перинатальная реформа», в которую мы объединяем следующие компоненты: переход на новые, сопоставимые с международными, критерии живорождения; внедрение трехуровневой системы родовспоможения и программа развития перинатальных центров.

Новая система организации родовспоможения отражает международные принципы, согласно которым медицинская помощь должна учитывать региональный характер расселения и носить уровневый характер. Концепция регионализации перинатальной помощи была сформулирована в США в 1970-х годах и распространилась на глобальном уровне (Zeitlin et al. 2016). Первый уровень стационаров — районный — подразумевает наличие акушерского пункта, в котором не обеспечено круглосуточное пребывание врача акушера-гинеколога. Второй — родильные дома (отделения), в том числе профилированные по видам патологии, имеющие палаты интенсивной терапии для женщин и новорожденных. Третий уровень стационаров имеет разделение на две категории: а) стационары, имеющие отделение анестезиологии-реаниматологии для женщин, отделение реанимации и интенсивной терапии для новорожденных, отделение патологии новорожденных и недоношенных детей (II этап выхаживания), акушерский дистанционный консультативный центр с выездными анестезиолого-реанимационными акушерскими бригадами для оказания экстренной и неотложной медицинской помощи; б) стационары федеральных медицинских организаций, оказывающих специализированную, в том числе высокотехнологичную, медицинскую помощь женщинам в период беременности, родов, послеродовой период и новорожденным. Именно организации третьего уровня стали играть значимую роль в дальнейшем сокращении младенческой смертности. Строительство перинатальных центров началось в России еще в 1990-е годы, однако в 2013 г. была запущена Программа развития перинатальных центров¹, которая значительным образом ускорила темпы строительства.

По состоянию на 2020 г. в России функционировала 141 организация родовспоможения третьего уровня (Александрова и др. 2021). Субъектов РФ, которые не располагают такими перинатальными центрами (ПЦ), осталось немного: в 2020 г. это были Костромская область, Ненецкий автономный округ, город Севастополь как отдельный субъект (ПЦ есть в Симферополе), Камчатский край, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

Кроме того, с 2012 г. Россия перешла на международные критерии определения живорождения² (см. подробнее (Александрова и др. 2013)). В 2019 г. дополнением к Приказу были уточнены медицинские критерии живорождения на пограничном гестационном сроке – 22 недели (таблица 1). Совершенствование критериев обусловлено трудностями в однозначном определении гестационного срока плода, по обновленным критериям его роль снижена, что лучше соответствует международному подходу.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 9 декабря 2013 г. №2302-р «Об утверждении Программы развития перинатальных центров в РФ (с изменениями и дополнениями)». <http://government.ru/docs/8816/>

² Приказ Минздрава России от 27 декабря 2011 г. №1687н (с изменениями от 13 сентября 2019 г. №755н) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи».

Расхождения с методологией ВОЗ остались ³, но их влияние на индикаторы младенческой смертности невелико.

Таблица 1. Критерии живорождения согласно Приказу №1687н и его редакции 2019 г.

Редакция Приказа №1687н 2019 г.	Приказ №1687н от 27.12.2011 г.
1. срок беременности 22 недели и более при массе тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела ребенка при рождении 25 см и более;	1. срок беременности 22 недели и более;
2. срок беременности менее 22 недель или масса тела ребенка при рождении менее 500 грамм, или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, длина тела ребенка при рождении менее 25 см – при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток).	2. масса тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах);
	3. длина тела ребенка при рождении 25 см и более (в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна);
	4. срок беременности менее 22 недель или масса тела ребенка при рождении менее 500 грамм, или в случае, если масса тела при рождении неизвестна, длина тела ребенка менее 25 см – при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток).

Последствия перехода 2012 г., отразившиеся в статистике младенческой смертности и ее структуры, подробно проанализированы в предыдущих исследованиях (Суханова 2013; Кваша 2014) и др.). Помимо основного снижения требований к массе плода при рождении, по новым критериям прерывания беременности на сроке 22-27 недель, трактовавшиеся до 2011 г. как «поздний аборт», стали учитываться как преждевременные роды. Реформа привела к реструктуризации исходов беременностей, родов и аборт, а также числа родившихся и умерших детей по весовым категориям. Эксперты указывали тогда на возможность административного искажения показателей смертности новорожденных с экстремально низкой массой тела (ЭНМТ, менее 1000 грамм): «*основным механизмом «снижения» перинатальной смертности ⁴ сегодня является «переброс» умерших и мертворожденных из категории ЭНМТ в неучитываемую весовую группу массой тела менее 500 г»* (Суханова 2013); «*речь идет о перераспределении числа законченных беременностей в сроке до 27 недель в сторону абортов менее 22 недель»* (Александрова и др. 2013). Однако доля таких рождений в общем числе маловесных рождений невелика (2% от числа всех родившихся живыми с массой тела менее 2,5 кг в 2020 г.), и возможности административного влияния на совокупные показатели перинатальных потерь не так обширны.

В последующие годы младенческая смертность в России продолжила уверенное снижение, войдя в кластер стран с наилучшими показателями ⁵. Основная цель данной статьи – определить резервы дальнейшего сокращения этого индикатора с учетом динамики его структуры, региональной дифференциации и анализа вклада проблемы недоношенности. Подробный анализ младенческой смертности для реальных поколений можно найти в работе Е.М. Андреева «Неравенство в младенческой смертности среди

³ По критериям ВОЗ срок гестации не имеет значения.

⁴ Перинатальная смертность: все умершие в перинатальном периоде (со сроком гестации 22 недели и более или массой плода 500 грамм и более), мертворожденные и умершие в возрасте до 7 дней (коэффициент рассчитывается на 1000 родившихся живыми и мертвыми).

⁵ см. <https://childmortality.org/>

населения современной России» (Андреев 2020). В данной работе показано, как социальное неравенство, выражаемое, прежде всего, в образовательных характеристиках матери, замедляет снижение младенческой смертности преимущественно за счет предотвратимых причин смерти.

Настоящая статья структурирована следующим образом. Сначала показана динамика младенческой смертности в России в период после 2012 г. в сопоставлении со странами, благополучными по этому индикатору. Далее проанализирована динамика структуры младенческой смертности и даны сравнительные международные оценки, выявлены «бреши системы» в России. После этого мы спускаемся с международного на региональный уровень, оцениваем межрегиональные различия в индикаторах младенческой смертности, а также роль стационаров третьего уровня. Последние разделы статьи посвящены краткому анализу динамики распределения младенческой смертности по причинам смерти, по массе тела при рождении и при учете недоношенности. Выводы содержат рекомендации к социально-организационному компоненту политики здравоохранения для дальнейшего сокращения показателей младенческой смертности.

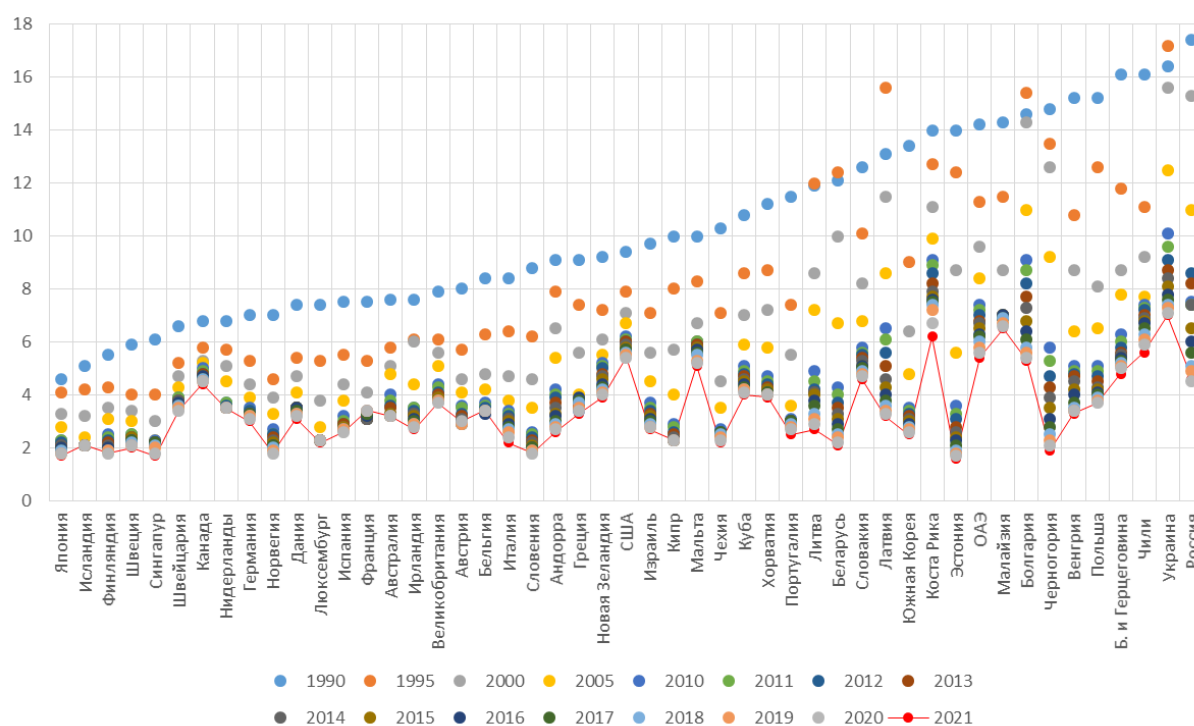
Основным источником данных является статистика Федеральной службы государственной статистики, собранная из публикаций, базы данных ЕМИСС и листов Естественного движения населения. Для международных сопоставлений мы опираемся на данные Всемирного банка, а именно базы «Статистика питания и народонаселения в области здравоохранения» (Health Nutrition and Population Statistics). В дополнение к этим источникам использованы данные по числу организаций родовспоможения и доли родившихся живыми по стационарам разного уровня из публикаций Министерства здравоохранения России.

Сравнительная оценка динамики младенческой смертности и ее структуры

За последние три десятилетия Россия сделала большой рывок в сокращении младенческой смертности и разрыва в этом показателе с развитыми странами. В 2022 г. младенческая смертность составила 4,4 промилле. В 2021 г. отмечался незначительный рост уровня младенческой смертности (с 4,5 в 2020 до 4,6 промилле). Это косвенное влияние распространения нового типа коронавирусной инфекции и его роли в повышении числа преждевременных родов (Бантьева 2023).

На рисунке 1 представлена динамика младенческой смертности в странах, отобранных по ее уровню в 1990 г.: выборка включила те, в которых она тогда была не выше, чем в России. Снижение этого показателя в России шло как до перинатальной реформы, так и после нее, а его темпы в последнем десятилетии были самыми высокими среди представленной выборки стран. Однако и в тех странах, которые давно достигли очень низких уровней младенческой смертности, продолжается ее медленное понижение. Это говорит о том, что резервы дальнейшего сокращения репродуктивных потерь не исчерпаны даже в странах-лидерах.

Рисунок 1. Динамика младенческой смертности в выбранных странах, промилле

Источники: Все страны, кроме России: <https://databank.worldbank.org/>; база Health Nutrition and Population Statistics (Дата обращения: 01.06.2023). Россия: <https://gks.ru>, с 2014 г. с учетом Республики Крым и г. Севастополь.

Примечание: Всемирный банк оценивает младенческую смертность в России ниже, чем Росстат.

Для понимания того, какие резервы сокращения младенческой смертности есть в России, следует подробнее оценить изменения в ее структуре. По мере модернизации родовспоможения следует ожидать роста доли смертей в раннем неонатальном периоде ⁶, и сокращения доли смертей после первых 7 суток жизни. Другими словами, смертность должна смещаться в сторону наиболее сложно предотвратимых случаев. Изменение структуры младенческой смертности за последние 10 лет в России свидетельствует о сохраняющихся проблемах организации здравоохранения. При сокращении коэффициента ранней неонатальной смертности с 3,64 промилле в 2012 г. до 2,59 промилле в 2021 г. (ЕМИСС), ее доля в структуре младенческой смертности упала (с 42,7 до 33,4%; рисунок 2). На фоне почти неизменной доли поздней неонатальной смертности ⁷, выросла доля постнеонатальной смертности ⁸ (с 36,2 до 44,5%).

Причин повышения доли смертности новорожденных после 28 дней жизни несколько, но существенный вклад дает задержка модернизации выхаживания новорожденных. Большинство новорожденных из группы высокого риска к этому времени покидает первое звено выхаживания – палаты ОРИТН (реанимации и интенсивной терапии), наиболее оснащенные и располагающие наибольшим количеством персонала – и переводится на второй этап выхаживания. Он проходит в отделениях патологии

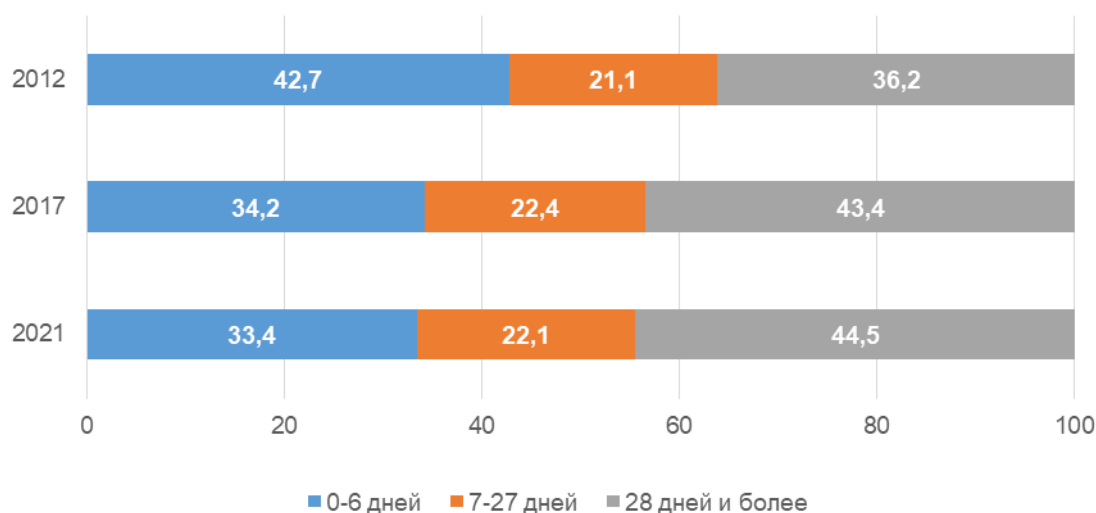
⁶ Ранняя неонатальная смертность: умершие в возрасте до 7 дней (коэффициент рассчитывается на 1000 родившихся живыми).

⁷ Смертность в возрасте 7-27 суток жизни.

⁸ Смертность в возрасте от 28 суток жизни до 1 года.

новорожденных и выхаживания недоношенных детей. Трехуровневая система предполагает наличие этих отделений только в организациях третьего уровня или вне системы родовспоможения, в детских больницах. Таким образом, переходу на второй этап нередко сопутствует переезд в другое медицинское учреждение, и как правило, оно хуже оснащено оборудованием, имеет меньше среднего медицинского персонала и обычно квалификация медицинских работников в них ниже, чем в палатах ОРИТН или ПЦ. Дооснащение и модернизация второго этапа выхаживания – одна из наиболее актуальных задач в этой сфере (Петрухин и др. 2021).

Рисунок 2. Структура младенческой смертности в России, 2012, 2017 и 2021, %

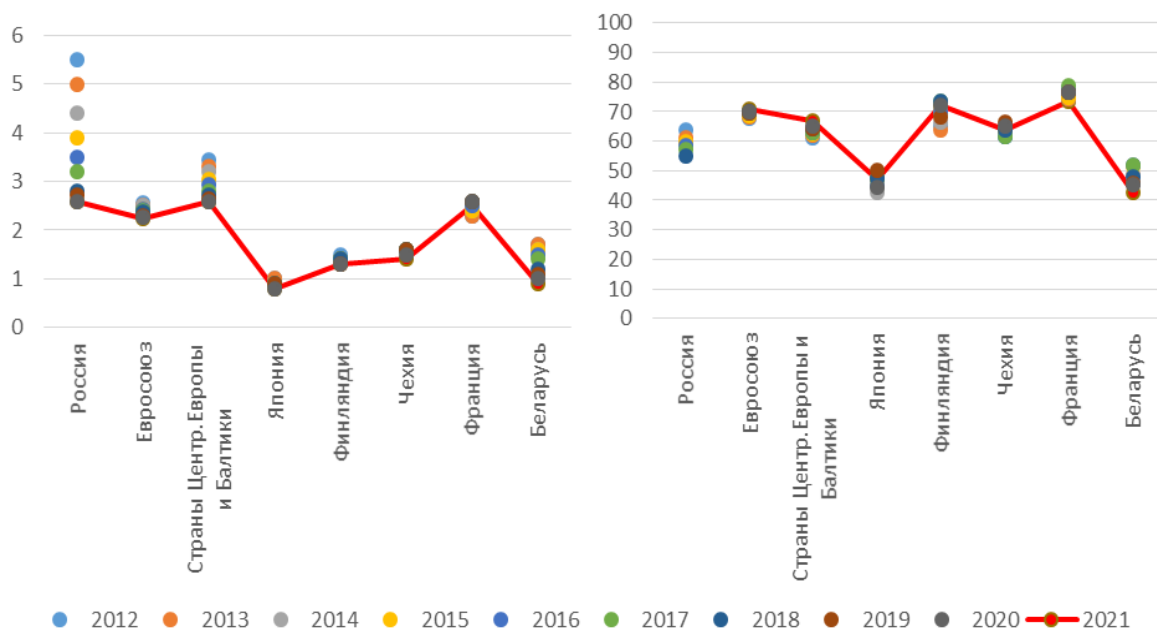
Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

Неонатальная смертность (НС)⁹ – важнейший элемент в структуре младенческой смертности. Наряду с младенческой смертностью (МС) она относится к наиболее важным показателям, оценивающим на региональном или национальном уровне развитие здравоохранения, экономики, социальной и демографической политики. Неонатальная смертность тесно связана с преждевременными родами¹⁰ и осложнениями от них. Европейские отчеты свидетельствуют, что значительная часть смертей в неонатальном периоде относятся к непредотвратимым или сложно предотвратимым (Zeitlin et al. 2016). Однако в России этот показатель используется реже прочих. Так в публикациях Росстата данные по нему с 2019 г. не находятся. Между тем данная характеристика смертности широко применяется для международных сравнений. Так, если коэффициенты НС в России уже находятся на уровне развитых стран, то ее доля в структуре младенческой смертности отстает от них (рисунок 3), другими словами, остается слишком низкой. Сопоставимо низкие доли НС наблюдаются в странах-лидерах, например, в Японии, но при кратно более низких коэффициентах НС.

⁹ Вся смертность в возрасте 0-27 суток жизни, на 1000 родившихся живыми.

¹⁰ На гестационном сроке ранее 37 недель.

Рисунок 3. Коэффициент неонатальной смертности (на 1000 рожденных живыми, слева) и доля неонатальной смертности в младенческой смертности (% , справа), Россия и некоторые страны, 2012-2021

Источники: Все страны, кроме России: <https://databank.worldbank.org/>; база Health Nutrition and Population Statistics (Дата обращения: 01.06.2023). Россия: <https://gks.ru>, с 2014 г. с учетом Республики Крым и г. Севастополь.

Примечание: Всемирный банк оценивает младенческую смертность в России ниже, чем Росстат.

Коэффициенты НС используются и в сравнительном анализе с показателями мертворождений: логика модернизации родовспоможения такова, что НС сокращается быстрее, чем мертворождения. Другими словами, происходит смещение смертей в сторону наиболее сложнопредотвратимых. Эта тенденция отмечалась в перинатальном мониторинге европейских стран (Zeitlin et al. 2016), характерна она и для России. Коэффициент мертворождений снизился с 6,34 в 2012 г. до 5,67 в 2021 г. (на 1000 рожденных живыми и мертвыми), т. е. на 11%. В то же время число умерших в первые 168 часов в расчете на 1000 рожденных живыми и мертвыми упало на 56% (с 3,64 до 1,59 за аналогичный период). Таким образом, динамика структуры младенческой смертности в России и на фоне других стран свидетельствует о сохранении значительных резервов в ее сокращении.

Коротко остановимся на гендерных различиях. Плоды и младенцы мужского пола всегда имеют более высокие риски смертности по сравнению с младенцами женского пола (DiPietro, Voegtline 2017). Различия связаны как с мужской уязвимостью к специфическим заболеваниям неонатального периода (см. например (Townsel et al. 2017)), с более высокой распространенностью среди мальчиков врожденных аномалий (Ingemarsson 2003), так и с более низкой выживаемостью младенцев мужского пола в целом. В 2021 г. младенческая смертность мальчиков составила 5,25 промилле, девочек – 3,99 промилле; неонатальная смертность мальчиков – 2,96 промилле, девочек – 2,10 промилле (см. таблицу П Приложения). Превышение показателей неонатальной смертности

мальчиков по отношению к девочкам составило 1,35; для сравнения подобные оценки по США во второй половине XX века сопоставимы и составляли 1,28 (Naeye 1971).

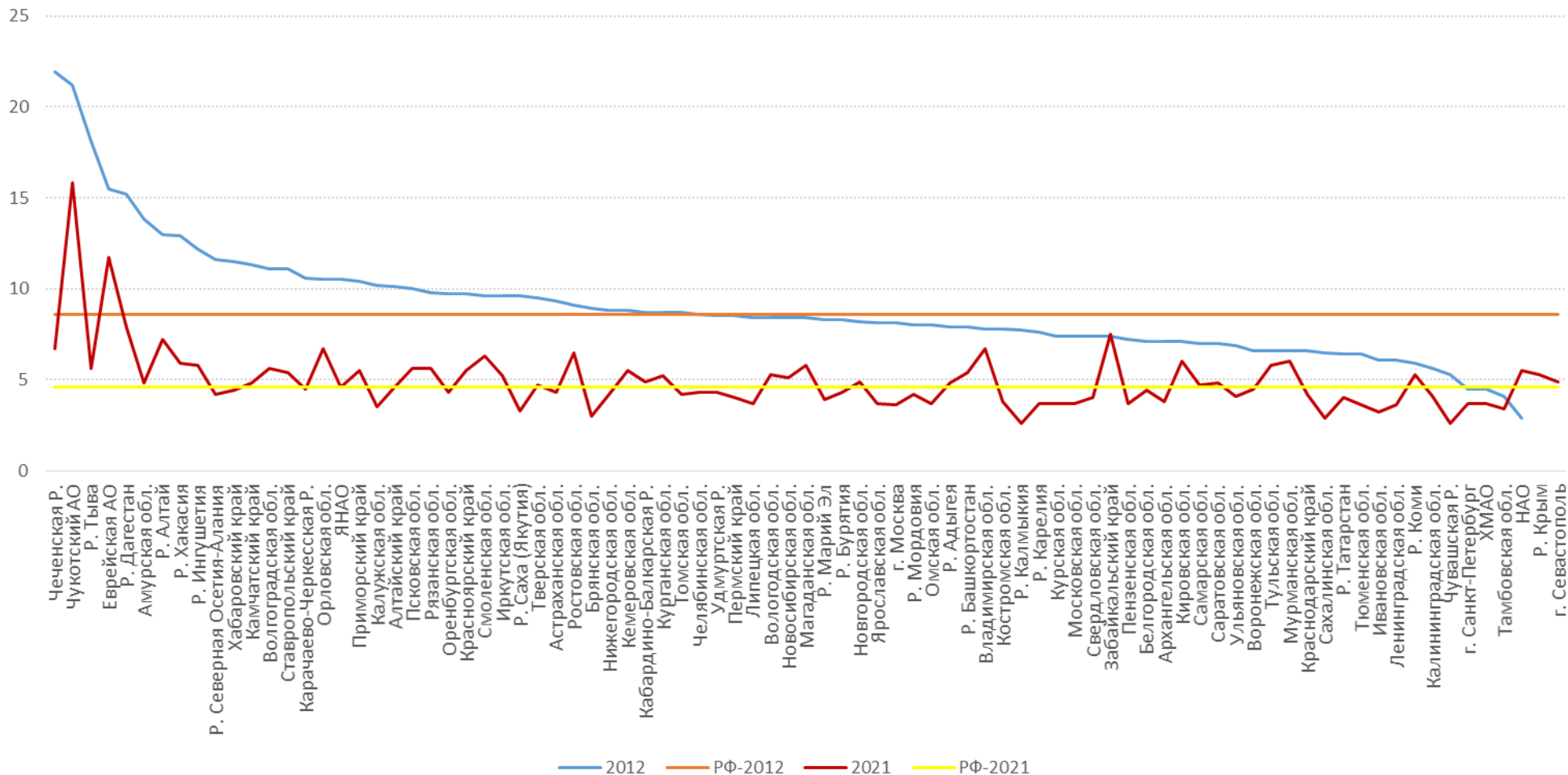
Напомним, что в России сохраняются различия в младенческой смертности в зависимости от очередности рождения: *«Реже других умирают вторые дети, но при возрасте матери до 30 лет смертность первенцев ниже, чем вторых детей. Чаще всего умирают четвертые и следующие дети. Так происходит во всех группах по возрасту матери»* (Андреев 2020). Представляется, что эти различия частично объяснимы разницей в рисках осложнений беременностей разных очередностей, а частично – социальными характеристиками матерей, не только уровнем их образования (образом жизни), но и местом проживания, доступом к организациям родовспоможения.

Региональная дифференциация и вклад трехуровневой организации родовспоможения

В последнее десятилетие уверенная позитивная динамика младенческой смертности отмечалась во всех субъектах Российской Федерации, кроме Забайкальского края (7,4 промилле в 2012 г. и 7,5 промилле в 2021 г.; рисунок 4). Низкие темпы (менее 20%) сокращения младенческой смертности за этот период характерны также для Республики Коми, Тульской, Владимирской, Кировской, Тамбовской областей и Санкт-Петербурга. Однако динамика в последнем не является свидетельством низкого качества услуг родовспоможения, а отражает концентрацию сложных случаев ведения беременности в его медицинских учреждениях. Наибольшего сокращения (более 60%) достигли Хабаровский край, Республика Северная Осетия, Амурская область, Республика Саха, Калужская область, Республика Калмыкия, Брянская область, Республика Тыва и Чеченская Республика. Однако последние два субъекта РФ имели в 2012 г. очень высокий уровень младенческой смертности, кроме того, сбор статистики в них считается несовершенным. В частности, Е.М. Андреев показывает, что региональная динамика младенческой смертности не всегда ведет себя правдоподобно (Андреев 2020). К 2021 региональная дифференциация младенческой смертности сохранялась (рисунок 4, справа).

На уровне младенческой смертности в регионах влияет и характер расселения: территориальная доступность организаций родовспоможения в сельской местности ниже, а показатели младенческой смертности выше (5,3 промилле против 4,4 в городском населении в 2021 г. по РФ в среднем). Россия вслед за многими развитыми странами провела закрытие небольших служб родовспоможения в сельской местности в процессе реорганизации всей системы (Grzybowski, Stoll, Kornelsen 2011). Это усилило социальное неравенство в доступе к услугам родовспоможения, так как для сельского населения и экономически уязвимых женщин своевременная транспортировка представляет сложную задачу.

Рисунок 4. Показатели младенческой смертности в регионах России, 2012 и 2021

Источник: ЕМИСС.

Чтобы понять влияние трехуровневой системы родовспоможения на региональные оценки младенческой смертности, мы провели регрессионный анализ. В предыдущих исследованиях модели в качестве независимых переменных включали разнообразные показатели, отвечающие за здравоохранение: доступность коек, численность медицинского персонала, аборт, заболеваемость и так далее (Зелинская, Терлецкая 2013; Иванова 2014). В связи с фокусом настоящей работы на ходе перинатальной реформы мы используем такой аккумулирующий показатель, как «распределение родившихся живыми по уровням стационара» (данные взяты из: (Котова и др. 2021)). Стоит отметить, что нельзя использовать показатели с двусторонней зависимостью, такие как, например, доля нормальных родов, смертность по уровням стационаров и так далее. Перинатальные центры забирают себе наиболее сложные случаи, поэтому в регионах с их небольшим числом или отсутствием такие индикаторы дают некорректно оптимистичную картину¹¹. В то же время индикаторы заболеваемости беременных женщин лучше отражают выявляемость, нежели эпидемиологическую картину.

В процессе апробации регрессионных моделей в них включали такие независимые региональные показатели, как демографические (плотность населения, доля городского населения), экономические (ВРП на душу населения, доля населения ниже границы бедности), здравоохранения (число родившихся по уровням стационара, число аборт на 1000 женщин фертильного возраста). В модели с младенческой смертностью статистически значимыми остались две переменные: доля родившихся живыми в стационарах третьего уровня и доля городского населения¹² (таблица 2). Отсутствие значимости переменной интенсивности аборт (до 22 недель) косвенно подтверждает малую роль административного компонента в показателях младенческой смертности.

В регрессионном анализе младенческой смертности значимой оказалась только переменная доли родов в стационарах третьего уровня, тогда как (отдельное) включение показателей по первому и второму уровням не показало значимости. Однако в анализе ранней неонатальной смертности переменная «доля родившихся в стационарах второго уровня» оказалась значима: она повышает показатели ранней неонатальной смертности на региональном уровне (таблица 3). При недоступности перинатального центра или при некорректной пренатальной диагностике осложненные беременности родоразрешаются в организациях второго уровня, которые все еще нуждаются в модернизации и дооснащении.

¹¹ Обязанность заявить в орган записи актов гражданского состояния о рождении мертвого ребенка или о рождении и смерти ребенка, умершего на первой неделе жизни, возлагается на... руководителя медицинской организации, в которой происходили роды или в которой ребенок умер» (Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. №143-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об актах гражданского состояния»), из чего мы делаем вывод, что ребенок будет зарегистрирован как умерший в регионе своего рождения. В случае смерти ребенка после 7 суток жизни выдается медицинское свидетельство о смерти, а регистрация смерти в органах ЗАГС производится родителями, из чего мы делаем вывод, что такие случаи будут зарегистрированы в регионе регистрации матери ребенка.

¹² В отсутствии переменной доли городского населения значима была доля населения с доходами ниже границы бедности.

Таблица 2. Результаты линейного регрессионного анализа связи показателей смертности в регионах России с долей родившихся в организациях третьего уровня, 2020 г.

	Зависимая переменная: младенческая смертность, на 1000 родившихся живыми		Зависимая переменная: ранняя неонатальная смертность, на 1000 родившихся живыми	
	стандартизованные коэффициенты	значимость	стандартизованные коэффициенты	значимость
Доля родившихся живыми в стационарах третьего уровня ¹³	-,419	,000	-,406	,000
Доля городского населения	-,368	,001	-,210	,051
Константа		9,209		4,429

Таблица 3. Результаты линейного регрессионного анализа связи показателей смертности в регионах России с долей родившихся в организациях второго уровня, 2020 г.

	Зависимая переменная: ранняя неонатальная смертность, на 1000 родившихся живыми	
	стандартизованные коэффициенты	значимость
Доля городского населения	-,225	,039
Доля родившихся живыми в стационарах второго уровня	,412	,000
Константа		2,18

Таким образом, наличие и территориальная доступность организаций третьего уровня родовспоможения вносят существенный вклад в сокращение младенческой смертности на региональном уровне.

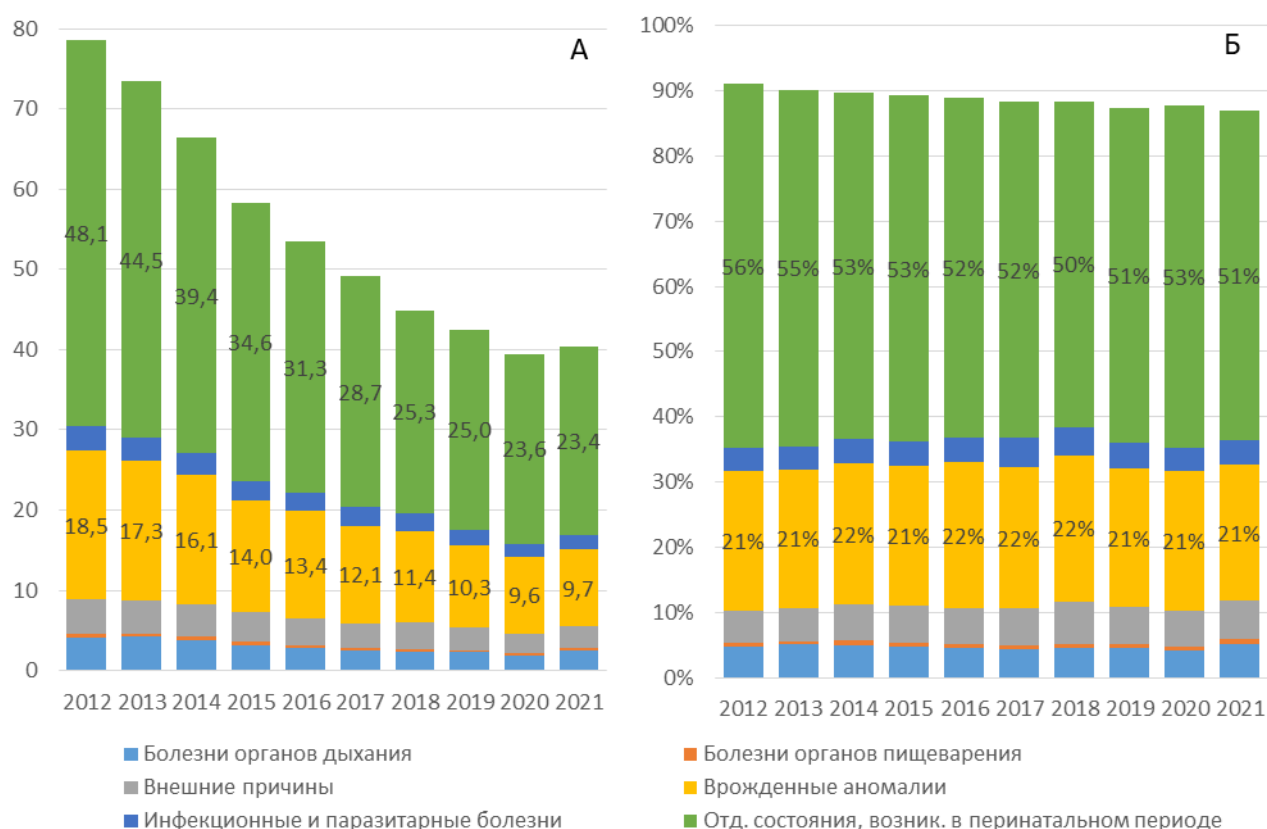
Причины младенческой смертности и фактор недоношенности

Причины перинатальной и неонатальной смертности, а также мертворождений варьируются по гестационному сроку плода. Основные причинные факторы, которые приводят к осложнениям беременности, к перинатальной заболеваемости и смертности в развитых странах – это врожденные аномалии развития (ВАР), преждевременные роды и внутриутробная гипоксия (Al-shehri et al. 2022). На класс врожденных аномалий развития приходится 21% всех младенческих смертей в России (рисунок 5б). Он очень разнороден по рискам угрозы жизни и масштабам необходимого лечения и реабилитации. Наиболее часто встречаются следующие их виды: врожденные пороки системы кровообращения (преимущественно пороки сердца), аномалии костно-мышечной системы, органов пищеварения, хромосомные аномалии (прежде всего, синдром Дауна) и другие. Снижение смертности от ВАР достигается за счет улучшения и распространения пренатальной диагностики, коррекции ВАР внутриутробно или после рождения. Младенческая смертность от ВАР снизилась в России с 18,5 в 2012 г. до 9,7 в 2021 г. (на 10000 родившихся живыми) (рисунок 5А).

¹³ Регионам, не имеющим стационаров третьего уровня, приписано значение «0».

Наиболее крупный класс причин младенческой смертности – «Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде» – в значительной степени состоит из предотвратимых причин смерти. В связи с этим по нему наблюдается и наиболее позитивная динамика: за последнее десятилетие основное снижение смертности пришлось на класс «отдельные состояния» (с 48,1 до 23,4 на 10000). Однако его доля от числа всех умерших на первом году жизни снизилась незначительно: с 56 до 51% (рисунок 5Б).

Рисунок 5. Число умерших детей на первом году жизни по основным классам причин смерти:
А) на 10 тыс. родившихся живыми за год, человек;
Б) % от числа всех умерших за год

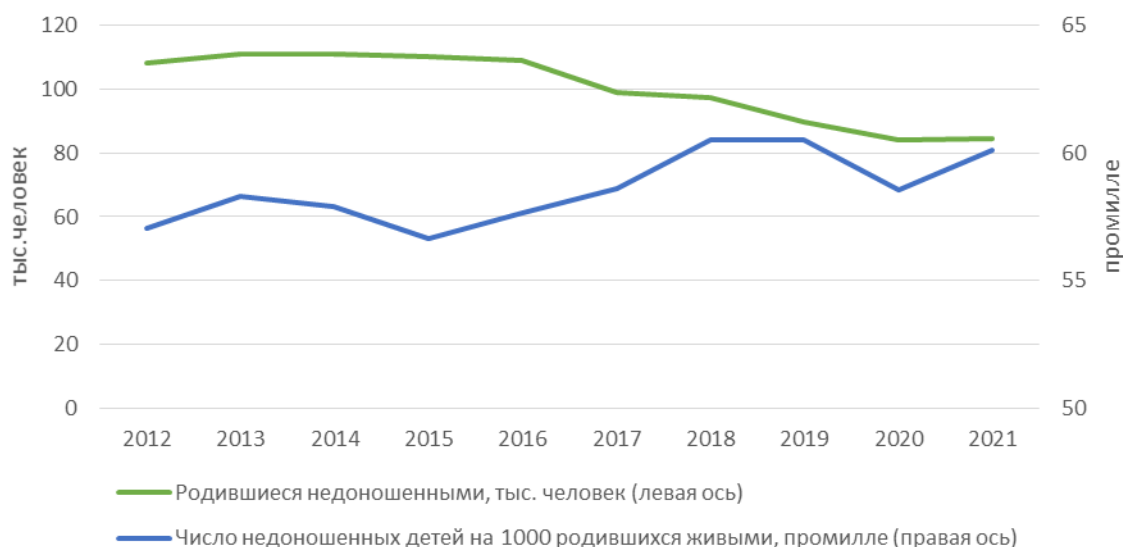

Источник: ЕМИСС.

Преждевременные роды являются ведущей причиной младенческой смертности и заболеваемости как в развитых, так и в развивающихся странах (Keller et al. 2010). В странах с высоким уровнем дохода их распространенность и исход зависят от качества акушерской практики, а также от большого числа характеристик населения, включая многоплодные беременности, возраст матери, индекс массы тела, курение, интервалы между беременностями и исход предыдущей беременности, искусственные аборты и так далее (Delnord, Blondel, Zeitlin 2015). Измеримость всех этих характеристик в массовых исследованиях затруднена. Рост доли матерей старших репродуктивных возрастов не приводит к росту преждевременных родов (VanderWeele, Lantos, Lauderdale 2012). Однозначной связи с социально-экономическим статусом матери также не обнаружено, разные исследования дают разные результаты.

В среднем по миру доля преждевременных родов составляет 11% (Walani 2020), в экономических развитых странах она колеблется около 5% (Нурова, Мирзоева 2022). В России этот показатель находится на сопоставимом уровне: в 2021 г. доля недоношенных детей от числа родившихся живыми составила 6% (рисунок 6). Доля преждевременных родов от числа женщин, закончивших беременность родами, составила в 2021 г. 4,8%, в 2020 г. 4,7%. Некоторое повышение доли преждевременных родов связано с последствиями распространения новой коронавирусной инфекции (Бантьева 2023).

Рисунок 6. Число недоношенных детей, тыс. человек и на 1000 родившихся живыми

Источник: Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. Росстат, официальный сайт. [Электронный ресурс]. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdr3-2.xls>

Риски смертности среди доношенных и среди недоношенных новорожденных различаются очень сильно (рисунок 7). В 2020 г., по данным Минздрава, число умерших новорожденных в родовспомогательных учреждениях на 1000 родившихся живыми составило 0,44 среди доношенных и 9,2 среди недоношенных (в 20 раз выше). Наибольший вклад в смертность недоношенных внесли респираторные нарушения, инфекционные болезни и врожденные аномалии. Внутриутробное инфицирование (ВУИ) по некоторым оценкам достигает 70% среди недоношенных детей (Нурова, Мирзоева 2022). Высокий уровень ВУИ среди недоношенных связан с тем, что и на риски недоношенности и на риски ВУИ влияет плацентарная недостаточность и нарушение защитной функции плаценты.

К сожалению, ни Минздрав, ни Росстат не публикуют данные по младенческой смертности и ее составляющим в разрезе гестационного срока плода, только по массе тела при рождении. Это обедняет возможности анализа младенческой смертности с учетом проблемы недоношенности. Безусловно, низкая масса тела при рождении, а также маловесность плода ассоциированы с более высокими рисками смертности. Однако вес тесно коррелирует с гестационным сроком, и – при использовании единственного показателя – выбор гестационного возраста будет более корректным. Использование одной массы тела может давать неверные сигналы для исследователя, так как не отражает наличие и степень задержки внутриутробного роста. Например, ребёнок массой тела 1 кг может быть рожден и на 27-28-й неделе, и на 32-33-й неделе (в случае ЗВУР).

Рисунок 7. Число умерших новорожденных в родовспомогательных учреждениях, родившихся с массой тела 1000 г и более, по причинам смертности, на 1000 родившихся живыми каждой категории, 2020

Источник: (Александрова и др. 2021: таблица 28, с. 139).

По международным данным более 84% родов раньше срока приходится на 32-36-ю неделю беременности, только около 5% попадают в крайне недоношенные (ранее 28 недель), около 10% приходится на 28-32-ю неделю (Walani 2020). Гестационный возраст влияет на риски смертности и последствий для здоровья новорожденного, а также на объемы и характер требуемой медицинской помощи при выхаживании и дальнейшей реабилитации.

Выводы и рекомендации

В последнем десятилетии в России продолжала совершенствоваться система охраны материнства и детства. Результатом предпринятых шагов стало снижение показателей младенческой смертности. Вместе с тем на текущий момент сохраняются обширные резервы ее дальнейшего снижения. В структуре младенческой смертности неоправданно высокой остается доля постнеонатальной смертности, и, соответственно, доля неонатальной существенно ниже, чем в других развитых странах.

В снижении младенческой смертности значительную роль играют совершенствование медицинской помощи, развитие реанимационных мероприятий и интенсивных технологий выхаживания новорожденных, особенно в отношении новорожденных с низкой и экстремально низкой массой тела. После формирования современной системы родовспоможения в развитых странах основные усилия сфокусировались на максимальном сокращении предотвратимой младенческой смертности и нивелировании всех известных рисков, ассоциированных с беременностью и родами. Играет роль не только непосредственное развитие медицинских технологий, но и

совершенствование организационных практик, два ключевых компонента которых – оптимизация маршрутизации беременных¹⁴ и снижение числа последовательных госпитализаций новорождённых в учреждениях разного уровня. В частности, низкая распространенность перевода новорожденных между медицинскими организациями оценивается как важный фактор выживаемости недоношенных детей в Японии (Isayama 2019).

Обобщая, можно выделить направления дальнейших шагов по сокращению младенческой смертности в России.

1. В организационно-медицинской части:

- дальнейшее развитие пренатальной диагностики и повышение ее доступности. Такие диагностические процедуры, как генетическое тестирование, прямая биопсия ткани плода и неинвазивная пренатальная диагностика (НИПД) помогают в раннем выявлении аномалий развития в течение первого триместра беременности, что позволяет принимать ранние информированные решения о пролонгации или прерывании беременности, а также приводит к лучшему послеродовому лечению отдельных аномалий (например, врожденных пороков сердца (Dolk, Loane, Garne 2011)). Улучшение скрининговых программ по выявлению задержек роста плода;
- улучшение территориальной доступности организаций родовспоможения третьего уровня, завершение программы строительства перинатальных центров, обеспечение высокого качества дорожного полотна на пути следования к ним;
- перемещение фокуса на дооснащение и повышение квалификации медицинского персонала в организациях родовспоможения второго уровня и в медицинских организациях, обеспечивающих второй этап выхаживания недоношенных новорожденных;
- развитие центров дистанционного консультирования и мониторинга беременных женщин (Зильбер, Анкудинов 2019). Телемедицинские технологии могут снизить социальное неравенство в услугах ведения беременности.

2. В части информированности населения:

- повышение информированности о необходимости *прегравидарной подготовки* (комплекса диагностических и лечебно-профилактических мероприятий, направленных на подготовку супружеской пары к полноценному зачатию, вынашиванию беременности и рождению здорового ребенка), в том числе обследование и лечение инфекций, передающихся преимущественно половым путем, а также прием фолиевой кислоты до наступления беременности и на ранних сроках. Известно, что со своевременным приемом фолиевой кислоты связано снижение рисков внутриутробных аномалий (Спина Бифида, порок сердца у плода);
- улучшение коммуникаций в ходе ведения беременности между врачом и пациентом. В настоящее время Интернет стал одним из самых популярных

¹⁴ Принцип «in utero transfer»: плоды с высокими рисками должны транспортироваться в третий уровень организации родовспоможения внутриутробно.

источников информации по теме медицины, беременные женщины не являются исключением. Метаанализ публикаций показывает, что большинство женщин не обсуждают со своим врачом информацию, полученную из Интернета (Sayakhot, Carolan-Olah 2016). Это способствует массовому формированию ошибочных убеждений о беременности, влияет на поведенческие практики в отношении потребления медицинских услуг в этот период.

3. В части повышения качества связанной статистики и аналитических возможностей:

3.1 расширение публикуемой статистики Росстата:

- ежегодная публикация показателей неонатальной смертности (0-27 дней); публикация числа живорождений и смертей по укрупненным категориям гестационного возраста плода, отдельно и в пересечении с признаком массы тела для исследований проблемы задержек внутриутробного роста. Проблема недоношенности в значительной степени влияет на уровень младенческой смертности, однако в российской статистике она отражена слабо.

3.2 развитие информационных технологий:

- необходимо ведение и агрегированное использование в аналитических целях государственных и региональных баз данных об исходах беременностей с обширным числом медицинских, демографических и социальных показателей;
- в настоящий момент в России внедряются регистры беременных (в том числе с критическими акушерскими состояниями), есть необходимость расширять их и выводить на единый федеральный уровень. Они должны позволять анализировать статистику по базовым вмешательствам, направленным на повышение выживаемости недоношенных младенцев: своевременному введению дородовых стероидов матери и получению сурфактанта новорожденными¹⁵. Мониторинг частоты введения дородовых стероидов матери дает важную информацию о резервах сокращения младенческой смертности. Так, в западных странах 80-90% новорожденных с массой тела менее 1500 г получают антенатальные кортикостероиды, в Японии таковых 60% (Isayama 2019);
- многие страны создали национальные реестры, которые определяют результаты новорожденных, родившихся недоношенными (Lui et al. 2019). Россия также нуждается в ведении региональных и федеральных баз данных по недоношенным новорожденным (наподобие iNeo (Shah et al. 2019) или японской Сети исследований новорожденных Японии (NRNJ)). Такая база может быть сформирована на основе регистров беременных. Базы используются в международных совместных исследованиях, позволяя сравнивать результаты выхаживания недоношенных детей и внедрять наилучшие практики. Так, использование базы данных iNeo привело исследователей к выводам о том, что на фоне снижения младенческой смертности идет рецессия показателей

¹⁵ Эти два класса препаратов фигурируют как ключевые в снижении смертности недоношенных детей (Zeitlin et.al. 2016). В частности, сурфактант представляет собой раствор, который вводится через трубочку прямо в легкие ребенка. Он быстро распространяется по всем дыхательным путям и увеличивает насыщение крови кислородом. В некоторых случаях ребенок нуждается в двухкратном или даже трехкратном введении сурфактанта.

заболеваемости или даже рост отдельных заболеваний (а именно, бронхолегочной дисплазии (БЛД)). Связь динамики смертности по причине респираторных нарушений и динамики числа детей с диагнозом БЛД¹⁶ необходимо отслеживать и по России.

Младенческая смертность в основном ассоциирована с врожденными аномалиями развития, преждевременными родами и низкой массой тела при рождении, осложнениями беременности. Сдвиг рождаемости во все более поздние возраста повышает риски этих состояний и ставит новые задачи перед услугами родовспоможения в развитых странах. Россия также идет по пути постарения материнства, но распространенность беременностей среди матерей из поздних репродуктивных возрастов в России все еще не так велика, как в других странах. Другими словами, есть время на модернизацию практик ведения беременности и услуг родовспоможения с тем, чтобы учитывать риски и потребности этой категории женщин.

Литература

- Александрова Г.А., Сон И.М., Леонов С.А., Огрызко Е.В., Суханова Л.П., Богуславский М.А., Божко В.Н., Гладких Т.Е., Щербакова Г.А., Обломова М.А., Гриничева А.В., Кантеева А.Н. (2013). *Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации*. Москва: ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава РФ.
- Андреев Е.М. (2020). Неравенство в младенческой смертности среди населения современной России. *Вопросы статистики*, 27(2), 48-62. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-2-48-62>
- Бантьева М.Н. (2023). Тенденции заболеваемости беременных, рожениц и родильниц в Российской Федерации. Некоторые аспекты профилактики развития патологии. Доклад, представленный на конференции *Актуальные проблемы охраны материнства и детства: приоритет на профилактику* ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России.
- Зелинская Д.И., Терлецкая Р.Н. (2013). Региональные особенности младенческой смертности от врожденных пороков развития в Российской Федерации. *Детская больница*. 1, 10-13. <https://rdkb.ru/files/file2033.pdf>
- Зильбер Н.А., Анкудинов Н.О. (2019). Региональный акушерский мониторинг: инновационный инструмент управления кластером родовспоможения. *Журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 5(1), 3-7.
- Иванова И. А. (2014). Статистический анализ и моделирование младенческой смертности как одного из индикаторов демографической безопасности регионов Российской Федерации. *Региональная экономика: теория и практика*. 9, 50-55.
- Кваша Е.А. (2014). Смертность детей до 1 года в России: что изменилось после перехода на новые определения живорождения и мертворождения. *Демографическое обозрение*. 1(2), 38-56. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i2.1816>

¹⁶ Основная причина развития БЛД состоит в длительном пребывании на высокочастотном ИВЛ. В исследованиях к детям с диагнозом БЛД отнесены все, рожденные на 32-й неделе и раньше и пребывающие на искусственной вентиляции легких (ИВЛ) к сроку 36 недель по гестации (Lui et al. 2019).

- Нурова А. А., Мирзоева Р. К., Бердыш Д. С. (2022). Современная ситуация по перинатальной и младенческой смертности в России. *Вестник Биомедицина и социология*. 7(2), 59-66. <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2022-7-2-59-66>
- Котова Е.Г., Кобякова О.С., Стародубов В.И., Александрова Г.А., Голубев Н.А., Огрызко Е.В., Поликарпов А.В., Шелепова Е.А. (2021). *Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации*. М.: ЦНИИОИЗ Минздрава РФ.
- Петрухин В.А., Гридчик А.Л., Логунова Л.С., Чечнева М.А., Аксенов А.Н., Дуб Н.В., Мельников А.П. (2021). Модернизация родовспоможения—резерв снижения перинатальной и младенческой смертности. *Российский вестник акушера-гинеколога*. 21(3), 5-10. <https://doi.org/10.17116/rosakush2021210315>
- Суханова Л.П. (2013). Исходы беременности и перинатальные потери при новых критериях рождения. *Социальные аспекты здоровья населения*, 31(3), 7.
- Al-shehri H., Dahmash D.T., Rochow N., Alturki B., Alrajhi D., Alayed F., Alhazani F., Alsuhibany H., Naser A.Y. (2022). Hospital admission profile of neonates for conditions originating in the perinatal period in England and Wales between 1999–2020: an ecological study. *International Journal of General Medicine*. 15, 1973-1984. <https://doi.org/10.2147/IJGM.S354847>
- Delnord M., Blondel B., Zeitlin J. (2015). What contributes to disparities in the preterm birth rate in European countries? *Current opinion in obstetrics & gynecology*. 27(2), 133–142. <https://doi.org/10.1097/GCO.0000000000000156>
- DiPietro J.A., Voegtline K.M. (2017). The gestational foundation of sex differences in development and vulnerability. *Neuroscience*. 342, 4-20. <https://doi.org/10.1016/j.neuroscience.2015.07.068>
- Dolk H., Loane M., Garne E. (2011). Congenital heart defects in Europe: prevalence and perinatal mortality, 2000 to 2005. *European Surveillance of Congenital Anomalies Working G*. 123, 841–849. <https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.110.958405>
- Grzybowski S., Stoll K., Kornelsen J. (2011). Distance matters: a population-based study examining access to maternity services for rural women. *BMC health services research*. 11(1),1-8. <https://doi.org/10.1186/1472-6963-11-147>
- Ingemarsson I. (2003). Gender aspects of preterm birth. *BJOG: an international journal of obstetrics and gynecology*. 110, 34-38. [https://doi.org/10.1016/S1470-0328\(03\)00022-3](https://doi.org/10.1016/S1470-0328(03)00022-3)
- Isayama T. (2019). The clinical management and outcomes of extremely preterm infants in Japan: past, present, and future *Translational pediatrics*. 8(3), 199-211. <https://doi.org/10.21037/tp.2019.07.10>
- Keller M., Felderhoff-Mueser U., Lagercrantz H., Dammann O., Marlow N., Hüppi P., Buonocore G., Poets C., Simbruner G., Guimaraes H., Mader S., Merialdi M., Saugstad O.D. (2010). Policy benchmarking report on neonatal health and social policies in 13 European countries *Acta paediatrica*. 99(11), 1624-1629. <https://doi.org/10.1111/j.1651-2227.2010.01894.x>
- Lui K., Lee S.K., Kusuda S., Adams M., Vento M., Reichman B., Darlow B., Lehtonen L., Modi N., Norman M., Håkansson S., Bassler D., Rusconi F., Lodha A., Yang J., Shah (2019). Trends in outcomes for neonates born very preterm and very low birth weight in 11 high-income

- countries. *The Journal of pediatrics*. 215, 32-40.
<https://doi.org/10.1016/j.jpeds.2019.08.020>
- Naeye R.L., Burt L.S., Wright D.L., Blanc W.A., Tatter D. (1971). Neonatal mortality, the male disadvantage. *Pediatrics*. 48(6), 902-906. <https://doi.org/10.1542/peds.48.6.902>
- Sayakhot P., Carolan-Olah M. (2016). Internet use by pregnant women seeking pregnancy-related information: a systematic review. *BMC pregnancy and childbirth*. 16(1), 1-10.
<https://doi.org/10.1186/s12884-016-0856-5>
- Shah P.S. Lee S.K., Lui K., Sjörs G., Mori R., Reichman B., Håkansson S., San Feliciano L., Modi N., Adams M., Darlow B., Fujimura M., Kusuda S., Haslam R., Mirea L. (2019). The International Network for Evaluating Outcomes (iNeo) of neonates: evolution, progress and opportunities. *Translational pediatrics*. 8(3), 170-181.
<https://doi.org/10.21037/tp.2019.07.06>
- Townsel C.D., Emmer S.F., Campbell W.A., Hussain N. (2017). Gender differences in respiratory morbidity and mortality of preterm neonates. *Frontiers in pediatrics*. 5, 6.
<https://doi.org/10.3389/fped.2017.00006>
- VanderWeele T.J., Lantos J.D., Lauderdale D.S. (2012). Rising preterm birth rates, 1989–2004: changing demographics or changing obstetric practice? *Social science and medicine*. 74(2), 196-201. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2011.10.031>
- Walani S.R. (2020). Global burden of preterm birth. *International Journal of Gynecology & Obstetrics*. 150(1), 31-33. <https://doi.org/10.1002/ijgo.13195>
- Zeitlin J., Mortensen L., Cuttini M., Lack N., Nijhuis J., Haidinger G., Blondel B., Hindori-Mohangoo A.D. (2016). Declines in stillbirth and neonatal mortality rates in Europe between 2004 and 2010: results from the Euro-Peristat project. *J Epidemiol Community Health*. 70(6), 609-615. <https://doi.org/10.1136/jech-2015-207013>

Приложение

Таблица П. Коэффициенты младенческой смертности по продолжительности жизни мальчиков и девочек, 2021, на 1000 родившихся живыми

	Мальчики	Девочки
В том числе: до 1 дня	0,36	0,28
1 день	0,44	0,34
2 дня	0,33	0,22
3 дня	0,23	0,15
4 дня	0,17	0,12
5 дней	0,11	0,13
6 дней	0,12	0,09
7-9 дней	0,34	0,21
10-13 дней	0,28	0,21
14-19 дней	0,28	0,21
20 дней	0,04	0,03
21-27 дней	0,25	0,20
28 дней	0,03	0,03
29 дней	0,03	0,03
30 дней	0,02	0,01
1 месяц	0,65	0,48
2 месяца	0,37	0,29
3 месяца	0,26	0,20
4 месяца	0,20	0,20
5 месяцев	0,19	0,16
6 месяцев	0,16	0,10
7 месяцев	0,12	0,08
8 месяцев	0,07	0,08
9 месяцев	0,08	0,06
10 месяцев	0,06	0,05
11 месяцев	0,06	0,04
Неизвестно	-	-
Всего	5,25	3,99

Источник: Расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

**Специфика смертности населения в
субурбанизированной зоне
(случай пригородного района
Иркутской агломерации)**

Константин Вадимович Григоричев
(grigorichev@yandex.ru), Иркутский
государственный университет, Россия.

**Distinctive features of mortality
in the suburban population
(the case of the Irkutsk
agglomeration)**

Konstantin Grigorichev
(grigorichev@yandex.ru), Irkutsk state
university, Russia.

Резюме: Статья посвящена анализу особенностей смертности в типологически новом для России пространстве пригородной зоны, формирующемся на основе субурбанизационных процессов с конца 1990-х годов. Исследование построено на примере Иркутской агломерации, где на протяжении более 15 лет идет активное формирование субурбии за счет миграции горожан. Это позволяет рассмотреть на ее примере формирование особенностей демографической ситуации в субурбанизированной зоне, складывающейся не в результате урбанизационной миграции из сельской местности в город, но как следствие возникновения нового социально-пространственного феномена.

На уровне муниципальных районов и городских округов проводится сравнение пригородного района с остальной территорией области по стандартизированным (европейская модель) показателям смертности, ожидаемой продолжительности жизни. Показывается, что уровень смертности в пригородном районе существенно ниже, чем в иных муниципальных образованиях. При этом такой спецификой обладает только приотличный район, тогда как в районах, прилегающих к другим крупным городам региона, подобных отличий не наблюдается. Анализируется роль миграционного притока в формировании пригородной специфики.

Вместе с тем предполагается, что отличия смертности в пригороде определяются специфическим пригородным образом жизни (субурбанизм), что отражается в возрастной структуре смертности и ее причинах. Делается вывод, что во всех возрастных группах уровень смертности в пригороде заметно ниже, чем в иных муниципальных образованиях области, включая региональный центр. В структуре смертности по причинам отражается более широкое распространение самосохранительного поведения и рефлексивного отношения к здоровью, детерминирующее значительно более низкий уровень смертности в молодых и средних возрастах от болезней системы кровообращения, новообразований, травм, крайне низкую смертность от болезней, вызванных злоупотреблением алкоголем.

На основе проведенного анализа предлагается гипотеза о формировании выраженной специфики демографических процессов в субурбанизированной зоне, отличающихся от доминирующих в регионе трендов.

Ключевые слова: смертность, пригород, субурбанизация, Иркутская агломерация.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00084.

Для цитирования: Григоричев К.В. (2023). Специфика смертности населения в субурбанизированной зоне (случай пригородного района Иркутской агломерации). Демографическое обозрение, 10(3), 82-102. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17971>

Abstract: The article is devoted to the analysis of the distinctive features of mortality in the suburban area, a typologically new for Russia space resulting from suburbanization processes starting in the late 1990s. The study is based on the case of the Irkutsk agglomeration, where for more than 15 years there has been an active formation of suburbia due to the migration of urban residents. This allows us to study the formation of the peculiarities of the demographic situation in the suburbanized zone, which is formed not as a result of urbanization migration from rural areas to the city, but as a consequence of the emergence of a new socio-spatial phenomenon.

We compare municipalities of the lowest level in the suburban area with the rest of the region by standardized (European model) indicators of mortality and life expectancy. We show that the mortality rate in the suburban area is significantly lower than in other municipalities. At the same time, only the capital's suburban area has such

specificity. Such differences are not observed in the areas adjacent to other major cities of the region. The role of migration inflow in the formation of suburban specificity is analyzed.

At the same time, we assume that it is the differences in the suburban lifestyle (suburbanism) which determine the differences in suburban mortality, as reflected in the age structure of mortality and its causes. We conclude that in all age groups the mortality rate in the suburbs is noticeably lower than in other municipalities of the region, including the regional center. The structure of mortality by cause reflects a wider spread of self-preserving behavior and a reflexive attitude to health, leading to a significantly lower mortality rate in young and middle age groups from circulatory diseases, neoplasms, injuries, and to extremely low mortality from diseases caused by alcohol abuse. Based on the analysis, we propose a hypothesis about the formation of a pronounced specificity of demographic processes in the suburbanized zone, which differ from the dominant trends in the region.

Keywords: mortality, suburbs, suburbanization, Irkutsk agglomeration.

Funding: By the support of Russian Science Foundation, project № 22-28-00084.

For citation: Grigoriev K. (2023). Distinctive features of mortality in the suburban population (the case of the Irkutsk agglomeration). *Demographic Review*, 10(3), 82-102. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17971>

Введение

Интенсивное развитие субурбий региональных столиц России стало одной из наиболее значимых тенденций социально-пространственного развития в последнее десятилетие. Именно в пригородах региональных центров численность населения демонстрирует заметно более высокую положительную динамику (в относительном выражении), чем в самих региональных центрах (Карачурина, Мкртчян 2021). В азиатской части России, где процессы депопуляции усугубляются «западным дрейфом миграции» (Мкртчян 2004), пригороды являются едва ли не единственной зоной сохранения и даже роста численности населения (Григоричев 2018). Как показала дискуссия 2017-2019 гг. (Бреславский 2017; 2019), субурбанизация стала значимым трендом в большинстве субъектов страны.

В основе этого процесса лежит миграционный приток, что соответствует общемировым тенденциям (Keil 2018). В рамках обширной и давней североамериканской и европейской традиции изучения субурбанизации (см. обобщающие работы (Jackson 1985; Fishman 1987; Seligman 2004; Keil 2018) и многие другие) демографическая проблематика менее заметна, чем вопросы специфики миграции, изменений социальной структуры и характера интеракций внутри и за пределами субурбий, архитектурно-пространственных трансформаций. Вместе с тем опыт исследования Канады (Aiura, Sato 2014), европейских (Eggerickx 2013; Kulu, Boyle, Andersson 2009), в том числе постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы (Kurek, Wójtowicz, Gałka 2015), показывает, что интенсивный рост пригородов за счет субурбанизационной миграции может приводить к заметному изменению характера демографических процессов. Общий анализ демографической ситуации в пригородных территориях Иркутской области (Григоричев 2023) показал, что и в России возможно формирование заметной специфики демографических процессов в субурбиях по сравнению с общерегиональными трендами.

В отечественных работах вопрос о связи субурбанизации и характера демографических процессов пока только ставится. В большинстве работ анализ ограничивается оценкой динамики численности населения (Vorobyev, Vorobyev 2021; Бреславский, Буртонова 2019) и фактически сводится к анализу специфики урбанизационных процессов и трансформации системы расселения, несмотря на заявленную демографическую проблематику (см. напр.: (Бреславский 2022)). Более разработаны вопросы влияния миграции на формирование пригородной зоны (Мкртчян 2017; 2018; Григоричев 2017), трансформацию системы расселения (Антонов, Махрова 2019; Дохов, Синицын 2020). Вопросы влияния субурбанизации на естественное движение населения, фактически, пока остаются не изученными.

Задачей данной статьи является определение специфики смертности в пригородной зоне по сравнению с общерегиональными тенденциями в условиях устойчивой депопуляции. Иркутская агломерация представляет собой удачный кейс для такого анализа в силу относительной длительности субурбанизационных процессов, протекающих здесь более 15 лет (Григоричев 2013). В отличие от других регионов, например Бурятии (Бреславский 2014), формирование пригородного населения здесь идет прежде всего за счет миграции из региональной столицы (Григоричев 2016), что позволяет предполагать высокую долю уроженцев городской местности, достаточно высокий уровень образования, доходов, запрос на высокое качество жизни и, соответственно, формирование специфического образа жизни. Последний наиболее близок к

представлению о субурбанизме как образе жизни (Fawa 1956; Walks 2013), и в свою очередь может являться значимым фактором уровня и структуры смертности.

Данные и методы

Для анализа в работе использованы данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат): данные о половозрастной структуре населения на 1 января соответствующего года, сведения о распределении числа умерших по полу и возрасту, а также по причинам смерти в разрезе муниципальных районов. Для анализа использованы основные классы причин смерти, принятые в международной статистической классификации и используемые Федеральной службой государственной статистики России. Для оценки влияния образа жизни выделена смертность по причинам, связанным со злоупотреблением алкоголем («Острая интоксикация алкоголем», «Пагубное употребление алкоголя», «Синдром зависимости, вызванный употреблением алкоголя (хронический алкоголизм)», «Другие и неуточненные психические расстройства поведения, обусловленные употреблением алкоголя», «Алкогольные психозы, энцефалопатия, слабоумие») и в результате ДТП. Первая позволяет обнаружить различия со смертностью сельского населения, вторая – косвенно оценить влияние высокой интенсивности использования автотранспорта, характерной для жизни в пригороде (Walks 2013). Дополнительно привлекали сведения о миграции в пригородном районе по территориям прибытия-выбытия в разрезе сельских и городских поселений Иркутской области.

Для корректного сопоставления показатели смертности были стандартизированы (прямой метод) по европейскому стандарту, к которому близка возрастная структура региона (результаты расчетов приведены в Приложении П1 и П2). Европейский стандарт использован как устоявшийся подход, применяемый в международной практике, в том числе в российской государственной статистике, и обеспечивающий при необходимости корректное сопоставление с иными регионами и странами. Стандартизацию проводили по формуле:

$$m_{СТ} = \sum_{x=0}^n m_x V_x ,$$

где:

$m_{СТ}$ – стандартизованный коэффициент смертности,

m_x – возрастные коэффициенты смертности,

x – возраст,

V_x – доли соответствующих возрастных групп в общей численности населения, принятого за стандарт.

Важно оговориться о пределах достоверности используемых статистических данных о численности постоянного населения пригородных населенных пунктов. Как показала перепись населения 2010 г., значительная часть (8-10%) жителей пригородов не попадает в статистический учет по месту жительства (Григоричев 2013). Недоучет связан прежде всего с ограничениями на возможность регистрации по месту жительства в домовладениях, построенных на землях сельскохозяйственного назначения, а также широким распространением статуса садоводческих некоммерческих товариществ («дач») для строящихся пригородных поселков. Кроме того, широко распространенной является практика сохранения городской регистрации по месту жительства («прописки») для

обеспечения доступа к городской медицинской, образовательной и иной инфраструктуре. Как следствие, расчетные значения коэффициентов смертности могут иметь смещения за счет неточностей в оценивании численности фактического населения, что может быть наиболее значимо для младших возрастных групп, где абсолютное число смертей невелико. Тем не менее, на наш взгляд, имеющиеся данные позволяют выделить наиболее значимые тенденции.

Вторая существенная оговорка касается использования данных о муниципальном районе в целом. Безусловно, субурбанизированная зона Иркутска, с одной стороны, не охватывает всю территорию Иркутского муниципального района, на базе которого строится анализ. С другой стороны, территории, вовлеченные в субурбанизационный рост, имеются и в двух других близлежащих муниципальных образованиях второго уровня (Ангарский городской округ и Шелеховский район). Однако наиболее рельефно особенности демографических процессов проявляются именно в Иркутском районе (Григоричев 2023), подавляющая часть населения которого сосредоточена именно в пригородной зоне (Serebrennikov 2018). Это позволяет, на наш взгляд, интерпретировать данные по району в целом как отражение, преимущественно, процессов, протекающих именно в пригороде.

Наконец, следует заметить, что пандемия COVID-19 внесла значительные изменения в уровень и структуру смертности во всех местностях. Число умерших в 2020 и 2021 г. в городской местности по сравнению с 2019 г. (24,7 тыс.) выросло на 115% (28,3 тыс.) и 135% (33,3 тыс.), а в сельской – с 6,9 до 7,34 тыс. (2020 г.) и 8,6 тыс. (2021 г.) соответственно. Специфика воздействия пандемии на паттерны смертности в пригороде должна являться предметом специального анализа, выходящего за рамки данной статьи. В связи с этим анализ ограничивается «доковидным» периодом и охватывает 2012-2019 гг.

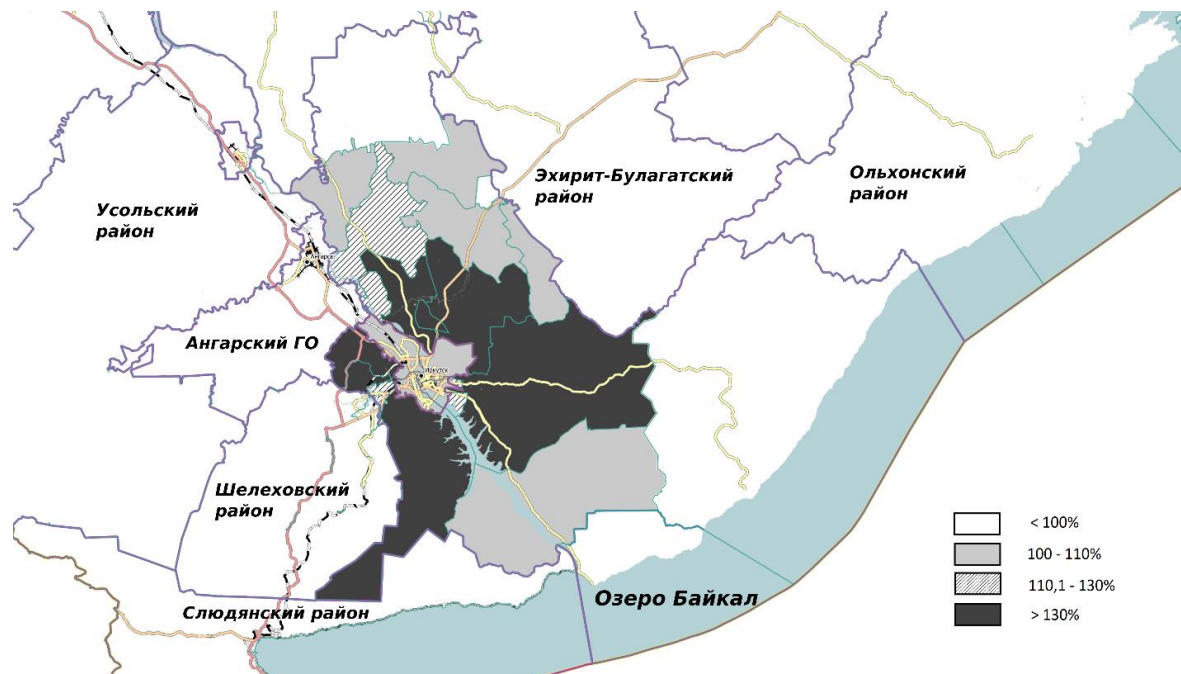
Структурные изменения населения пригородной зоны Иркутска

Иркутский муниципальный район, составляющий основу динамично развивающейся субурбии Иркутской агломерации, является единственной территорией Иркутской области, сохраняющей положительную динамику численности населения. Здесь число постоянных жителей растет высокими темпами на протяжении уже двух десятилетий (Serebrennikov 2018). За 2012-2019 гг. оно увеличилось более чем на 52% и на 01.01.2020 г. достигло 136,9 тыс. человек. Фактическая численность постоянного населения здесь, вероятно, выше по отмеченным ранее причинам.

Рост населения в Иркутском районе происходил весьма неравномерно по сельским и городским поселениям (рисунок 1). В наиболее удаленных поселениях численность населения в 2012-2019 гг. сократилась либо незначительно выросла (не более 110%). Показательно, что даже расположение возле высоко аттрактивного рекреационного природного объекта (озеро Байкал) не определяет заметный рост населения. Специфика рельефа, отсутствие закрытых бухт, обеспечивающих относительный прогрев воды, существенно ограничивают развитие здесь, в отличие от, например, Ольхонского района, рекреационного сектора экономики. Напротив, поселения, прилегающие к областному центру, демонстрировали в этот период интенсивный рост. Численность постоянного населения выросла здесь на 131-268%. Так, число жителей Марковского городского поселения выросло с 12,7 до 34,1 тыс. человек, Уриковского сельского поселения – с 7,3 до 14,01 тыс., Хомутовского сельского поселения – с 13,8 до 20,3 тыс. человек и так далее. В основе роста лежал именно миграционный прирост, в котором ведущую роль играл

региональный центр: все интенсивно растущие МО первого уровня имели в 2012-2019 гг. положительный миграционный баланс с Иркутском. Так, в 2019 г. миграционный прирост здесь за счет обмена с областной столицей составлял от 12,0 до 20,6%.

Рисунок 1. Прирост численности населения городских и сельских поселений Иркутского муниципального района, 01.01.2012-01.01.2020, %

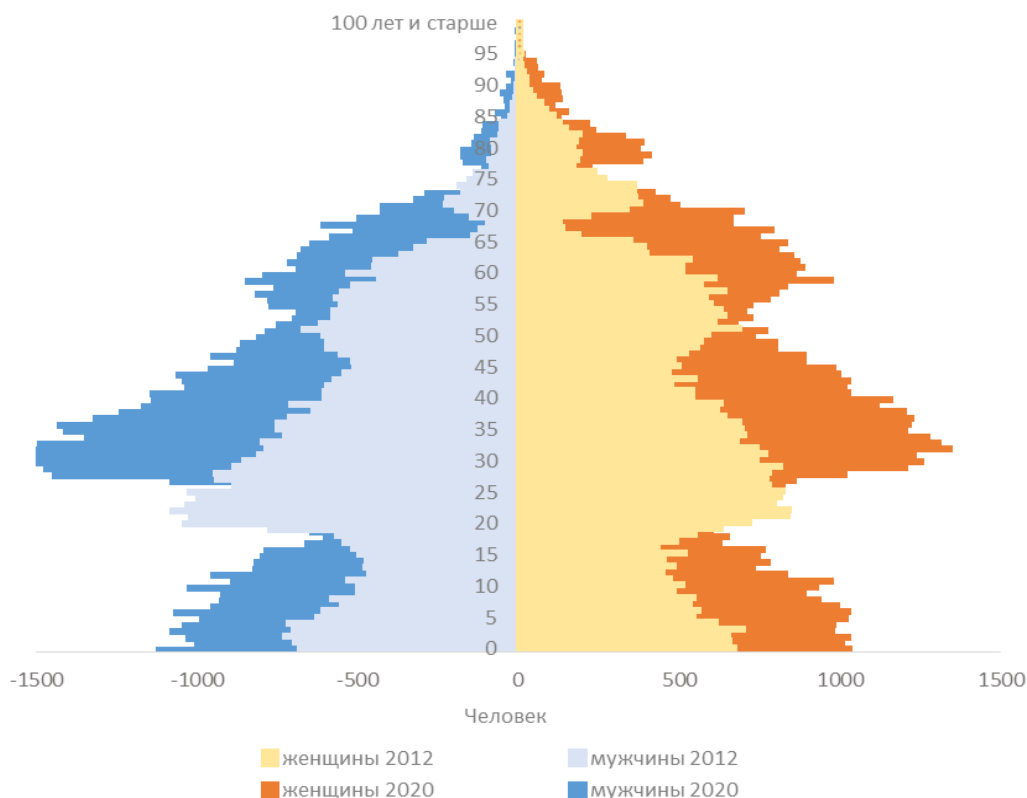
Источник: По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).

Данный феномен соответствует общему тренду роста пригородов региональных столиц востока России, фиксирующемуся исследователями в последние годы (Карачурина, Мкртчян 2021). В основе этих процессов лежит миграционный приток, связанный как с завершением урбанизации, так и выездом горожан на постоянное жительство в пригородные поселения (собственно, субурбанизационная миграция) с доминированием последнего (Григоричев 2016). Доля мигрантов из Иркутска в общем миграционном приросте Иркутского района в 2012-2019 гг. ежегодно составляла от 45,6 до 53,6%, а с учетом выходцев из близлежащих городов Ангарск (20 км от регионального центра) и Шелехов (16 км от Иркутска), входящих в Иркутскую городскую агломерацию, она достигала 58,7%. При этом основная часть быстро растущих пригородных территорий осваивается за счет индивидуальной малоэтажной застройки усадебного типа, наиболее полно соответствующей типу single family house, ставшему с середины XX века одной из важнейших характеристик субурбанизма как образа жизни (Fawa 1956: 35). Так, по данным Иркутскстата, в 2019 г. доля индивидуальных домов в общей площади введенного в эксплуатацию жилья в Иркутском районе составила 83,9% (148,3 тыс. кв. м). Лишь в двух пригородных муниципальных образованиях первого уровня ведется строительство малоэтажных микрорайонов, примыкающих непосредственно к черте города, что можно отнести к процессу разрастания города (urban sprawl). Однако и здесь строительство микрорайонов сочетается с формированием коттеджных поселков и активной перестройкой горожанами индивидуальных домов усадебного типа. Это позволяет предполагать, что рост пригородов Иркутска в основном происходит по модели

глобального Севера, связанной с формированием субурбий за счет притока городских мигрантов и на основе городского образа жизни, что существенно отличается от модели роста пригородов глобального Юга (Harris 2015), где субурбанизм преимущественно строится на базе выходцев из сельской местности и сельских практик.

Интенсивный приток мигрантов приводит к заметным изменениям структуры населения пригородов по сравнению с областью в целом. Отсутствие данных о возрастной структуре миграции по потокам в пределах пригородного района не позволяет оценить долю возрастных групп в притоке в пригород из регионального центра. Однако анализ миграционных контингентов в половозрастной структуре пригородного района все же позволяет увидеть влияние миграции. Как видно на рисунке 2, в пригородной зоне высокими темпами растет численность жителей молодых и средних возрастов: численность жителей в возрасте 30-34, 35-39 и 40-44 лет с 01.01.2012 по 01.01.2020 г. выросла на 181, 183 и 193% соответственно. По Иркутской области численность данных возрастных групп за этот период выросла лишь на 108, 108 и 113%. Закономерным образом значительно быстрее в пригороде растет и число детей: численность жителей пригорода в возрасте 0-15 лет за этот же период увеличилось на 167%, тогда как по области в целом – лишь на 112%. Рост численности населения в старших возрастных группах в пригородном районе также опережал темпы роста соответствующих возрастных групп по области в целом. Число жителей в возрасте 60 лет и старше выросло за 2012-2019 гг. на 192%, тогда как по области в целом – на 121%.

Рисунок 2. Половозрастная пирамида населения Иркутского муниципального района, на 01.01.2012 и 01.01.2020

Источник: По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).

О влиянии миграции можно говорить достаточно определенно, поскольку численность и доля данных групп в структуре населения района в 2020 г. заметно выше, чем соответствующих им возрастных групп в 2012 г. Например, численность группы «30 лет» в 2020 г. на треть выше соответствующей ей группы «22 года» в 2012 г.: 2769 и 1920 человек соответственно. При этом численность группы «22 года» могла быть несколько занижена за счет студентов вузов, фактически находившихся в городах по месту учебы, но сохранивших регистрацию по месту жительства в пригородных населенных пунктах (Мкртчян 2012). В наиболее старших возрастных группах (70+) миграционный прирост полностью компенсировал смертность, поскольку численность соответствующих возрастных групп к началу 2020 г. не только не сократилась, но и выросла.

Несмотря на заметно более высокие темпы роста численности старших возрастных групп в пригороде, чем по области в целом, уровень и темпы старения населения здесь заметно ниже. Доля жителей старше 60 лет в Иркутском районе за 2012-2019 г. выросла с 14 до 17%, тогда как по региону в целом – с 16 до 20%. Менее заметны различия в группе старше 85 лет, удельный вес которой в пригороде вырос с 0,6 до 1,0%, тогда как по области – с 0,7% до 1,0%.

В целом можно заключить, что миграционный прирост, в котором доминирует миграция из областного центра в сельские поселения, существенно трансформировал возрастную структуру населения Иркутского района. Значительный рост численности и удельного веса младших и средних возрастных групп, замедление темпов старения по сравнению с регионом в целом стали, безусловно, благоприятными факторами в изменении смертности в пригороде. Отсутствие данных о половозрастной структуре в разрезе сельских и городских поселений не позволяет корректно сравнить структурные изменения в ареале пригородного роста и удаленных территорий. Однако, учитывая отрицательный миграционный баланс удаленных территорий с региональным центром, можно предполагать, что рассмотренные структурные изменения под воздействием миграции в пригородном районе происходят в ареале субурбанизационного роста.

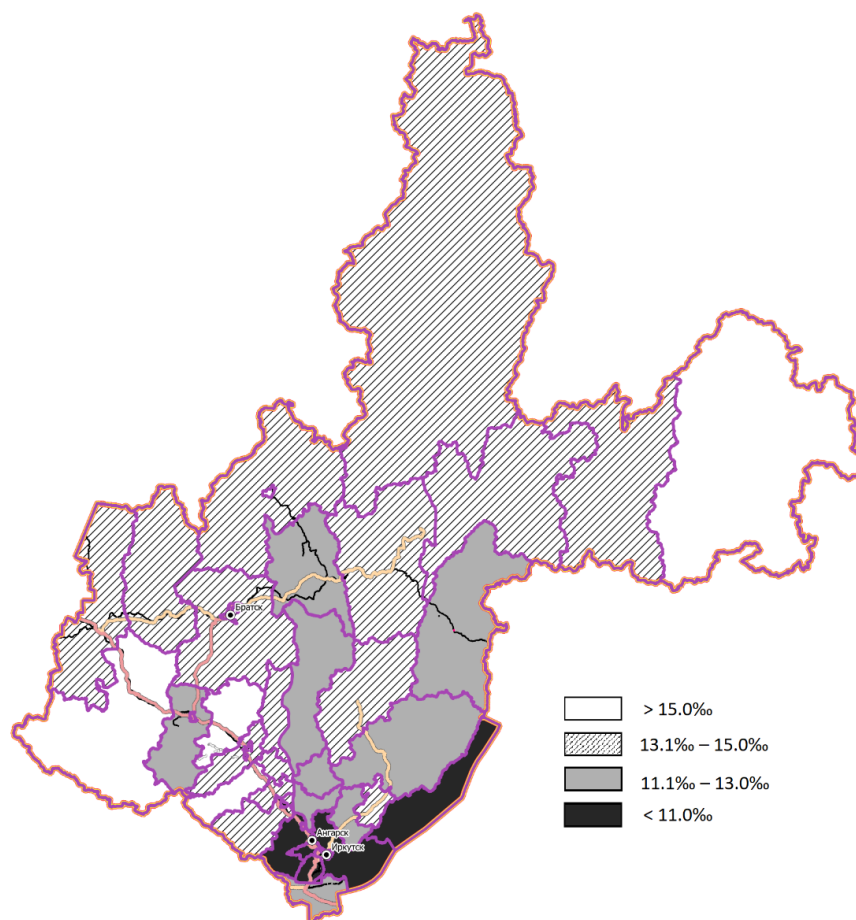
Доминирование субурбанизационной миграции, обуславливающей быстрый рост молодых и средних возрастных групп, позволяет предположить, что прибывающее в пригородную зону население приносит с собой городские и достаточно современные поведенческие практики сберегающие здоровье. С другой стороны, субурбанизм как образ жизни предполагает снижение плотности социальных интеракций, в том числе и за счет резкого падения значения общественного транспорта. Представляется, что эти факторы также не могут не сказаться на специфике смертности в пригороде.

Специфика структуры смертности в субурбии Иркутска

Уровень смертности в Иркутской области с середины 2000-х годов устойчиво снижался: общий коэффициент смертности с максимального значения 2005 г. (17,0‰) к 2017 г. снизился на четверть и стабилизировался на уровне 12,9-13,2‰. Стандартизованный по возрасту коэффициент смертности от всех причин (СКС) в 2013-2019 гг. также демонстрировал снижение с 12,6 до 11,4‰ для городского населения области и с 14,4 до 12,5‰ для сельского, что отражает реальное снижение смертности, независимое от изменения (омоложения) возрастной структуры населения региона. Заметно выросло значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении: с 65,26 года в 2010 г. до 69,55 года в 2019 г. (оба пола все население).

Общий уровень смертности пригородного населения существенно отличается как от городского, так и сельского. Распределение муниципальных районов области по значению СКС для обоих полов в 2019 г. (рисунок 3) позволяет говорить о заметных отличиях пригородного района и прилегающих муниципальных образований, вовлеченных в процессы субурбанизации. Здесь общий уровень смертности (стандартизованный показатель менее 11,0‰) ниже, чем в 80% муниципальных образований области. При этом минимальный показатель (8,1‰) приходится именно на Иркутский район, где наиболее интенсивно протекают субурбанизационные процессы.

Рисунок 3. Распределение муниципальных районов Иркутской области по стандартизованному коэффициенту смертности от всех причин, 2019, ‰

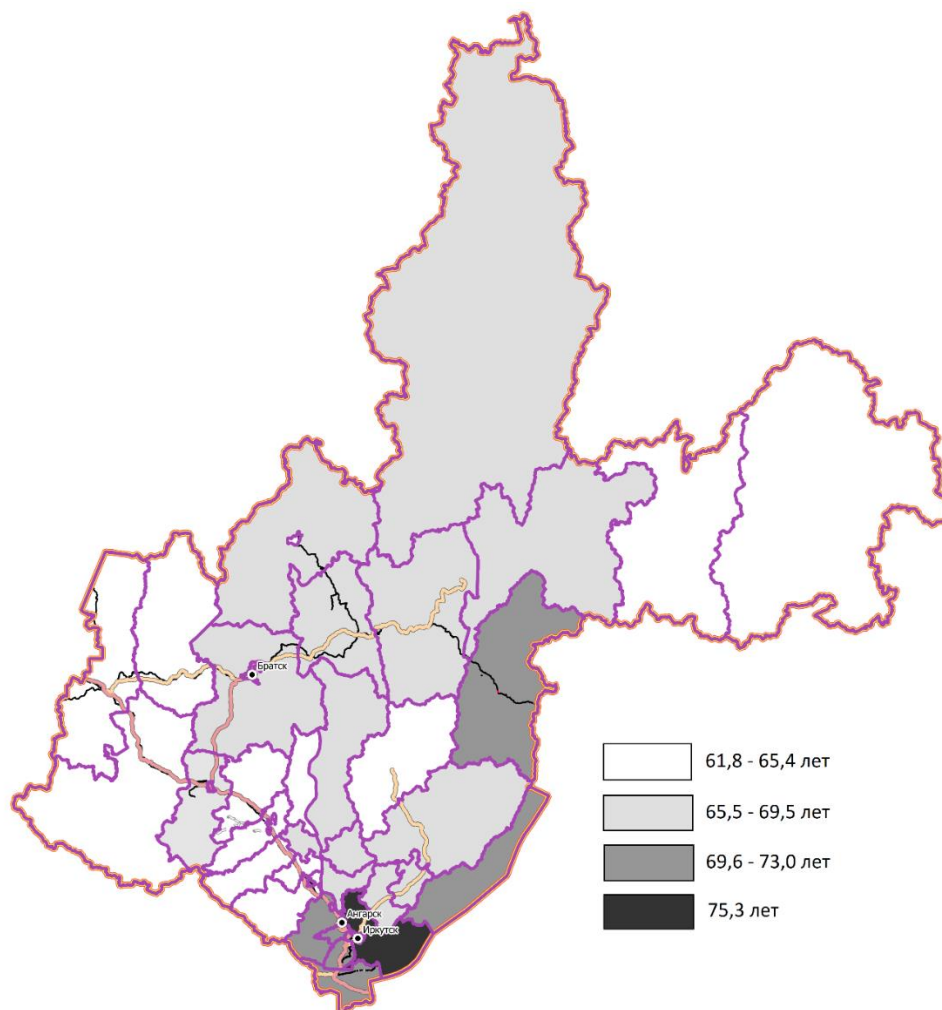

Источник: По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).

Схожее распределение муниципальных образований обнаруживается и по ожидаемой продолжительности жизни при рождении (рисунок 4), которая при всех ограничениях (Андреев 2021) в меньшей мере зависит от структурных изменений. Наиболее высока она именно в прилегающем к региональной столице районе (75,3 года) и соседних муниципальных образованиях, также включенных в субурбанизационные процессы. Исключением выглядят два муниципальных образования, не входящих в Иркутскую агломерацию – Ольхонский и Казачинско-Ленский. Безусловно, эти районы никак не включены в субурбанизацию в силу их удаленности от городских центров. Вероятно, однако, что относительно высокая продолжительность жизни здесь также

связана с притоком населения, ориентированного на более здоровый образ жизни: в первом случае за счет рекреационной миграции (здесь расположен наиболее динамично развивающийся туристско-рекреационный кластер региона), во втором – за счет притока относительно молодого населения на объекты осваиваемого Ковыктинского газоконденсатного месторождения.

Рисунок 4. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении по муниципальным образованиям Иркутской области, оба пола, 2019

Источник: По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).

Важно отметить, что значения ожидаемой продолжительности жизни для пригородного района заметно выше, чем в региональном центре г. Иркутске (75,3 и 72,64 года в 2019 г. соответственно). Динамика повышения этого показателя в доковидный период в пригороде также несколько выше, чем в региональной столице: +3,43 года для пригородного района и +2,87 для г. Иркутска за 2012-2019 гг. Это показывает, что субурбанизированная зона несколько выпадает из существенного и растущего центр-периферийного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни, зафиксированного для Байкальского макрорегиона (Щур, Тимонин 2020: 115). Близость к региональной столице все же не позволяет относить пригородный район к «центру» региона уже в силу его масштабности (часть населенных пунктов района находится на расстоянии до 130 км от

регионального центра, а субурбанизированная зона простирается на расстояние более 40 км) и несопоставимой с областной столицей плотности социальной и медицинской инфраструктуры. Последняя наиболее значима в ситуациях оказания неотложной медицинской помощи, обеспечивающейся учреждениями здравоохранения района. Не подвергая сомнению общий тезис о центр-периферийных различиях в ожидаемой продолжительности жизни, специфика смертности в субурбии, скорее, может свидетельствовать о формировании качественно новой ситуации, для описания которой устоявшаяся село-городская дихотомия уже не релевантна.

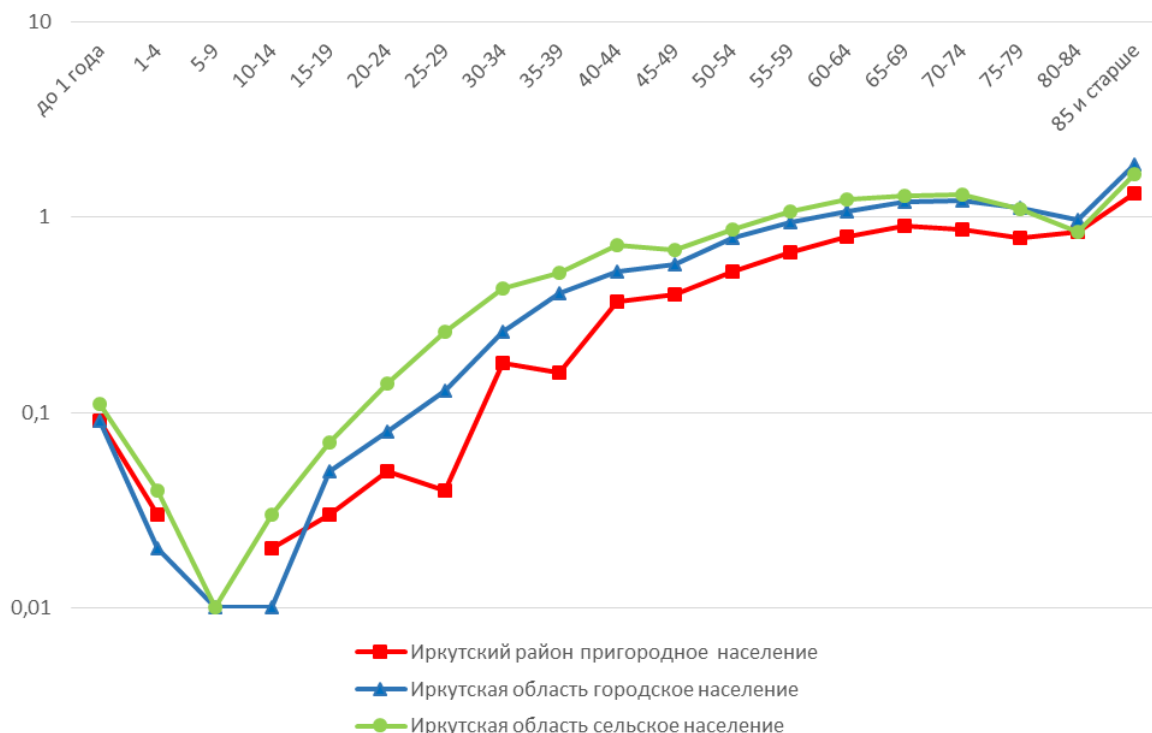
Важно подчеркнуть, что заметно более высокая продолжительность жизни фиксируется в пригородах только регионального центра, тогда как в пригородных районах других крупных (Братск) и средних (Усть-Илимск, Усть-Кут, Усолье-Сибирское) городов региона заметных отличий от общерегиональных значений не наблюдается. Это коррелирует и с динамикой численности населения: в отличие от пристольного Иркутского района население прилегающих к этим городам районов в последние десятилетия заметно не росло, что позволяет говорить об отсутствии здесь заметных субурбанизационных процессов.

Таким образом, о специфике смертности можно говорить в основном применительно к субурбанизированной зоне региональной столицы. С одной стороны, это связано, вероятно, с масштабами субурбанизации: для Иркутской агломерации рост пригородов значительно более существенен, что характерно для региональных столиц в целом (Карачурина, Мкртчян 2021). С другой стороны, выявленные отличия, возможно, связаны с более высокой динамикой демографической модернизации и эпидемиологического перехода, который в столичном населении протекает быстрее. В пользу этого предположения говорит и специфика структуры смертности в пригородном районе Иркутска.

Сопоставление возрастных коэффициентов смертности (рисунок 5) показывает, что уровень смертности во всех возрастах в пригороде заметно ниже, чем в целом по региону как в сельской, так и в городской местности. Исключение составляет лишь младенческая, детская и подростковая (до 14 лет) смертность, которая в пригородных поселениях несколько выше, чем в городах. Вероятно, причиной этого является худшая обеспеченность медицинской инфраструктурой субурбанизированных территорий. В этом смысле вполне благополучные пригороды Иркутска, формирующиеся в основном за счет миграции средне- и высокообеспеченных жителей, парадоксальным образом оказываются ближе к бедным субурбиям городов США, где именно бедность и ограниченность доступа к медицинским услугам стимулирует высокую младенческую смертность (Francis et al. 2009). Косвенно это подтверждает стремление жителей пригородов сохранить регистрацию части членов семьи в областном центре для обеспечения доступа именно к социальной и медицинской инфраструктуре для детей (Григоричев 2013).

В остальных возрастах уровень смертности в пригороде заметно ниже, чем по региону в целом. При этом наиболее заметен разрыв в молодых возрастах (15-39 лет), где возрастные коэффициенты смертности пригородного населения ниже в 1,5-3,4 раза, чем городского населения региона, и в 2,3-6,6 раза ниже, чем сельского.

Рисунок 5. Возрастные коэффициенты смертности населения Иркутской области, оба пола, 2019, логарифмическая шкала

Источник: По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).

В целом, на наш взгляд, можно говорить о более современном возрастном профиле смертности в пригородной зоне, чем по Иркутской области в целом: кривая смертности здесь в средних и старших возрастах растет заметно более полого. Лишь в самых старших возрастах (старше 75 лет) возрастные коэффициенты смертности пригородного населения начинают стремительно подниматься. Можно предполагать, что прибывающее в субурбию население молодых и средних возрастов ориентировано на специфический пригородный образ жизни (Hirt 2012; Walks 2013), который имеет существенные отличия как от сельского, так и городского.

Существенная специфика наблюдается в пригородном населении и по структуре причин смертности. В субурбии Иркутска сохраняется ведущее значение тех же причин смерти, что и области в целом: «Болезни системы кровообращения», «Новообразования», «Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов». Однако уровень связанной этими причинами смертности здесь заметно ниже (таблица 1): в расчете на 100 тыс. жителей (стандартизованные показатели) в пригородном районе смертность по указанным причинам ниже, чем в городе, на 33,8, 18,2 и 18,9% соответственно, и на 45,7, 16,7 и 48,8% ниже, чем в сельской местности. По остальным причинам уровень смертности в пригороде также заметно ниже.

Таблица 1. Стандартизованные коэффициенты смертности по основным причинам смерти, оба пола, 2015 и 2019, на 100 тыс. чел.

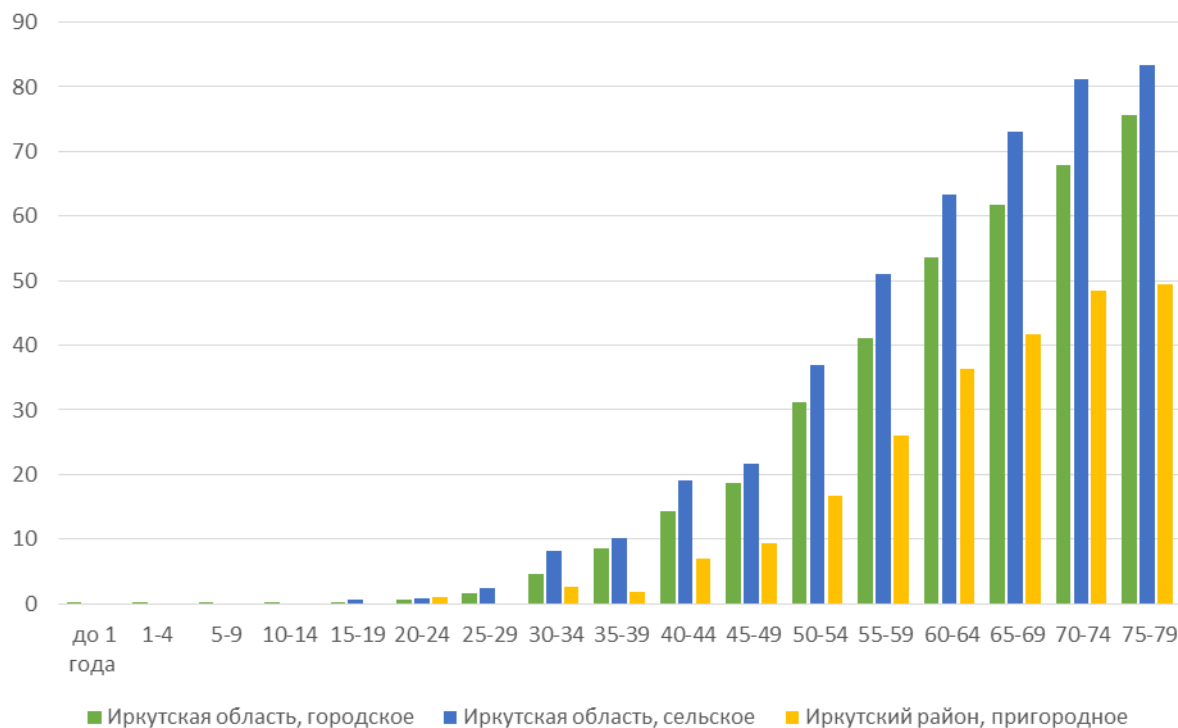
Причина смерти	2015			2019		
	Иркутская область, городское население*	Иркутская область, сельское население*	Иркутский район, пригородное население	Иркутская область, городское население*	Иркутская область, сельское население*	Иркутский район, пригородное население
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	66,40	69,42	57,56	59,52	72,58	39,42
Новообразования	192,10	183,37	172,23	191,61	188,17	156,66
Болезни системы кровообращения	613,61	697,26	467,17	570,40	651,21	367,73
Болезни органов дыхания	47,40	74,65	41,98	34,91	45,63	29,76
Болезни органов пищеварения	78,91	87,26	51,00	52,28	52,81	39,15
Отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде	4,38	4,50	6,71	3,76	4,51	2,33
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов	141,11	222,96	116,87	120,89	191,68	98,08
ДТП	13,61	24,59	16,80	10,45	19,02	1,23
Заболевания, связанные со злоупотреблением алкоголем	0,48	0,42	0,96	0,43	0,38	0,00
Число смертей	25 573	6339	991	24385	6 028	1 140

Примечание: * – Без учета Иркутского района.

В целом более позитивной в пригороде выглядит и динамика изменений смертности по этим причинам. Так, уровень смертности в результате болезней системы кровообращения снизился в пригороде на 21,3%, тогда как в городской местности она снизилась лишь на 7,2%, а в сельской местности, напротив, выросла на 38,6%. Если в городском населении смертность от злокачественных новообразований практически не изменилась, а в сельском населении выросла на 2,6%, то в пригородном районе она сократилась на 9%. Важно подчеркнуть, что такая динамика фиксируется на фоне роста общего числа смертей в пригороде на 15% за 2015-2019 гг., тогда как по области в целом оно сократилось на 4,1%.

Возрастное распределение уровня смертности по выделенным группам причин смерти также демонстрирует заметные отличия пригорода. Наиболее заметное из них – значительно более низкий уровень смертности в молодых трудоспособных возрастах (20-45 лет). Здесь по всем причинам смерти, за исключением злокачественных образований, уровень смертности (на 100 тыс. чел.) в пригороде в 1,5-5 раз ниже, чем по остальным территориям области. Пожалуй, наиболее рельефно это проявляется для ведущей причины смерти – болезней системы кровообращения (рисунок 6), уровень смертности от которых в пригороде заметно ниже, особенно по сравнению с сельским населением. Сопоставление возрастных коэффициентов смертности по данной причине за 2015 и 2019 г. показывает, что максимальное снижение их значений произошло в возрастной группе 20-39 лет – на 23-51%.

Рисунок 6. Возрастные коэффициенты смертности от болезней системы кровообращения, оба пола, 2019, на 100 тыс. жит.

Источник: По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат).

Представляется, что благоприятное воздействие миграции в пригород не исчерпывается ее достаточно молодой возрастной структурой. Поскольку в случае Иркутска основную часть притока в пригород формируют выходцы из регионального центра, можно предполагать, что большая часть из них родились в городе или, по крайней мере, имеют длительный опыт жизни в городе, что предполагает более или менее устойчивую рецепцию урбанизма как образа жизни, «городского габитуса» (Бократ 2018). Как показали М. Карцева и П. Кузнецова, рождение в городе значительно повышает вероятность наличия высшего образования, которое в свою очередь связано с ответственным отношением к собственному здоровью, а также вероятность более активных самосохранительных практик, в том числе занятий физкультурой (Карцева, Кузнецова 2021: 83).

Это хорошо коррелирует с выявленными ранее (Григоричев 2013) наиболее часто артикулируемыми мотивами переезда в пригород: более благоприятная экологическая ситуация, меньший уровень криминогенности и распространения социальных девиаций. Такая мотивация косвенно указывает на ориентацию на более здоровый образ жизни, что, вероятно, может объяснять выделенные различия. Это предположение косвенно подтверждается и быстрым снижением уровня смертности от причин, связанных с употреблением алкоголя («Острая интоксикация алкоголем», «Пагубное употребление алкоголя», «Синдром зависимости, вызванный употреблением алкоголя (хронический алкоголизм)», «Другие и неуточненные психические расстройства поведения, обусловленные употреблением алкоголя», «Алкогольные психозы, энцефалопатия, слабоумие»), в пригороде фактически до нулевого уровня. В 2019 г. в пригородном районе не было зарегистрировано ни одного случая смерти по этим причинам.

Важным аспектом такой специфики пригорода является и заметно меньшая острота проблемы мужской сверхсмертности в молодых трудоспособных возрастах (20-45 лет). Если в целом по области уровень смертности мужчин в этих возрастных группах превышает смертность среди женщин в городской местности в 2,1-2,7 раза, а в сельской – в 2,5-3,3 раза, то пригородном районе этот показатель составляет от 1 до 2,4 раза. При этом в молодежных группах (20-24 года и 25-29 лет) сверхсмертность мужчин в пригороде ниже, чем по городским поселениям региона на 45-55% и на 40-70%, чем по сельским. Более низкий уровень мужской сверхсмертности здесь также косвенно свидетельствует о более широких практиках самосохранительного поведения и рефлексивного отношения к здоровью.

Выводы

Полученные результаты, на наш взгляд, позволяют говорить о том, что в пригородной зоне проблема высокого уровня смертности, характерная как для региона, так и для России в целом (Захаров 2022: 191-271), заметно смягчена. Структурный фактор, безусловно, в некоторой мере детерминирует более низкие темпы роста числа смертей по сравнению с ростом численности населения. Однако значение этого фактора в случае пригородной зоны Иркутска нельзя преувеличивать. Доля пожилого (старше 65 лет) населения в субурбии составляет чуть менее 11,6%, тогда как по области в целом – 13,5%. При очевидных различиях доля пожилого населения в пригороде все же остается достаточно высокой, что должно определять и значительное число смертей. Кроме того, как показывают исследования на материалах пригородов Кракова как крупного нестоличного постсоциалистического города, влияние субурбанизации на процессы старения населения, по крайней мере, не однозначно. Интенсивные миграционные процессы не означают автоматического замедления старения населения (Kurek, Wójtowicz, Gałka 2017: 60) и могут способствовать заметной дифференциации пригородов по возрастной структуре в зависимости от привлекательности для разных групп мигрантов (Gałka, Kurek, Wójtowicz 2015).

На наш взгляд, значительно более важным является появление иных факторов в формировании специфики смертности. Важнейшие изменения здесь связаны со снижением смертности (по СКС) в молодых возрастах в целом и мужской сверхсмертности в частности, а также значительно более низким уровнем смертности от предотвратимых причин. В более широком смысле это позволяет предположить, что субурбанизация и распространение пригородного образа жизни стимулируют ускоренную модернизацию смертности, архаичность которой в России фиксируется исследователями довольно давно (Вишневский 2006).

Можно утверждать, что формирующийся в пригородной зоне режим воспроизводства населения связан не только с заметно более высоким уровнем рождаемости (Григоричев 2023), но и более низкой смертностью. Это в свою очередь позволяет предложить гипотезу о формировании выраженной специфики демографических процессов в субурбанизированной зоне, отличающихся от общероссийской динамики эпидемиологического перехода. Интенсивное формирование столь заметной специфики позволяет говорить о более высокой динамике и заметных отличиях субурбанизационного процесса в России от других постсоциалистических стран, по крайней мере, в его демографическом проявлении.

Литература

- Андреев Е.М. (2021). Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? *Демографическое обозрение*, 8(2), 6-26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780>
- Антонов Е.В., Махрова А.Г. (2019). Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационного уровня в России. *Известия РАН. Серия географическая*. 2019. 4, 31-45. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>
- Бократ Ф. (2018). Городской габитус и габитус города. В *Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике* (сс. 67-100). Москва: Новое литературное обозрение.
- Бреславский А.С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН
- Бреславский А.С. (2022). Кризис урбанизации в Магаданской области (конец 1980-х - 2010-е гг.): динамика структурных и демографических показателей. *Oriental Studies*. 15(6), 1227-1243. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1227-1243>
- Бреславский А.С. (Ред.) (2017). *Что мы знаем о современных российских пригородах?* Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН
- Бреславский А.С. (Ред.) (2019). «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С., Буртонова В.Н. (2019). Демографические параметры урбанизации в республиках на востоке России. *Региональная Россия: история и современность. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции*. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России: 1900-2000*. Москва: Новое издательство.
- Григоричев К.В. (2013). В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев К.В. (2016). Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска). *Городские исследования и практики*. 2(3), 7-23. <https://doi.org/10.17323/usp1220167-23>
- Григоричев К.В. (2017). Субрегиональные миграции и формирование пригородов сибирского города. *Мир Большого Алтая*, 3(1), 31-42.
- Григоричев К.В. (2018). Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда. В. Бреславский А.С. (Ред.), *Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития* (сс. 175-189). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН
- Григоричев К.В. (2023). Специфика воспроизводства населения в субурбанизированной зоне (на примере Иркутской агломерации) *Социологические исследования*. 1, 38-51 <https://doi.org/10.31857/S013216250021230-6>

- Дохов Р.А., Сеницын Н.А. (2020). Спрол в России: рост и структурная трансформация пригородов Белгорода. *Известия РАН. Серия географическая*, 2, 191-206. <https://doi.org/10.31857/S2587556620020053>
- Захаров С.В. (Ред.) (2022). Население России 2019: Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад. Москва: НИУ ВШЭ.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2021). Внутрирегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 85(1), 24-38. <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>
- Карцева М., Кузнецова П. (2021). В ответе ли мы за свое здоровье? Неравенство возможностей в здоровье взрослого населения России. *Демографическое обозрение*, 8(2), 74-94. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12783>
- Мкртчян Н.В. (2004). «Западный дрейф» внутривосточной миграции. *Отечественные записки*, 4, 94-104.
- Мкртчян Н.В. (2012). Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых. В М.Б. Денисенко (Ред.), *Демографические аспекты социально-экономического развития*. Серия: Демографические исследования. Вып. 22. (с. 197-214). М.: МАКС Пресс.
- Мкртчян Н.В. (2018). Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса. *Известия РАН. Серия географическая*, 6, 26–38. <https://doi.org/10.1134/S2587556618060110>
- Мкртчян Н.В. (2017). Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс. В Бреславский А.С. (Ред.), *Что мы знаем о современных российских пригородах?* (с. 26–36). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Щур А., Тимонин С. (2020). Центр-периферийные различия продолжительности жизни в России: региональный анализ. *Демографическое обозрение*, 7(3), 108-133. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11638>
- Aiura H., Sato Y. (2014). A model of urban demography. *Canadian Journal of Economics*, 47(3), 981-1009. <https://doi.org/10.1111/caje.12096>
- Eggerickx T. (2013). Transition Démographique et banlieue en Belgique : le cas de Bruxelles. *Annales de Demographie Historique*, 126(2), 51-80. <https://doi.org/10.3917/adh.126.0051>
- Fawa S. (1956). Suburbanism as a way of life. *American Sociological Review*, 21(1), 34-37.
- Fishman R. (1987). *Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia*. Basic Books.
- Francis L.E., Berger C.S., Giardini M., Steinman C., Karina K. (2009). Pregnant and poor in the suburb: the experiences of economically disadvantaged women of color with prenatal services in a wealthy suburban county. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 36(3), 133-157.
- Gałka J., Kurek S., Wójtowicz M. (2015). Zmiany zaludnienia oraz struktur demograficznych mieszkańców Krakowa na tle Krakowskiego Obszaru Metropolitalnego w okresie transformacji. https://www.researchgate.net/publication/284365185_Zmiany_zaludnienia_oraz_struktur

[demograficznych_mieszkancow_Krakowa_na_tle_Krakowskiego_Obszaru_Metropolitalnego_w_okresie_transformacji](#)

- Harris R. (2015). Suburbanization and Suburbanism. In James D. Wright (Ed.), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol 23 (pp. 660-666). Oxford: Elsevier.
- Hirt S. (2012). *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Willey-Blackwell.
- Jackson K.T. (1985). *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. Oxford University Press.
- Keil R. (2018). *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside In*. Cambridge: Polity Press.
- Kulu H., Boyle P.J., Andersson G. (2009). High suburban fertility: Evidence from four Northern European countries. *Demographic Research*, 21(31), 915-944.
<https://doi.org/10.4054/DemRes.2009.21.31>
- Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. (2015). The changing role of migration and natural increase in suburban population growth: The case of a non-capital post-socialist city (The Krakow Metropolitan Area, Poland). *Moravian Geographical Reports*, 23(4), 59-71.
<https://doi.org/10.1515/mgr-2015-0025>
- Kurek S., Wójtowicz M., Gałka J. (2017). Does suburbanisation contribute to the rejuvenation of a metropolitan area? Changes in the age structure of the Kraków metropolitan area in Poland in the light of recent suburbanization. *Geographia Polonica*, 90(2), 59-70.
<https://doi.org/10.7163/GPol.0085>
- Seligman A.I. (2004). The New Suburban History. *Journal of Planning History*, 3(4), 312–331.
- Serebrennikov E.N. (2018). Expansion features of Irkutsk suburban areas' development. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 190 012063. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/190/1/012063>
- Vorobyev N.V., Vorobyev A.N. (2021). Assessment and mapping of demographic potential of urbanized territories of the Baikal-Mongol region. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 885 012028. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/885/1/012028>
- Walks A. (2013). Suburbanism as a Way of Life, Slight Return. *Urban Studies*, 50(8), 1471–1488.
<https://doi.org/10.1177/0042098012462610>

Приложения

Таблица П1-1. Возрастные коэффициенты смертности от всех причин по муниципальным районам Иркутской области, оба пола, 2019

Возраст	Балаганский	Бодайбинский	Ангарский ГО	Братский	Жигаловский	Заларинский	Зиминский	Иркутский	Казачинско-Ленский	Катангский	Качугский	Киренский	Куйтунский	Мамско-Чуйский	Нижеилымский	Нижеудинский	Ольхонский	Слюдянский
0	0,00	0,17	0,11	0,00	0,26	0,18	0,29	0,09	0,00	0,00	0,13	0,06	0,20	0,00	0,08	0,13	0,13	0,04
1–4	0,12	0,00	0,00	0,00	0,00	0,06	0,09	0,03	0,00	0,35	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,03
5–9	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,08	0,00	0,00	0,05	0,28	0,00	0,00	0,05	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
10–14	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03	0,08	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,04	0,09	0,00
15–19	0,00	0,06	0,25	0,05	0,00	0,07	0,09	0,03	0,07	0,00	0,06	0,00	0,04	0,29	0,19	0,02	0,00	0,03
20–24	0,15	0,30	0,12	0,12	0,00	0,26	0,45	0,05	0,08	0,00	0,00	0,00	0,16	0,00	0,28	0,21	0,00	0,12
25–29	0,55	0,45	0,11	0,36	0,45	0,48	0,47	0,04	0,00	0,00	0,10	0,10	0,63	0,57	0,17	0,71	0,18	0,20
30–34	0,45	0,23	0,38	0,48	0,65	0,59	0,55	0,18	0,28	0,74	0,53	0,35	0,66	0,42	0,32	0,64	0,17	0,21
35–39	1,24	0,40	0,68	0,52	0,92	0,71	0,45	0,16	0,50	0,33	0,67	0,29	0,87	0,33	0,49	1,00	0,27	0,57
40–44	0,52	0,71	1,11	0,61	0,68	0,51	0,57	0,37	0,70	0,89	0,58	0,29	0,69	1,60	0,87	0,87	0,59	0,71
45–49	0,56	0,66	0,52	0,70	0,59	0,92	0,86	0,40	0,59	1,69	0,74	0,65	0,97	0,90	0,70	0,82	0,47	0,75
50–54	0,76	1,20	0,43	0,70	1,06	1,24	0,99	0,53	0,54	0,37	1,00	1,39	1,46	1,31	0,87	1,26	0,36	0,64
55–59	1,17	1,78	0,75	1,30	1,14	1,11	1,52	0,66	0,94	0,22	1,10	1,38	1,27	1,06	1,28	1,29	1,12	0,91
60–64	1,70	1,57	0,81	1,22	1,58	1,88	1,44	0,80	1,30	0,90	1,46	0,84	1,83	1,33	1,34	1,62	0,73	1,12
65–69	1,19	1,79	0,96	1,43	1,07	1,97	1,50	0,90	1,49	2,20	1,24	1,51	1,82	1,36	1,27	1,72	0,88	1,37
70–74	1,79	1,01	0,55	1,77	1,98	1,96	1,21	0,87	1,20	2,70	1,18	1,45	1,95	1,48	1,17	1,48	0,63	1,03
75–79	0,68	2,88	0,70	1,16	1,33	2,12	1,18	0,85	1,18	2,16	1,09	1,49	1,38	1,25	1,18	1,64	1,43	0,96
80–84	1,13	1,05	0,44	0,95	1,09	1,04	0,59	0,79	0,82	0,98	0,94	1,42	1,19	1,32	0,78	1,05	0,86	0,90
85+	2,02	1,20	1,81	2,14	1,80	1,98	2,08	1,32	1,61	0,49	1,56	1,95	2,27	1,54	1,74	2,41	1,34	1,78
СКС	14,04	15,47	9,73	13,53	14,61	17,21	14,41	8,09	11,35	14,30	12,38	13,17	17,44	14,75	12,74	16,90	9,23	11,37

Таблица П1-2. Возрастные коэффициенты смертности от всех причин по муниципальным районам Иркутской области, оба пола, 2019

Возраст	Тайшетский	Тулунский	Усольский	Усть-Илимский	Усть-Кутский	Усть-Удинский	Черемховский	Чунский	Шелеховский	Иркутск	Братск	Аларский	Баяндаевский	Боханский	Нукутский	Осинский	Эхирит-Булагатский
0	0,14	0,24	0,12	0,00	0,06	0,07	0,18	0,05	0,04	0,09	0,06	0,21	0,08	0,07	0,06	0,08	0,09
1–4	0,02	0,00	0,16	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,05	0,02	0,04	0,17	0,00	0,11	0,00	0,00	0,00
5–9	0,02	0,00	0,00	0,00	0,02	0,00	0,05	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,14	0,00	0,04	0,00	0,02
10–14	0,01	0,00	0,00	0,08	0,02	0,06	0,00	0,03	0,02	0,02	0,01	0,05	0,15	0,00	0,05	0,00	0,03
15–19	0,07	0,04	0,03	0,08	0,10	0,00	0,04	0,03	0,06	0,04	0,03	0,16	0,10	0,00	0,07	0,05	0,15
20–24	0,17	0,13	0,14	0,00	0,12	0,08	0,09	0,04	0,06	0,04	0,09	0,20	0,20	0,08	0,20	0,14	0,15
25–29	0,32	0,69	0,13	0,39	0,26	0,40	0,30	0,39	0,18	0,07	0,15	0,31	0,74	0,23	0,29	0,29	0,11
30–34	0,58	0,44	0,21	0,73	0,37	0,30	0,62	0,79	0,24	0,17	0,25	0,33	0,48	0,27	0,80	0,37	0,38
35–39	0,63	0,72	0,49	0,34	0,57	0,44	0,59	0,71	0,40	0,30	0,46	0,66	0,43	0,54	0,42	0,64	0,67
40–44	0,76	0,46	0,60	1,01	0,97	0,85	0,87	1,03	0,48	0,38	0,57	0,44	0,50	0,82	0,58	0,57	0,56
45–49	0,90	0,48	0,46	0,95	0,65	0,91	0,92	1,04	0,29	0,45	0,62	1,02	0,23	0,69	0,60	0,46	0,74
50–54	1,14	0,89	0,62	0,91	1,10	0,87	1,35	1,07	0,67	0,65	0,70	0,68	0,97	0,53	0,91	1,03	0,50
55–59	1,34	1,12	0,95	1,41	1,00	0,70	0,75	1,27	0,83	0,73	0,90	1,13	1,04	1,00	1,07	0,64	0,88
60–64	1,25	1,50	1,00	1,45	1,09	0,98	1,55	1,14	1,16	0,94	1,01	1,24	0,98	1,45	1,05	1,37	1,12
65–69	1,68	0,80	0,98	1,21	1,55	1,16	1,20	1,70	1,05	1,04	1,16	1,64	1,52	1,23	0,87	1,10	1,33
70–74	1,26	1,64	1,08	0,96	1,59	1,14	1,19	1,32	0,99	1,18	1,19	1,88	1,36	1,33	1,52	1,72	1,62
75–79	1,54	1,47	1,06	1,41	1,40	0,94	1,42	1,70	1,01	1,13	1,09	1,51	0,95	0,93	1,91	1,44	1,49
80–84	0,96	1,05	0,75	0,85	1,16	1,07	1,10	0,95	0,86	0,85	0,88	0,72	0,62	0,74	0,87	0,71	1,17
85+	2,13	1,18	1,27	1,35	2,25	1,91	2,03	1,55	2,26	1,81	5,67	2,05	2,65	1,46	2,02	1,58	1,76
СКС	14,92	12,84	10,04	13,12	14,28	11,89	14,25	14,83	10,65	9,90	14,87	14,41	13,14	11,47	13,32	12,17	12,76

Таблица П2-1. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении по муниципальным районам Иркутской области, оба пола, лет

Год	Балаганский	Бодайбинский	Ангарский ГО	Братский	Жигаловский	Заларинский	Зиминский	Иркутский	Казачинско-Ленский	Катангский	Качугский	Киренский	Куйтунский	Мамско-Чуйский	Нижнеилимский	Нижнеудинский	Ольхонский	Слюдянский
2013	63,7	65,0	67,5	60,3	66,0	60,7	62,8	71,9	65,9	61,9	64,4	63,8	60,1	60,0	63,4	60,2	71,3	65,1
2019	65,5	64,7	70,6	67,4	64,7	62,3	63,7	75,3	70,3	66,0	67,8	69,1	61,8	64,5	67,2	62,1	73,0	69,7

Таблица П2-2. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении по муниципальным районам Иркутской области, оба пола, лет

Год	Тайшетский	Тулунский	Усольский	Усть-Илимский	Усть-Кутский	Усть-Удинский	Черемховский	Чунский	Шелеховский	Иркутск	Братск	Аларский	Баяндаевский	Боханский	Нукутский	Осинский	Эхирит-Булагатский
2013	63,6	66,5	65,2	67,0	64,0	60,1	62,1	62,0	69,8	69,8	68,8	64,9	64,7	65,1	64,0	65,3	65,6
2019	64,7	68,2	71,1	66,6	66,3	68,6	65,4	64,6	71,5	72,6	69,6	64,9	66,2	69,2	66,8	68,5	67,9

**К демографической и
социальной истории
Черноземья: данные
метрических книг и реестров
населения в контексте
исторических источников**

Влас Александрович Рязанов
(vlas.ryazanov@gmail.com), Институт
экономики РАН, Россия.

**On the demographic
and social history of the
Chernozem region: data of
parish registers and censuses
in the context of historical
sources**

Vlas Ryazanov
(vlas.ryazanov@gmail.com), Institute of
Economics of the Russian Academy
of Sciences, Russia.

Резюме: В статье автор рассматривает метрические книги и ревизские сказки черноземного села Снежеток за столетний период (1758-1862 гг.) в качестве объективного источника данных о социальной истории этой территории в XVIII-XIX веках. Они показывают сравнительно низкое формальное соблюдение как установлений Церкви (несоблюдение постов, высокая внебрачная рождаемость, наличие венерических заболеваний, случаи полигамии), так и гражданского законодательства (частые нарушения минимального брачного возраста), заметное откладывание женитьбы мужчинами при важности патрилинейного родства (давние и устойчивые фамилии), миграционную подвижность и практику сильного завышения возраста пожилых умерших. Данная картина в самой плодородной части Центральной России слабо соотносится с классическими чертами устойчивых земледельческих сообществ, но соответствует культурным реалиям, унаследованным от пионерного военного населения смешанного этнического происхождения, которые подтверждаются многочисленными историческими материалами. Автор рассчитывает демографический вес Черноземья в XVII-XXI веках и на основе его большой величины (40% населения Центральной России в XIX веке) ставит под сомнение утверждение о преимущественно земледельческом характере русского дореволюционного общества в целом. Рассмотрение демографической истории Черноземья до и после хронологических рамок массива метрических книг позволяет сделать вывод об «эффекте колеи» и сильной зависимости социально-экономической динамики от унаследованного культурного базиса.

Ключевые слова: Россия, историческая демография, Черноземье, метрические книги, XVIII век, XIX век, модернизация, социальная история.

Благодарности: Автор благодарит коллектив Института демографии им. А.Г. Вишневого ВШЭ, семинар которого стал основой для появления идеи статьи, анонимных рецензентов за ценные замечания и глубокое погружение в проблематику текста, Л.А. Кадилову за помощь в подготовке картографического материала.

Для цитирования: Рязанов В.А. (2023). К демографической и социальной истории Черноземья: данные метрических книг и реестров населения в контексте исторических источников. Демографическое обозрение, 10(3), 103-124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17972>

Abstract: In the article, the author uses the parish registers and tax censuses of the village of Snezhetsk, one of the parishes of the Chernozem region, over a hundred years (1758-1862) as an objective source of data on the social history of this territory in the 18th-19th centuries. They reveal relatively low formal compliance with both the Church's regulations (non-observance of fasts, high illegitimate birth rate, the presence of sexually transmitted diseases, cases of polygamy) and civil legislation (frequent violations of the minimum age of marriage), noticeable postponement of marriage by men despite the importance of patrilineal kinship (early and stable surnames), active migrations and the practice of strong inflation of the age of the elderly dead. This picture, in the part of Central Russia with the most fertile soil, correlates poorly with the classical patterns of established agricultural communities, but corresponds to the cultural realities inherited from the pioneer military population of mixed ethnic origin, which are confirmed by numerous historical sources. The author calculates the demographic weight of the Chernozem region in the 17th-21st centuries and, based on its enormous size (40% of the population of Central Russia in the 19th century), casts doubt on the general idea about the agricultural nature of the entire Russian pre-revolutionary society. Consideration of the demographic history of the Chernozem region before and after the chronological framework of

the array of parish registers allows us to make projections about the strong "path dependence" of socio-economic dynamics on the inherited cultural basis.

Keywords: *Russia, historical demography, Chernozem region, parish registers, eighteenth century, nineteenth century, modernization, social history.*

Acknowledgments: *The author thanks the team of the A.G. Vishnevsky Institute of Demography of the Higher School of Economics, whose seminar became the basis for the idea for the article, anonymous reviewers for valuable comments and deep immersion into the problems of the text, and L.A. Kadirova for assistance in preparing the cartographic material.*

For citation: *Ryazanov V. (2023). On the demographic and social history of the Chernozem region: data of parish registers and censuses in the context of historical sources. Demographic Review, 10(3), 103-124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17972>*

Введение

В декабре 2020 г. на семинаре Института демографии ВШЭ, где автор делал доклад об опыте анализа метрических книг трех приходов в дореформенной Российской империи¹, участники задали вопросы о том, какие же культурные причины могли скрываться за различием демографических показателей в разных частях страны. Близкий вопрос об историческом контексте эпохи задал и один из анонимных рецензентов последующей статьи с результатами исследования (Рязанов 2021).

В отличие от количественно измеримой демографии, история и культурология оперируют качественными категориями, и делать здесь какие-либо выводы – это в любом случае ступать на тонкий лед. Хороший пример уверенной ходьбы и даже скольжения по такому льду – вышедшая ровно четверть века назад книга основателя Института демографии ВШЭ и блестящего публициста А.Г. Вишневского «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР» (Вишневский 1998). В ней демографические изменения в XX веке рассматриваются в контексте культурного, политического и экономического транзита страны. Разные ветви гуманитарных исследований там пересекаются и перетекают друг в друга – они об одном, о людях. Как и положено фундаментальным трудам, книга вызвала живой обмен мнениями, который был опубликован и завершается высказыванием самого А.Г. Вишневского: *«Пока еще никто не показал, что можно двигаться в ином направлении, нежели от аграрного общества — к промышленно-городскому»* (Круглый стол 2002: 85). И сразу хочется ответить – можно! И не обязательно приводить примеры коллапса древних городских цивилизаций, достаточно посмотреть на недавний транзит многих стран с использующей дары природы экономикой к торгово-сервисной городской культуре, минуя как земледельческое, так и индустриальное общество. Монголия, Саудовская Аравия, Киргизия, Ливия и другие государства не возделывали из поколения в поколение пашню и не проводили многочасовые смены у станков. В иных культурах физический труд и земледелие – вообще презираемый удел низших каст, а высших достойны богообщение, военное дело и управление финансами и людьми.

Сравнение демографической и, шире, социальной истории разных частей Европейской России заставляет сомневаться в справедливости тезиса о земледельческом характере русского общества применительно к его, казалось бы, самой аграрной части – Черноземью. Потому что именно демографические черты находящегося там села Снежеток (с середины XIX века – Большой Снежеток, ныне Чаплыгинского района Липецкой области) вызывают наибольшие вопросы на предмет соответствия классическим схемам социокультурной динамики. В черноземной глубинке середины XVIII – середины XIX веков естественно ожидать многопоколенные набожные семьи, истари занятые земледелием, которое вознаграждает их благополучием и стабильностью. Но почему-то такую картину скорее показывает вотчина в приходе села Яринского посреди лесов и болот Калязинского уезда. А вот через метрики и ревизские сказки Снежетка проступает культурная реальность, которая явно близка чему-то другому. И исторические источники подтверждают это, хорошо резонируя с данными первичной демографической статистики черноземного прихода.

¹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0883/nauka03.php>

Эта статья – попытка интеграции выводов, которые были получены автором при исследовании метрических книг прихода Снежетка за столетний период (1758-1862 гг.), и источников об истории Черноземья как до, так и после данных хронологических рамок. Ее цель – встроить результаты собственных изысканий в картину демографической и социальной динамики России. Очевидное ограничение исследования – злоупотребление методом индукции. Сельская Россия не сводится к Черноземью, а оно – к однодворцам и единственному рассмотренному приходу. Даже если отраженная в метриках и ревизиях социальная реальность хорошо согласуется с историческими источниками, хотелось бы, чтобы выборка была кратно больше. К сожалению, пока состояние российского архивного дела не очень этому способствует и аналогичных исследований крайне мало. Чем больше их будет, тем более детальной будет картина демографической и социальной истории России, а ее восприятие – трезвым и объективным.

Мнения об основаниях дореволюционного общества

Для девелопментологии обычны типологии культур, их иерархическое оценивание, которое Вишневский в «Серпе и рубле» делает достаточно резко: *«Русское аграрное, сельское общество, существовавшее вплоть до XX века, свойственные ему формы общежития могли казаться очень сложными и только с высоты сегодняшнего дня выглядят «простыми». Простыми, чтобы не сказать примитивными, были и все его социальные механизмы»* (Вишневский 1998: 18). Определяя русское общество как аграрное, Вишневский приводит и его свойства как такового: *«Натуральное крестьянское хозяйство, простые общественные связи и примитивные формы их опосредования, синкретическое мышление, холистская, «соборная» ценностная парадигма — главные устои русского аграрного общества, гаранты его целостности и жизнеспособность»* (там же: 19).

Но было ли и как давно дореволюционное российское общество действительно аграрным, земледельческим? Кому-то сам вопрос может показаться абсурдным – то, что подавляющая часть населения страны жила в сельской местности и пашенным трудом, общепризнанный статистический факт. Однако, перефразируя Булгакова, жить на нивах еще не значит стать земледельческим обществом. Географ-экономист и страновед А.И. Трейвиш емко описал экономическую и социальную траекторию русской истории, в которой решающими долго были совсем другие занятия и ресурсы (Трейвиш 2009: 88-90):

- X-XI века – «Рюриковичи ... жили войной и торговлей, не имея деревень и пашен, и сбывая «в греки» мед и мех, собранные на зимнем полюдь»;
- XII-XIII века – «аграрная рента скудна, и Русь идет в таежные дали за пушниной. Город, центр ее сбора, доминирует не только потому, что сам силен, но из-за немоги села»;
- XVI-XVII века – «Рост внутреннего рынка начал дифференцировать развитие лесной торгово-ремесленной и степной хлебной зон, Москвы и окраин. Однако неудачи так очевидны, что Лейбниц прочил России участь шведской колонии»;
- XVIII-XIX века – «Россия, наконец, пробила морские окна и вывозит на Запад хлеб. Золотой век ее знати ... зиждется на барщине».

На явно неземледельческий характер хозяйства и общества Руси, которая долго не стремилась двигаться в плодородные степи, на очень позднее в сравнении с Европой становление соответствующей экономики обращали внимание давно. *«Пока Русь сидела*

на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок» (Ключевский 1882: 13). «Торговля зерном не играла значительной роли - если вообще имела значение - в русской внешней торговле. Большую часть ее объема составляли продукты охоты и лесных промыслов: пушнина, воск и мед» (Вернадский 1948: 89). То, что документально основу экспорта Руси составляли продукты промыслов, примерно как и сейчас ², в классические схемы стадияльного марксистского понимания истории ложилось плохо, поэтому советской и частично постсоветской историографией последовательно отвергалось. «В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси земледелие было основным занятием народа» (Греков 1944: 35). «Многие столетия великорусский пахарь мог сводить концы с концами только ... путем разного рода лесных рощистей, сжигая срубленный лес и эпизодически получая высокие урожаи. Необходимость постоянного сведения лесов ... укрепляла потенциал традиционной общинной организации» (Милов 2003: 775). В новейшей российской историографии вопрос культурных оснований русского общества приобрел особую остроту в связи с оценкой причин революции 1917 г. Так, С.А. Нефедов видит ее корни в мальтузианском кризисе земледельческого общества: «Основной причиной революции был низкий уровень жизни, а причиной низкого уровня жизни было аграрное перенаселение...» (Нефедов 2016: 58). С точки же зрения Б.Н. Миронова, революция – результат разрушительных действий политических радикалов, стремившихся искусственно ускорить естественную модернизацию (Миронов 2017: 36).

Исследования первичных источников

Интерес исследователей к исторической демографии России появился сразу же, как только во второй половине XIX века профильные ведомства начали собирать, агрегировать и публиковать соответствующую статистику. Однако это были исследования верхнего уровня с анализом лишь самых общих демографических характеристик: динамики численности населения, его половозрастного состава, числа рождений, браков и смертей с распределением последних по заявленным возрастам умерших. Источники первичной демографической статистики – ревизские сказки, исповедные ведомости и, особенно, метрические книги – долгое время почти не изучались. Для полноценной работы с ними (формирования демографических баз данных) необходим доступ к архивным делам, их оцифровка и расшифровка, применение автоматических алгоритмов обработки данных. Эти условия начали выполняться только ближе к концу XX века, но, несмотря на это, соответствующие исследования до сих пор единичны и фрагментарны.

В советский период ревизские сказки и иные переписи населения изучали преимущественно с акцентом на экономическую, а не социальную историю. Интерес исследователей к составу домохозяйств, типам семей, обычным жизненным траекториям людей был связан с попытками встроить социальную реальность дореволюционной России в схемы и теории гуманитарных наук. При этом активность зарубежных авторов в этом направлении была едва ли не большей, чем отечественных. Известны и часто цитируются работы Питера Запа, Стивена Хоха и Родни Бохача, опубликованные еще в 1970-80-е годы и посвященные подтверждению на материалах

² https://www.trademap.org/Product_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c643%7c%7c%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1

ревизских сказок тезиса Джона Хайнала о многопоколенных семьях и ранних браках в России XIX веке (Kolle 2006: 15). Однако более глубокие исследования сразу же приводят к выводам о недостаточности ревизских сказок как материалов для социальной истории России в силу их эпизодичности и отражения формально-учетного, а не фактического состава домохозяйств, который может быть установлен только с помощью исповедных ведомостей и метрических книг (Avdeev, Troitskaia, Blum 2004: 724).

Метрические книги как источник точных первичных сведений о рождениях, браках и смертях давно используются в демографических исследованиях (Винник 2012b), однако подробных опубликованных результатов с опорой на массив данных хотя бы за несколько десятилетий до сих пор крайне мало. Это работы по изучению Выхинской вотчины Шереметьевых в Московском уезде в 1815-1917 гг. А. Авдеева, И. Троицкой и А. Блюма (Avdeev, Troitskaia, Blum 2004), исследование М. Винник Покровского прихода г. Барнаул в 1877-1886 гг. (Винник 2012а) и ряд других. При этом в основном в фокусе внимания находится дореволюционный период с середины XIX века, тогда как более ранняя историческая эпоха, не затронутая на основной территории страны процессами урбанизации и индустриализации, рассматривается крайне редко.

Между тем для понимания того базиса, от которого отталкивались начавшиеся в середине XIX века модернизационные процессы и который не мог не повлиять на их результаты, необходимо детально исследовать социальную и демографическую историю России как минимум за предшествующее столетие, тем более что необходимые источники для этого есть и постепенно становятся доступнее.

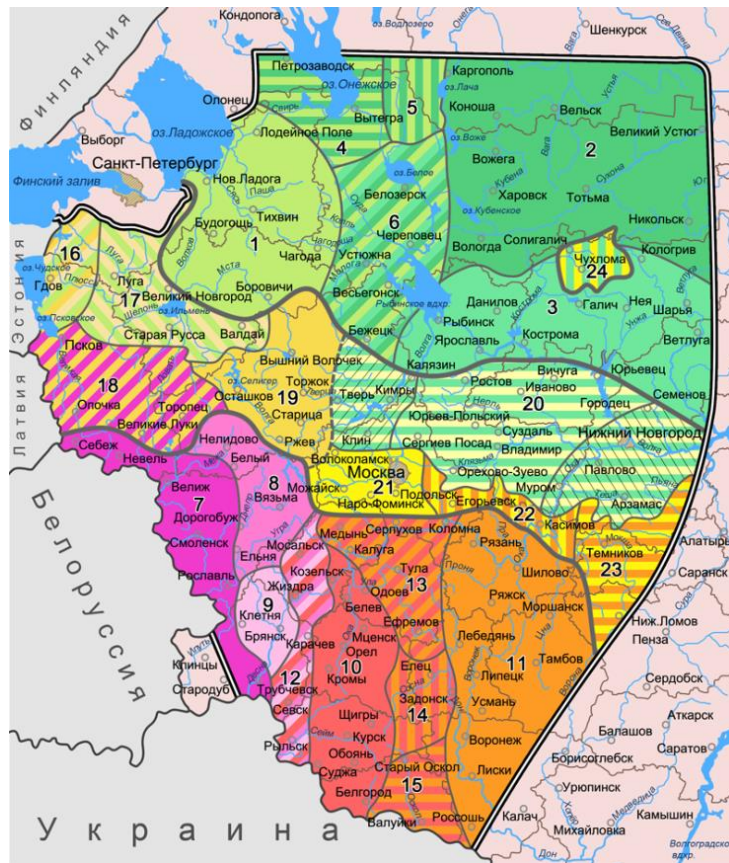
Демографический вес и состав населения Черноземья

Нужно определить, что мы считаем коренной Россией, т. е. территорией, на которой сформировалась культура, лежавшая в основе того общества, о котором говорили А.Г. Вишневский и другие авторы. В 1965 г. была опубликована карта диалектов русского языка «раннего формирования» (Захарова, Орлова 1965), общая площадь распространения которых примерно соответствует нынешнему Центральному и южной части Северо-Западного федеральных округов с добавлением Нижегородской области (рисунок 1).

Общий контур определенной таким образом «коренной России» почти идеально ложится как на сетку губерний Российской Империи 1914 г., так и на сетку областей Российской Федерации 2021 г. и может быть разделен на пять природно-исторических районов:

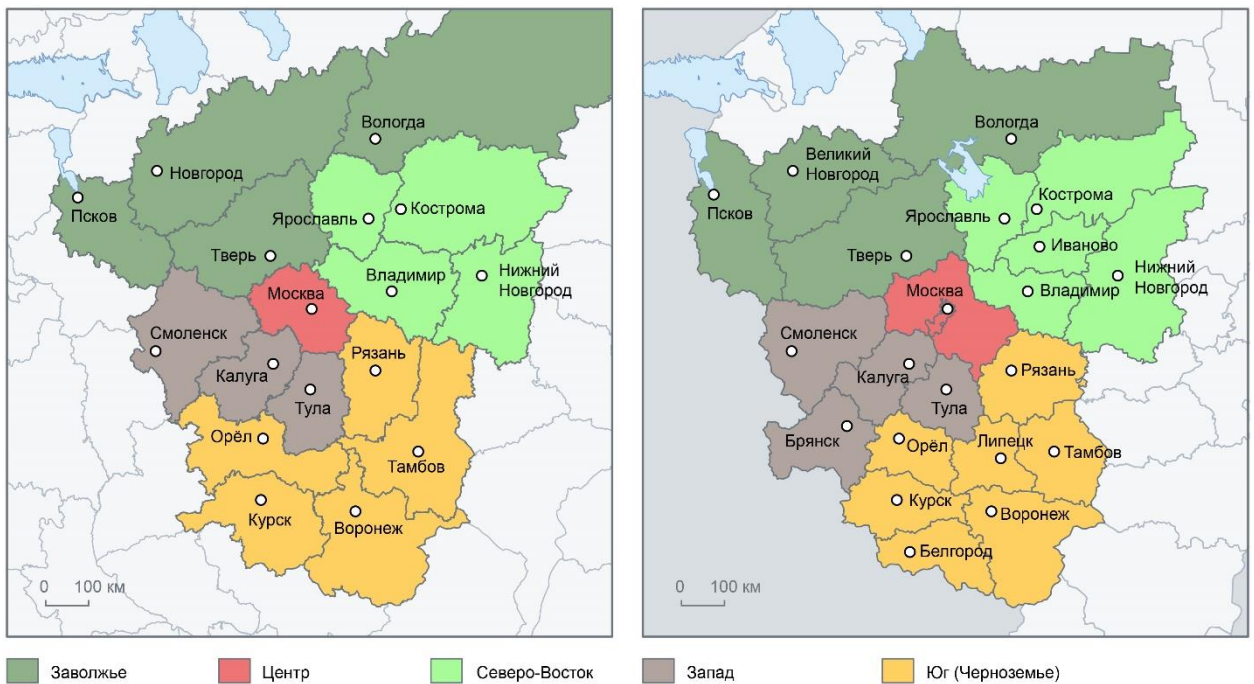
1. Центр вокруг Москвы;
2. Северо-Восток с Ополем;
3. Заволжье с болотами;
4. Запад с лесами и
5. Юг со степями и лесостепями (рисунок 2).

Рисунок 1. Ареалы базовых диалектов русского языка

Источник: (Захарова, Орлова 1965).

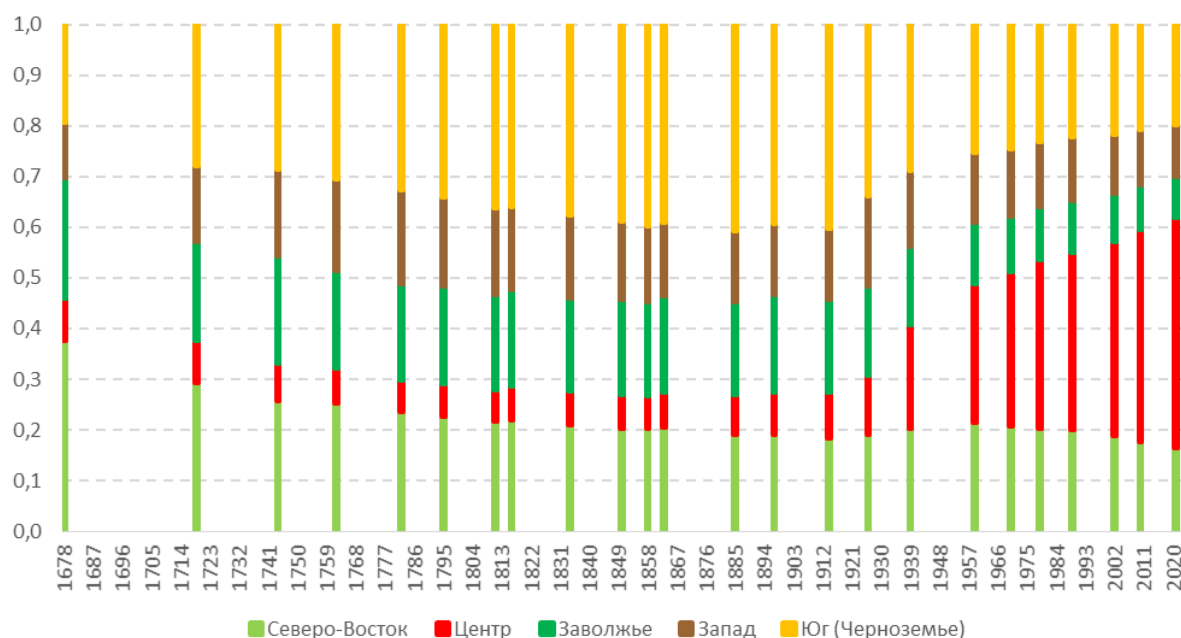
Рисунок 2. Деление территории базовых диалектов русского языка на природно-исторические районы по регионам, 1914 и 2021

Источник: Районирование автора.

Динамика географического распределения людности внутри этого полигона по выделенным районам за 350 лет (рисунок 3) показывает драматические изменения, которые происходили в размещении населения «коренной России». Наиболее ярким из них был стремительный рост доли черноземного Юга в течение XVII-XVIII веков с менее чем 20% до почти 40%, и удержание ее на этом и даже более высоком уровне в течение XIX и начале XX века. Между первой (1719 г.) и последней (1858 г.) ревизиями Юг обеспечил более 50% прироста населения «коренной России» (см. Приложение). Если бы к Югу можно было добавить юго-восточную половину Тульской губернии, то его демографический вес был бы еще больше. О вкладе аграрной колонизации Юга в российскую экономику того времени можно судить по резкому удешевлению хлеба в первые десятилетия XVIII века (Мустафин 2021), что означало рост благополучия и улучшение демографических показателей жителей всей страны.

Рисунок 3. Структура распределения населения по выделенным районам, доли от 1

Источники: Расчеты автора по данным (Водарский 1977; Кабузан 1963; Рашин 1956; Демоскоп Weekly 2023).

Примечания: Брянская область в 1926 г. и далее целиком учтена как Запад, ранее ее восточные районы с Брянском входили в Орловскую губернию, западные были частью Черниговской вне рассматриваемой территории страны. Распределение населения по данным переписи 1939 г. сделано на основе послевоенных оценок ЦСУ СССР числа жителей новых регионов в 1941 г. (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564 по (Жиромская, Исупов, Корнилов 2020: 852)).

Территория Юга, которую мы дальше будем привычнее называть Черноземьем, в Средневековье представляла собой так называемое Дикое Поле, пограничную полосу между лесной и степной частями Русской равнины, которая столетиями служила русско-степным фронтиром со специфической синтетической культурой. В XI веке ее нынешняя русская часть была землей Черниговского княжества, которое протягивалось на 850 км от Чернигова до Муром, позднее политическим центром этих земель было Рязанское княжество, от которого осталось сравнительно мало документальных источников. История последующей русской колонизации Черноземья в XVI-XVII веках путем создания

засечных черт и системы крепостей с размещением военно-служилого населения хорошо документирована и детально описана исследователями, которые работали с фондами РГАДА и региональных архивов (Загоровский 1991).

Военно-служилое население, в дальнейшем ставшее однодворцами, имело пестрое социальное и этническое происхождение. Во «владельцев одного двора» превращались как младшие потомки дворянских и боярских родов, так и вольные люди Дикого Поля, условно называемые казаками, в том числе представители народов Поволжья. В частности, в перечне личного состава полка Пола Мензиса (в России Павел Менезий) в 1677 г. значительное число составляли татары из Шацкого уезда (Чарыков 1906: 400). Однодворцы получали от государя мельчающие земельные наделы и иногда деньги за военную службу, которая могла представлять собой и профанацию вроде службы «с казенной рогатиной» в конце XVII века. Военное дело, особенно за твердое жалованье, однодворцы естественно предпочитали земледелию, которым должны бы заниматься крестьяне (но их, как правило, не было), и поэтому стремились попасть в «полки иноземного строя», особенно рейтарские.

Для демографической истории Черноземья критически важным обстоятельством было то, что от строительства засечных линий до петровских времен владеть землей в бывшем Диком поле могли только те, кто был записан нести там службу (Нечаев 2020: 55). В результате массовый приток не-однодворческого крепостного крестьянского населения в Черноземье начался только в начале XVIII века, когда общая культурная и экономическая среда региона и сеть его поселений уже были сформированы и в дальнейшем оказались очень устойчивыми (Жуков, Канищев, Лямин 2020). Это не могло не привести к усвоению новыми переселенцами быта и нравов старожилов, которые также хорошо документированы (Ляпин, Мизис 2021).

От казацкой среды, где даже в конце XVII века земледелие было под запретом как несовместимое с вольно-военным образом жизни (Ларионов 2007), однодворцы унаследовали низкую привязанность к определенному месту. Они переселялись как внутри региона, так и за его пределы (Кудланов 2022b). Широкими были и брачные контакты однодворцев, причем как в сословном, так и в географическом отношении. У однодворцев Снежетка по ревизии 1762 г. среднее расстояние до родных мест жен составляло около 15 км, у их дочерей, выданных замуж, по ревизиям 1782 и 1795 г. – более 10 км. В других рассмотренных автором приходах брачные миграции, если и были, обычно ограничивались ближайшими, в пешей доступности, окрестностями сел.

Для однодворческого мира были характерны культурные явления народов Поволжья, в частности, типичный для исламских этносов обычай строительства дворов-крепостей с глухой стеной, обращенной к улице (Зеленин 1913: 62), заметный даже на Черниговщине (Кудланов 2022a). В женском однодворческом костюме даже в западном Новосильском уезде конца XVIII века прослеживается мордовское влияние – похожие на пулай подвески сзади для защиты от «дурного глаза» (Управление Тульской палатой... 1795). Обычным для синтетических культур было и то, что авторы называют «религиозным либерализмом» однодворческой среды (Чуркин 2016: 37). Неслучайно, что именно в Черноземье отмечалась растущая активность новых религиозных движений, в имперский период называемых просто сектами (Белоножко, Клышнюк 2011).

Даже после притока помещичьих крестьян в начале XVIII века однодворцы составляли четверть жителей русского Юга (Водарский 1977), к 1834 г. их было почти

900 тыс. из 3,5 млн ревизских душ местного мужского населения (Кабузан 1963; Энциклопедический словарь... 1903: 727). В отношении крепостных крестьян однодворческое меньшинство было более статусной социальной группой – они были лично свободны и могли не только владеть землей, но и собственными крестьянами (которых, впрочем, почти не имели). В результате представители этого промежуточного сословия обеспечивали не только трансляцию собственной культуры локальным сообществам, но и ее экспорт в другие районы страны.

Основной численный вклад в начальный рост населения Черноземья внесло, судя по всему, земледельческое северо-восточное Ополье, людность которого на фоне колонизации Юга минимально росла в конце XVII в. (Водарский 1977) и сокращалась между первой и второй ревизиями (Кабузан 1963). Однако, благодаря «закваске» однодворческого меньшинства, еще в начале XX века культурные отличия Севера и Юга «коренной России» были столь велики, что Д.К. Зеленин даже считал северных и южных русских разными этническими группами независимого происхождения (Зеленин 1927). При этом в самом Черноземье различия между отдельными регионами оставались существенными и определялись сочетанием исторических, этнических и экономических факторов.

Снежеток

Упомянутое выше исследование автора (Рязанов 2021) сравнивало демографические показатели села Снежеток с подмосковным селом Бисерово (Богородский уезд) и вотчиной сельца Подол в приходе села Яринское Калязинского уезда. Данные метрических книг (в Снежетке это 6413 записей о рождении, 1392 – о браке и 3329 – о смерти) проверялись с опорой на реестры населения (ревизские сказки и исповедные ведомости), которые также содержат значимую демографическую информацию. Позже по аналогичной методике было выполнено сравнение прихода Бисерово с соседним приходом Кудиново, где было развито организованное промышленное производство (Рязанов 2022). Все исходные данные (своды расшифрованных метрических книг и реестров населения) размещены автором в открытом доступе на портале «Всероссийское генеалогическое древо»³, таким образом результаты исследования воспроизводимы и проверяемы.

Снежеток был основан и заселен только в 1710-е годы. Первоначально большинство его жителей составляли однодворцы, но уже к 1744 г., когда он упомянут как село⁴, в нем преобладали крепостные крестьяне. Если в 1719 г. в Снежетке жило чуть более 300 человек, то к концу столетия храм Архангела Михаила имел около 1,5 тыс., а к середине XIX века (демографическому «зениту» Черноземья) – 2,5 тыс. прихожан. Административно Снежеток входил в Иловайский стан Козловского уезда, а после губернской реформы 1775 г. оказался в Рязанском наместничестве. Крайнюю удаленность от губернского центра несколько уравновешивала близость к выделившемуся из окружающих сел уездным статусом Раненбургу. В XVIII веке ревизии⁵ Снежетка отмечают заметные «перетоки» однодворцев внутри Черноземья, а в 1807 и 1828 г. состоялись их организованные переселения в Оренбургскую губернию.

³ <https://vgd.ru/>

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1403.

⁵ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2 (первые три ревизии), ГАРО. Ф. 129. Оп. 1, 17, 19, 32, 46, 54 (последние семь ревизий).

Ряд агрегированных по десятилетиям демографических показателей Снежетка и трех других рассмотренных автором приходов приведены в таблице ниже, а их подробная динамика и методология работы с первичными данными полностью описаны в указанных выше предшествующих публикациях. Анализ реестров населения и метрических книг⁶ черноземного прихода показывает характерные черты демографического поведения местного населения.

Прежде всего, заметно частое несоблюдения постов. Оценить его можно по доле родившихся в мае, сентябре и декабре (вероятные зачатия в Успенский, Рождественский и Великий со смежными неделями посты), которая в Снежетке близка к четверти, а в XVIII веке была еще выше, т. е. дети тогда во время постов зачинались даже чаще, чем в иное время. Также в приходе нередко нарушался минимальный брачный возраст. В 1830 г. он был установлен в 18 лет для юношей и 16 для девушек, однако из 582 записей о браке после этого времени, в тех случаях, когда реальный возраст новобрачных можно проверить поиском записей о рождении, он был нарушен для мужчин в 14 из 120 венчаний, а для женщин в 12 из 92 венчаний, т. е. в 12-13% браков. При этом средний возраст первобрачных не был низким; мужчины вступали в брак не в юности, очевидно, уже имея потенциал для экономической автономии среди родственников. Максимально ранние женитьбы ради увеличения размера многопоколенной семьи здесь не были нормой. Еще одной яркой чертой Снежетка было неоднократное нарушение запрета венчания на Святки.

Внебрачная рождаемость в приходе Снежетка была заметным явлением (в XIX веке 5-6%), а с 1840-х годов основной вклад в нее вносили рождения детей у женщин, которые никогда не состояли в браке (ранее матерями внебрачных детей становились вынужденно оставшиеся в одиночестве вдовы и солдатки). На либеральную половую жизнь указывает и неоднократное упоминание как причины смерти в приходе Снежетка «французской болезни» (сифилис). В приходе отмечаются и случаи юридической полигамии (вступление в брак лиц, уже состоящих в браке), которая оформлялась через «документарных двойников» в других селах⁷, записи в ревизских сказках⁸ и даже венчание⁹. Пренебрежение к установлениям Церкви и государства не ограничивалось только семейной сферой – в приходе зафиксированы три случая убийств.

⁶ ГАРО. Ф. 627. Оп. 248.

⁷ Так, «сходец» в Снежеток из села Бухового Добренского однодворец Т.Е. Кушинов в 1744 г. имел в родном селе младшего брата-тезку, якобы родившегося после ревизии 1719 г. и тоже вступившего в брак. Однако в 1719 г. отец Кушинова уже не упоминается среди живых селян.

⁸ В ревизской сказке Снежетка 1850 г. женой однодворца С.М. Лужнова показана М.В. (в девичестве Неретина), однако запись об их венчании отсутствует, а из записи в метрике о крещении ее внебрачной дочери в 1810 г. известно, что она была солдаткой (женой солдата) из села Пиковы Рясы и жила в доме М.А. Лужнова, которому неженатый тогда С.М. Лужнов приходился сыном.

⁹ В 1780 г. однодворец П.А. Лужнов венчался первым браком с однодворкой И.Е. (Ковешниковой, в девичестве Варвариной), однако в 1758 г. тот же священник там же венчал его брак с Е.А. Докучаевой, а И.Е. Ковешникова уже состояла в браке с М.С. Ковешниковым. Спустя два года, в 1782 г., однодворцы Снежетка сдали в Раненбургскую казенную палату ревизскую сказку, по которой новобрачные 1780 г. якобы продолжают жить с прежними супругами.

Таблица. Избранные демографические показатели приходов и опорных вотчин, агрегированные по десятилетиям

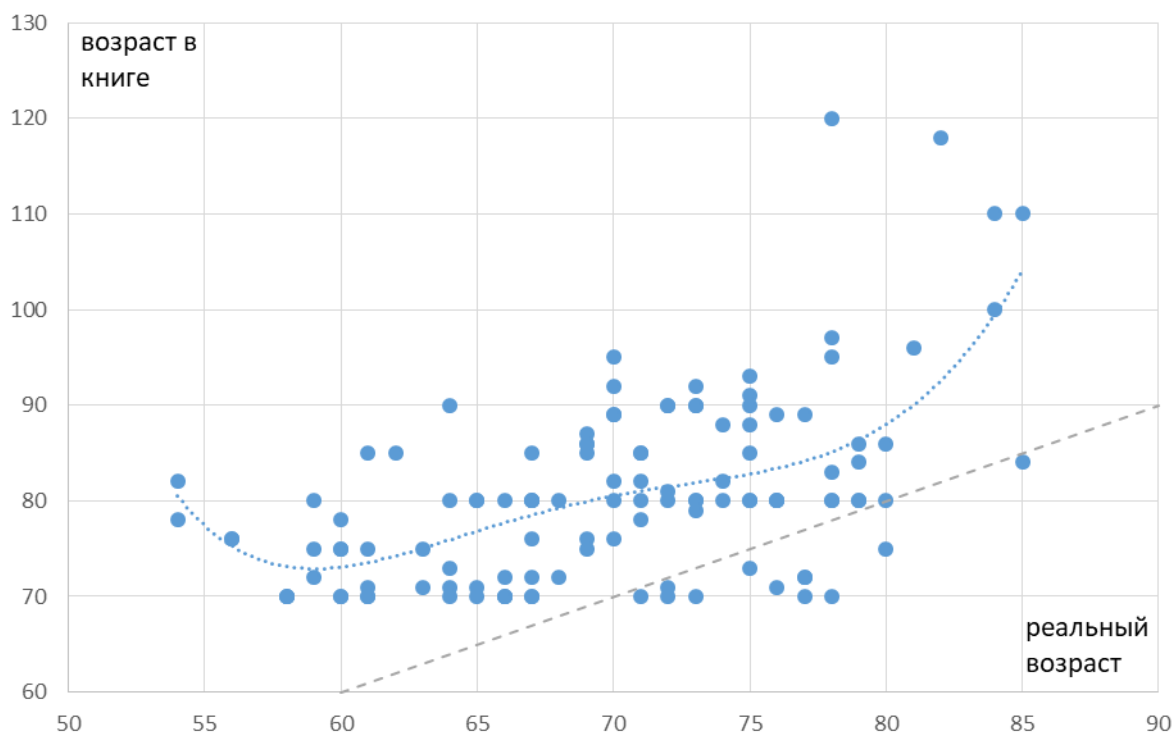
Показатель	Село	1760-е	1770-е	1780-е	1790-е	1800-е	1810-е	1820-е	1830-е	1840-е	1850-е	1860-е
Средний возраст жениха (первый брак), лет	Яринское	15,0	14,5	16,1	15,2	16,4	17,5	17,9	19,4	21,0	21,8	20,3
	Бисерово				19,0	20,9	22,9	22,2	24,6	25,5	25,2	25,4
	Кудиново				18,6	18,3	18,5	19,9	21,0	22,2	22,6	23,1
	Снежеток			17,5		21,4	20,5	19,0	19,7	21,2	22,0	22,5
Средний возраст невесты (первый брак), лет	Яринское	15,0	14,5	17,3	16,9	17,1	16,9	18,2	19,1	18,5	19,1	18,7
	Бисерово				14,7	20,0	20,5	22,0	20,9	22,4	22,3	20,9
	Кудиново				17,7	17,5	18,7	18,0	19,7	20,1	20,2	20,8
	Снежеток				18,5	18,4	18,6	16,9	17,8	18,1	19,5	18,9
Зачатия в посты, %	Яринское	19,9	21,7	17,9	14,7	13,6	16,3	18,1	17,2	18,9	23,3	22,0
	Бисерово		14,3	19,5	21,1	17,9	17,5	19,3	20,6	19,0	19,6	21,9
	Кудиново		16,1	15,1	22,2	18,9	19,2	18,4	21,5	18,0	19,4	18,9
	Снежеток	23,8	28,0	32,5	20,5	22,5	19,8	23,2	24,5	23,1	22,7	25,3
Рождения детей, зачатых вне брака, %	Яринское	0,0	2,1	1,9	2,0	2,1	3,8	2,0	1,8	2,2	2,8	2,2
	Бисерово		0,0	0,0	0,0	0,9	0,0	1,0	0,7	2,4	1,8	1,2
	Кудиново		0,0	0,8	3,9	3,0	2,9	4,6	2,9	3,1	1,2	0,2
	Снежеток	0,0	1,9	0,0	0,4	2,5	4,8	6,2	5,1	3,8	5,9	3,7
Отношение чисел новорожденных девочек и мальчиков	Яринское	0,76	0,82	0,79	0,81	0,89	0,91	1,01	0,95	1,02	0,96	1,15
	Бисерово		1,25	1,18	0,92	0,91	1,12	0,87	1,02	0,99	0,91	0,86
	Кудиново		0,89	1,01	0,62	0,76	0,78	0,97	0,93	1,06	0,98	1,04
	Снежеток	0,54	0,43	0,55	0,67	0,93	0,88	0,85	0,89	0,91	0,81	0,86
Дожили до взрослого возраста и вступили в брак (мальчики), по годам рождения, %	Яринское	35,9	40,8	21,9	49,2	45,5	38,2	51,2	42,2	20,6		
	Бисерово		23,1	17,0	22,5	20,0	31,2	25,7	20,7	3,9		
	Кудиново		38,5	13,5	27,3	25,4	27,1	38,7	28,4	4,9		
	Снежеток	6,3	7,1	17,4	26,7	36,2	29,0	18,7	17,3	4,9		

Источники: (Рязанов 2021: 41; 2022: 21)

Яркой чертой прихода Снежетка была устойчивость фамилий, причем не только среди однодворцев, но и среди крепостных крестьян, даже в XVIII веке. Это говорит о важности патрилинейного родства и общем патриархальном характере сообщества. Об этом же говорит практика сильного завышения возраста пожилым умершим (рисунок 4), известная в современной традиции как культ аксакалов – чем старше человек, тем больше у него должно быть живущих потомков, а значит, выше статус. В Снежетке возраст умерших завышался в среднем на 10 лет для умерших младше 80 лет, а для немногих лиц старше этого возраста инфляция становилась экспоненциальной.

При плохом ведении метрических книг в Снежетке (как видно из отношений числа новорожденных девочек и мальчиков и дожития мальчиков до венчания, многие рождения и браки в метриках не фиксировались) здесь появлялись «инновации» в расширении числа участников демографических событий. В XVIII веке там записывали «свидетелей погребения», а в 1793-99 гг. поручителями по бракам бывали и женщины. В других рассмотренных приходах подобных явлений не было.

Рисунок 4. Заявленный и фактический (проверка по ранним документам) возраст умерших старше 70 лет в метрических книгах Снежетка, лет

Источник: Расчеты автора.

Примечание: На графике к точкам наблюдения добавлен полиномиальный тренд (кривая того же цвета), а также показана линия равенства заявленного и фактического возраста (пунктирная прямая), выше которой более 90% точек наблюдения, т. е. искажение возраста умерших в метрических книгах (МК) Снежетка – это почти всегда его завышение.

Показатели рождаемости и смертности в черноземном приходе начинают выделяться в XIX веке, когда на фоне общероссийских эпидемий холеры Снежеток часто «собирал минимумы» медианного возраста умерших за отдельные годы. Также в приходе в силу более юго-восточного расположения раньше отмечался сезонный летний всплеск детской смертности. В результате по темпам роста населения Снежеток заметно отстает от

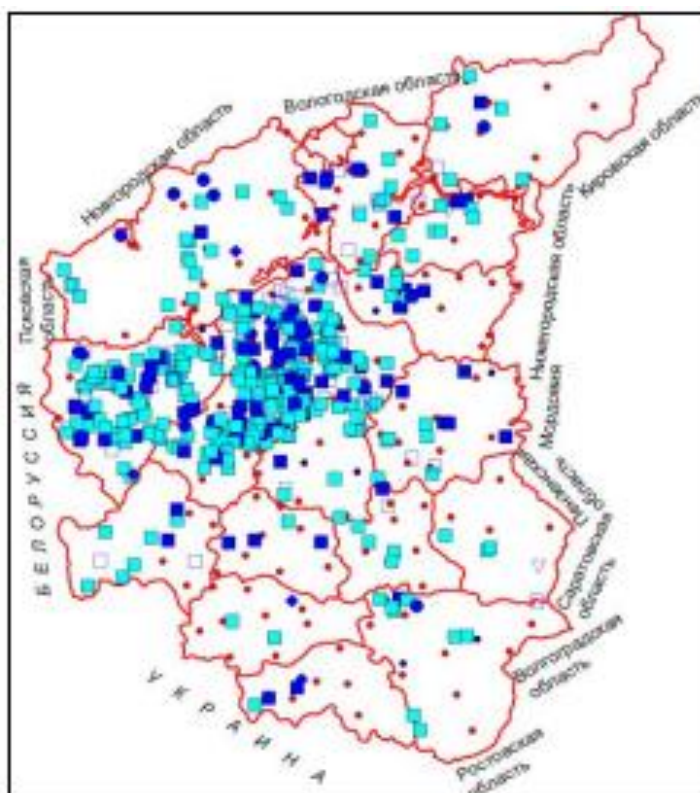
упоминавшейся вотчины сельца Подол в приходе Яринского. Но там почти совершенно другой социальный мир. Вотчина Подола – это закрытое эндогамное сообщество со строгим соблюдением религиозных предписаний и жесткими санкциями за их нарушение, многопоколенными семьями с безбородыми женихами, высокой рождаемостью, родственной сплоченностью и выдающимися показателями естественного прироста (в 1816-1834 гг. в среднем 1,74% в год), которые известны из образцово заполненных документов Церкви.

На 1862 г. метрические книги Снежетка надолго обрываются, как, впрочем, и реестры населения, кроме чудом уцелевшей и потому особенно ценной исповедной ведомости 1906 г.¹⁰ Однако демографическая и социальная история Черноземья, дореформенное столетие которой осветили приходские метрики, продолжила двигаться по прежней колее.

Путь к современности

Характерная черта дореволюционного Черноземья – малая людность городов при огромной общей численности населения. По переписи 1897 г. (Население городов 1897) в регионе, где тогда жило 11,4 млн, не было ни одного города хотя бы в 100 тыс. человек и ни одного из первых 25 в Империи. В чем причина явления? Стоит обратить внимание на слабое распространение в Черноземье капитальных дворянских усадеб (рисунок 5).

Рисунок 5. География усадебных комплексов Центральной России, построенных до 1812 г.

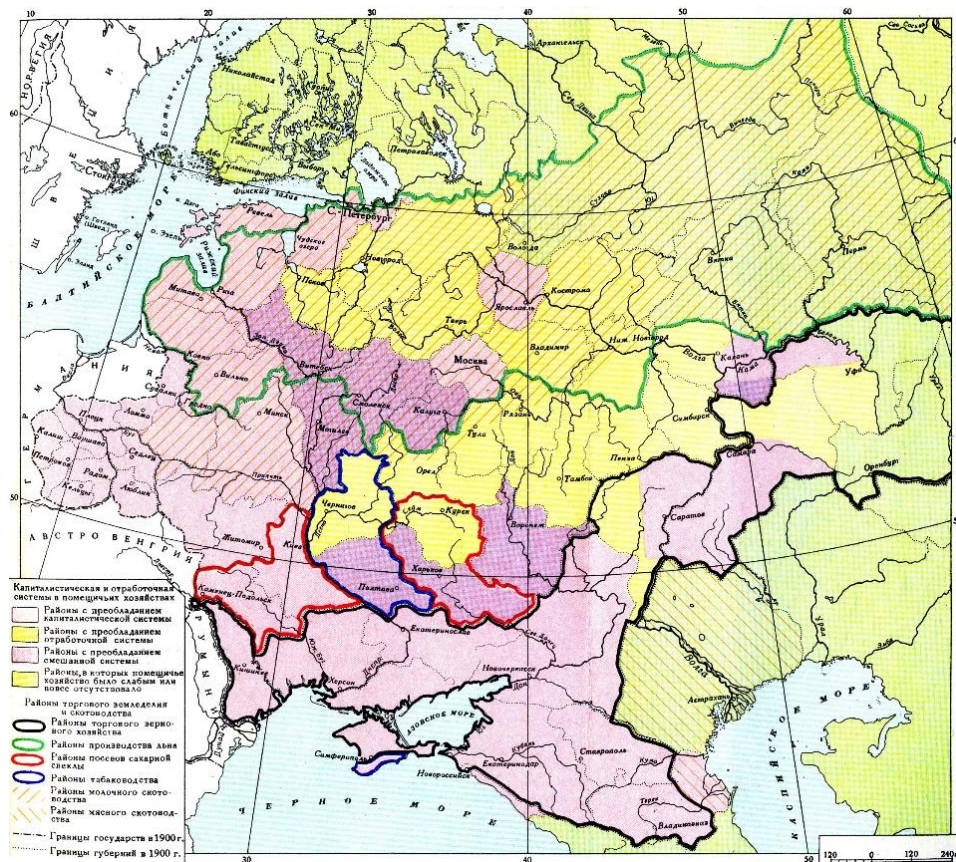
Источник: (Топорина 2011: 7).

¹⁰ ГАРО. Ф. 627. Оп. 165. Д. 11.

Номинально имений здесь было примерно 40% от всего их числа в «коренной России» (Водарский 1977), но в основном их центрами были вотчинные конторы для сбора и продажи земледельческой ренты. Дворяне, в начале XVIII века отправив сюда крестьян, сами не торопились обживать степи, а предпочитали тенистые усадьбы средней полосы и столичные города, где проводили время и тратили деньги. Слабость городских экономик на русском Юге усугублялась природной скудностью условий для неземледельческих занятий, делая здешнее хозяйство моноотраслевым. О состоянии местных городских экономик в XVIII-XIX вв. наглядно свидетельствует массовый отток однодворцев из городов Черноземья обратно в села и деревни (Кудланов 2022b).

Тяжело переживало Черноземье развитие рыночных отношений, которые начались со взлета хлебных цен в 1760-е годы (Миронов 1985) и последующего массового голода из-за неурожая конца 1780-х ¹¹. Если жителей северных регионов столетиями выручали неземледельческие занятия, без которых прожить в Нечерноземье трудно, а в дальнейшем и промышленное производство, которое повышало благосостояние и демографическое благополучие людей (Рязанов 2022), то на коренном русском Юге первых почти не было, а второе не появилось. Все контуры и ареалы рыночных производств даже на рубеже XIX и XX веков обходили Черноземье стороной – слишком далеко от портов и крупных городов (рисунок 6).

Рисунок 6. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Российской империи начала XX века

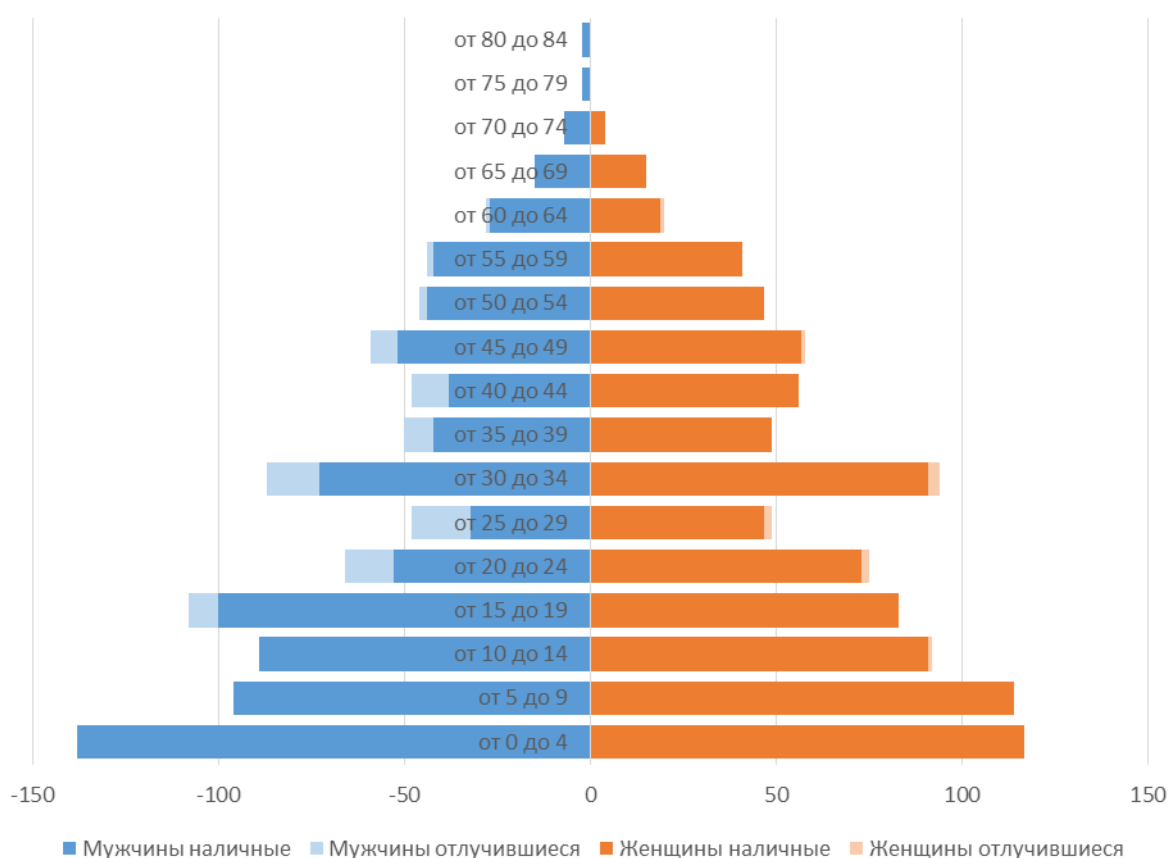

Источник: (Всемирная история 1960: 144).

¹¹ В Снежетке из вотчины М.А. Беклемишева в 1788-92 гг. бежала треть крестьян.

Проблемы черноземного аграрного сектора того времени хорошо известны: слабый в сравнении с более южными губерниями абсолютный рост урожайности зерновых (Обухов 1927), эрозия почв из-за чрезмерной распашки и пренебрежения агротехникой, трудности экспорта зерна из глубины страны. Поражали современников и социальные беды, хорошо описанные в публицистике и художественной литературе¹². Помимо распространения сект и общего морально-нравственного упадка, в глаза бросались низкий уровень жизни и маргинализация жителей, выход из которых виделся в переселении на восток и малоприбыльном отходничестве в неквалифицированный труд (Курцев 2008). В начале XX века больше четверти всех мужчин 20-30 лет в приходе Снежетка были в настолько длительных отлучках, что ни разу за год не были у исповеди и Причастия в родном храме, о чем упоминает исповедная ведомость (рисунок 7).

Рисунок 7. Половозрастная структура прихода села Большой Снежеток, 1906, с указанием отходников, чел.

Источник: Расчеты автора по данным исповедной ведомости села Б. Снежеток 1906 г.

При всех проблемах в этой внутренней периферии на начало 1914 г. жили 16 из 40 млн человек «коренной России», это колоссальный демографический и культурный вес. Социальные катастрофы XX века – Гражданская война и «красный террор», массовые репрессии при коллективизации, голод 1932-33 и 1946-47 гг., Великая Отечественная война – ускорили демографический упадок территории. Только за 30 с небольшим лет между

¹² Уроженцы Черноземья И.С. Тургенев (1818-1883), Н.С. Лесков (1831-1895) и И.А. Бунин (1870-1953) оставили в произведениях немало ярких и глубоко критичных картин местной жизни.

переписями 1926 и 1959 г. Черноземье потеряло почти четверть населения, немалая часть которого увеличила людность столичной агломерации (рисунок 3). Депопуляцию несколько затормозило освоение железорудных месторождений и появление черной металлургии.

В постсоветские годы Черноземье стало местом парадоксов, где жестоко пострадавшие от советской власти территории составили «красный пояс» (Туровский 2000), к началу 2010-х превратившийся в «библейский»¹³, правда, с минимальной рождаемостью¹⁴. Местное отходничество в 2010-х годах было малоквалифицированным, как и в начале XX века (Плюснин, Позаненко, Жидкевич 2015). Заметно ниже, чем в средней полосе (Аверкиева 2016: 33), здесь сейчас и постоянная занятость сельского населения (Аверкиева, Землянский 2016: 77). Что же касается развития торговли и предпринимательства, то на картах что в XX, что в XXI веке Черноземье образует устойчивую и глубокую ложбину (Баринова, Земцов, Царева 2023: 59, 60, 62).

Заключение

Если вычесть занятых в промышленности и торговле, то окажется, что не меньше половины сельского населения «коренной России» к началу 1860-х жили в сравнительно недавно колонизированном Черноземье. На памяти всего двух поколений (стариков, которые помнили рассказы дедов о собственном детстве) там было Дикое поле. Колонизация Черноземья привела к демографическому, экономическому и военному взлету России, но не сформировала там подобную Западной Европе устойчивую земледельческую традицию, которая к тому же была не очень близка исходной смешанной этнокультурной базе.

Заметно явное несоответствие демографических характеристик прихода Снежетка в качестве примера населения Черноземья чертам традиционного или классического земледельческого общества. Сообщество, в котором почти не соблюдают посты, толерантно относятся к рождению детей даже у женщин, называемых юридическим языком того времени «девицами», в котором распространены венерические заболевания и встречается фактическая полигамия и браки с несовершеннолетними, вряд ли можно считать глубоко религиозным, по крайней мере, с точки зрения формального следования установлениям Церкви. Воля людей и обычай часто были важнее внешних правил и ограничений. Проблемы с ведением метрических книг говорят о том же: туда вписывалось то, что желали прихожане.

Весьма не ранний, часто почти «подмосковный» возраст вступления в брак в местности, где, кроме земледелия, заниматься почти нечем, наводит на мысли, что местным семьям не особенно были нужны рабочие руки для труда на ниве. Для местных жителей была важна принадлежность к определенному роду, наследование фамилии предков, но увеличивать число ее носителей и радовать этим старейшин молодые мужчины-селяне совсем не торопились.

При вроде бы лучших агроклиматических условиях темпы естественного прироста в Снежетке были достаточно скромными, приход жестоко страдал от эпидемий, что говорит

¹³ <https://sreda.org/arena>

¹⁴ <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

о не лучшем состоянии здоровья и материальных трудностях местного населения. Лично свободные однодворцы с широкими экономическими возможностями почти не пытались заниматься предпринимательством, зато «кочевали» по уездам Черноземья, потом участвовали в экстенсивной колонизации новых мест. А крепостные крестьяне в трудные времена «голосовали ногами».

Черты устойчивых сообществ намного заметнее не в Черноземье, а в нечерноземных регионах, но там земледельческая традиция не могла определять всю экономическую и социальную жизнь людей, поскольку для благополучия и простого выживания ее здесь издавна дополняли различные промыслы и ремесла. Авторы, исследовавшие шереметевскую вотчину Вошажниково в Ростовском уезде, и вовсе пришли к выводу, что аграрно-патриархальный характер русского общества – итог романтического мифотворчества (Dennison, Carus 2003). Так или иначе дореволюционный русский социум вряд ли можно считать аграрным в том же смысле, как постепенно перешедшие в рыночный, а затем и в городской индустриальный мир сообщества Западной Европы.

Означает ли это, что классик отечественной демографии А.Г. Вишневский не был прав? Говоря об общей траектории культурной трансформации страны в XX веке, скорее всего, он верно определил ее, мягко говоря, проблемный характер. Однако причины этого стоит искать, вероятно, не только в деятельности политических радикалов, пришедших к власти, но и в культурно-экономическом базисе, который этому предшествовал. До «бургов без буржуа» были, очевидно, «пейи без пейзажа». Нелюбимый серп оттуда ушел, а вот рубль толком не появился.

Мир плуга и сохи, который для многих стран извечное прошлое, для России, судя по всему – лишь пауза длиной в два с небольшим столетия. Что это значит для современности? Спрос на созидательный, но монотонный труд, подобный земледельческому, в мире уже не очень велик, а больше ценятся креативность, предприимчивость, контактность. Без них Россия не дожила бы до «аграрной паузы» и только с ними может смотреть в будущее.

Литература

- Аверкиева К.В. (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей Российского Нечерноземья. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, 25-37.
- Аверкиева К.В., Землянский Д.Ю. (2016). Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, 2, 75-81.
- Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. (2023). *В поисках предпринимательства в России. Часть I. Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
https://www.researchgate.net/publication/368406120_V_poiskah_predprinimatelstva_v_Rossii_Cast_I_Cto_meshaet_malomu_i_srednemu_biznesu_razvivatsa
- Белоножка Е.П., Клышнюк Е.А. (2011). Численный состав сектантства в Российской империи на рубеже XIX-XX вв. (на примере губерний Центрального Черноземья). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика*, 7(102), 147-157.
- Вернадский Г.В. (1948). *История России. Киевская Русь*.

- Винник М.В. (2012а). Сезонность демографических процессов (на примере метрических книг Покровского прихода г. Барнаул, 1877-1886 гг.). В М.Б. Денисенко (Ред.), *Демографические аспекты социально-экономического развития* (Вып. 22., Гл. 10., сс.251-267). М.: МАКС Пресс.
<https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/bzom5qu80v/direct/77847147.pdf>
- Винник М.В. (2012b). Метрические книги как источник по истории населения России. *Демоскоп Weekly*, 535-536. <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php>
- Вишневский А.Г. (1998). *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ.
<http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/s%26r/serp&rubl.pdf>
- Водарский Я.Е. (1977). *Население России в конце XVII – начале XVIII в.* М. Наука.
https://statehistory.ru/books/YA-E--Vodarskiy_Naselenie-Rossii-v-kontse-XVII---nachale-XVIII-veka/
- Всемирная история (1960). Карта «Развитие капитализма в сельском хозяйстве России». В *Всемирная история. Энциклопедия. Том 7* (с.144). Москва: Издательство социально-экономической литературы. <https://archive.org/details/Vsemirnaya-istoriya-v-10-tomah-7-tom-1960/page/n151/mode/2up>
- Греков Б.Д. (1944). *Киевская Русь*. М.-Л. Изд-во АН СССР.
- Демоскоп Weekly (2023). Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств. <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (данные загружены 01.09.2023)
- Загоровский В.П. (1991). *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке*. Воронеж. Издательство ВГУ.
- Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. (2020). Население России в 1939-1945 гг. *Вестник Российской академии наук*, 90(9), 845-857.
<https://doi.org/10.31857/S086958732009008X>
- Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. (2020). Формирование поселений зоны южнорусского фронта XVII – первой половины XIX вв. и современная демографическая ситуация в центрально-черноземном селе (по материалам Тамбовской области). *Журнал фронтирных исследований*, 5, 4(20), 38-58.
<https://doi.org/10.46539/jfs.v5i4.235>
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. (1965). Диалектологическая карта русского языка. В Аванесов Р.И., Орлова В.Г. (Ред.), *Русская диалектология*. М.: Наука.
- Зеленин Д.К. (1913). *Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации*. СПб.: Тип. А.В. Орлова. <https://www.booksite.ru/fulltext/zeleninvel/text.pdf>
- Зеленин Д.К. (1927). *Русская этнография*. Лейпциг.
https://rusinst.su/docs/books/D.K.Zelenin-Russkaya_etnografiya.pdf
- Кабузан В.М. (1963). *Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в.:* (по материалам ревизий). М.: Изд-во Академии наук СССР.
<https://ihtika.ru/book/download/kabuzan-vm-narodonaselenie-rossii-v-18-per-pol-19-v-m-1963>
- Ключевский В.О. (1882). *Боярская дума древней Руси*. Московский университет.

- Круглый стол (2002). «Круглый стол» по книге А.Г. Вишневого «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР». *Мир России. Социология. Этнология*, 11(3), 73-85.
- Кудланов К.Б. (2022a). Двор-крепость однодворца Центрального Черноземья в XVII-XIX вв. как этнокультурный феномен. В Г.А. Салтык, И.Г. Косихина (Ред.), *Культурный континуум российской провинции: проблемы формирования и развития*. Курск.
- Кудланов К.Б. (2022b). Особенности притока однодворцев в города Центрального Черноземья в XVII-XIX веках. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право*, 12(5), 147-158. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-5-147-158>
- Курцев А.Н. (2008). Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861-1917 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 3, 82-92.
- Ларионов А.Н. (2007). Экономические основы существования Войска Донского. *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 5(2), 100-109.
- Ляпин Д.А., Мизис Ю.А. (2021). Поведенческие модели населения крепостей Юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов). *Журнал фронтальных исследований*, 6, 3(23), 10-28. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i3.252>
- Милов Л.В. (2003). Особенности исторического процесса в России. *Вестник Российской Академии наук*, 73(9), 771-778.
- Миронов Б.Н. (1985). *Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.)*. Л.: Наука.
- Миронов Б. (2017). Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации. *Демографическое обозрение*, 4(3), 6-58. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i3.7316>
- Мустафин А.Р. (2021). Хлебный рынок с начала царствования Алексея Михайловича до конца правления Екатерины Великой: была ли «революция цен». *Quaestio Rossica*, 9(3), 911-926. <https://doi.org/10.15826/qr.2021.3.618>
- Население городов (1897). *Население городов по переписи 28-го января 1897 года*. СПб.: Печатня С.П. Яковлева. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15162-vyp-2-naselenie-gorodov-po-perepisi-28-go-yanvary-a-1897-goda-1897>
- Нефедов С. (2016). О Русской революции. *Эксперт*, 44, 58-63. <https://expert.ru/expert/2016/44/o-russkoj-revoljutsii/>
- Нечаев В.В. (2020). Землевладение однодворцев в Козловском уезде в XVII в. *Filo Ariadne*, 4(20), 53-72.
- Обухов В.М. (1927). Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883-1915 гг. В. *Влияние неурожаев на народное хозяйство России*. М.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. (2015). Отходничество как новый фактор общественной жизни. *Мир России. Социология. Этнология*, 24(1), 35-71.
- Рашин А.Г. (1956). *Население России за 100 лет (1811-1913 гг.)*. М.: Госстатиздат. <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/rashyn/rashyn.html>

- Рязанов В.А. (2021). Особенности демографических процессов в Европейской России в XVIII-XIX веках: опыт анализа метрических книг трех православных приходов. *Демографическое обозрение*, 8(3), 20-41.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13265>
- Рязанов В. А. (2022). Особенности демографических показателей промышленного крепостного населения XVIII-XIX веков: метрические книги села Кудиново Богородского уезда 1777-1862 гг. *Демографическое обозрение*, 9(2), 4-21.
<https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16203>
- Топорина В.А. (2011). *Усадебно-парковые комплексы Центральной России XVIII-XIX вв. в культурном ландшафте*. Автореферат дисс. ... кандидата геогр. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. <http://www.geogr.msu.ru/science/diss/oby/Toporina.pdf>
- Трейвиш А.И. (2009). *Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа*. М.:Новый хронограф.
- Туровский Р.Ф. (2000). Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности. *Полития*, 4(14). <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/359618241.pdf>
- Управление Тульской палатой Госуд. имуществ (1795). *Этнографические сведения о быте государственных крестьян Тульской губернии*. СПб.
- Чарыков Н.В. (1906). *Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637-1694)*. СПб. <https://search.rsl.ru/ru/record/01003740035>
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1903). Четвертные крестьяне (перенаправление с Однодворцы) в кн. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Т.38А (76), Человек-Чугуевский полк, 726-736.
<https://runivers.ru/bookreader/book10207/#page/261/mode/1up>
- Чуркин М.К. (2016). Однодворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX вв.). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 3(12), 34-38.
- Avdeev A., Troitskaia I., Blum A. (2004). Peasant marriage in nineteenth-century Russia. *Population*, 59(6), 721-764. <https://doi.org/10.2307/3654894>
- Dennison T.K., Carus A.W. (2003). The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence. *Historical Journal*, 46(3), 561-582.
https://www.researchgate.net/publication/231793077_The_invention_of_the_Russian_rural_commune_Haxthausen_and_the_evidence
- Kolle H. (2006). *Social change in nineteenth-century Russia: family development in a proto-industrial community*. Thesis for the degree of dr.art. University of Bergen, Norway.

Приложение

**Таблица П1. Численность населения (до 1863 г. только мужского)
по укрупненным районам Европейской России, 1678-2021, тыс. человек**

Год	Северо-Восток	Центр	Заволжье	Запад	Юг	Сумма
1678	909	205	575	261	470	2 420
1719	1 394	385	931	715	1 321	4 745
1744	1 320	389	1 091	873	1 482	5 154
1762	1 441	396	1 098	1 033	1 754	5 722
1782	1 635	443	1 327	1 285	2 274	6 964
1795	1 675	481	1 417	1 311	2 514	7 398
1811	1 784	520	1 541	1 415	3 002	8 262
1816	1 766	521	1 519	1 322	2 889	8 018
1834	1 962	633	1 725	1 521	3 542	9 382
1850	2 006	649	1 836	1 533	3 824	9 847
1858	2 046	654	1 887	1 527	4 039	10 153
1863	4 545	1 564	4 218	3 255	8 692	22 274
1885	5 211	2 184	5 023	3 861	11 191	27 469
1897	5 559	2 431	5 601	4 078	11 422	29 090
1914	7 214	3 591	7 242	5 526	15 973	39 547
1926	7 414	4 561	6 870	6 955	13 253	39 053
1939	8 804	8 917	6 681	6 566	12 542	43 510
1959	8 633	10 949	4 803	5 549	10 143	40 076
1970	8 803	12 836	4 610	5 635	10 341	42 225
1979	8 826	14 370	4 531	5 541	10 051	43 318
1989	8 966	15 661	4 623	5 567	9 977	44 794
2002	8 300	17 001	4 196	5 146	9 606	44 249
2010	7 756	18 599	3 863	4 829	9 202	44 248
2021	7 380	20 350	3 613	4 556	8 897	44 796

Источники: Расчеты автора по данным (Водарский 1977; Кабузан 1963; Рашин 1956; Демоскоп Weekly 2023).

**Переменчивые тенденции
рождаемости в Узбекистане:
1991-2021 гг.**

Абдуазим Джалалитдинович
Абдурахманов
(azim2191@mail.ru), Ташкентский финансовый
институт, Узбекистан.

**Fluctuating fertility trends
in Uzbekistan:
1991-2021**

Abduazim Abdurakhmanov
(azim2191@mail.ru), Tashkent University
of Finance, Uzbekistan.

Резюме: В статье приводятся оценки основных показателей рождаемости в Узбекистане в 1991-2021 гг., полученные на основе опубликованных и неопубликованных официальных данных Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан. Интерпретация разнонаправленных изменений в уровне рождаемости, имевших место в последние десятилетия, требует проведения углубленных социологических и статистико-демографических исследований, которых явно недостаточно в республике. Необходимо также провести экспертную оценку качества исходной информации о численности и составе населения, основу для которой предоставит первая всеобщая перепись населения независимого Узбекистана, запланированная на 2023 г.

Ключевые слова: Узбекистан, рождаемость, коэффициент суммарной рождаемости.

Для цитирования: Абдурахманов А.Д. (2023). Переменчивые тенденции рождаемости в Узбекистане: 1991-2021 гг. Демографическое обозрение, 10(3), 125-129. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17973>

Abstract: The article provides estimates of the main indicators of fertility in Uzbekistan in 1991-2021, obtained on the basis of published and unpublished official data from the Agency on Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. Interpretation of the contradictory changes in fertility that have taken place in recent decades requires in-depth sociological and statistical-demographic studies, which are clearly insufficient in the republic. It is also necessary to conduct an expert assessment of the quality of the initial information on the size and composition of the population, the basis for which will be provided by the first general census of the population of independent Uzbekistan, scheduled for 2023.

Keywords: Uzbekistan, fertility, total fertility rate.

For citation: Abdurakhmanov A. (2023). Fluctuating fertility trends in Uzbekistan: 1991-2021. Demographic Review, 10(3), 125-129. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17973>

Известно, что полная и достоверная информация о населении используется как основа для планирования экономического, социального и культурного развития. Одним из ведущих политических факторов, формирующих повестку развития страны, является демографический.

За последние 30 лет, с 1991 по 2021 г., постоянное население Республики Узбекистан по официальным оценкам на начало года увеличилось на 13,9 млн человек или на 67,5% (с 20,6 до 34,5 млн человек).

В этой связи Президент Шавкат Мирзиёев затронул важность учета демографических тенденций в своем выступлении, посвященном стратегии развития страны, на X съезде Движения предпринимателей и деловых людей — Либерально-демократической партии Узбекистана (УзЛиДеП) в 2021 г. «Сегодня население нашей страны достигло 35 миллионов человек, и ожидается, что к 2026 году оно увеличится до 38 миллионов человек. 55% нашего населения составляют молодые люди, и каждый год на рынок труда выходит не менее 600 000 молодых людей. Этот демографический рост является для нас и возможностью, и огромной ответственностью»¹.

Общим изменениям в режиме демографического воспроизводства населения, проблеме старения населения, их влиянию на рынок труда и социально-экономическое развитие Узбекистана уделяется внимание национальных ученых (Абдурахманов 2009; 2014). В то же время современные тенденции рождаемости в республике требуют более глубокого изучения, тем более что за три десятилетия независимости они были переменчивыми. Чтобы привлечь к ним внимание международной аудитории и самого широкого круга специалистов, мы публикуем динамику базовых индикаторов рождаемости с 1991 г.

Рождаемость быстро снижалась в 1990-е годы и в городском, и в сельском населении, резко сокращалось рождение четвертых, пятых, шестых, седьмых и последующих детей в семье, что отражалось в динамике всех показателей (рисунок, таблицы 1, 2). Если в 1991 г. общий коэффициент рождаемости (ОКР) по республике составлял 34,5‰, то в 2003 г. – 19,8‰. Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в 1991 г. был 4,2 рождений в расчете на одну женщину, а в 2003 г – 2,4. В результате из числа стран с высокой рождаемостью в мире Узбекистан переместился в число стран со средним уровнем рождаемости.

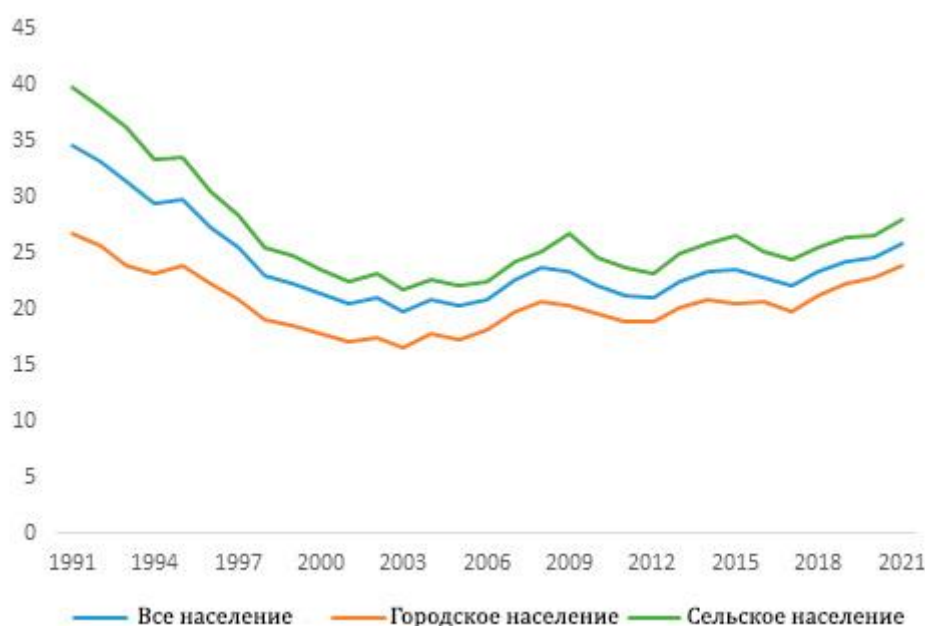
В последнее десятилетие коэффициенты рождаемости увеличивались, и в 2021 г. ОКР составлял 25,9‰, а КСР – 3,2 на одну женщину. Рост наблюдался и в городском, и в сельском населении, причем в городском населении относительное увеличение было даже более значимым, чем в сельском. КСР для городского населения в 2021 г. практически вернулся на уровень начала 1990-х, составив 2,95 на одну женщину (ср. 3,0 в 1992 г. и 3,13 в 1991 г.). В сельском населении КСР в 2021 г. был 3,40, что значительно ниже 4,99 зафиксированного в 1991 г. (таблица 2).

Таким образом, прирост числа рождений в республике в последнее десятилетие не связан со спецификой изменений в возрастном составе населения, так как КСР, как известно, свободен от такого влияния. Следовательно, новейшие тенденции в Узбекистане, включая рост интенсивности деторождения в последние годы, требуют иных

¹ <https://www.gazeta.uz/ru/2021/09/09/strategy/>

интерпретаций и выявления факторов, в том числе касающихся социокультурных сдвигов в составе населения, проживающего в городской и сельской местности. В то же время качество исходной информации, включая имеющиеся ежегодные оценки численности населения, требуют также экспертной оценки на предмет их полноты и надежности. Можно надеется, что первая всеобщая перепись независимого Узбекистана, неоднократно переносимая и запланированная на ноябрь 2023 г. ², пройдет успешно и предоставит основу для углубленного изучения современных демографических тенденций.

Рисунок. Общий коэффициент рождаемости для всего, городского и сельского населения, Республика Узбекистан, 1991-2021, на 1000 населения

Источник: Составлено автором на основе опубликованных (см.: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>) и неопубликованных данных Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан.

² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 710 от 11 ноября 2020 г. «О мерах по организации и проведению переписи населения Республики Узбекистан в 2023 году». <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/6600-657000-2>

Таблица 1. Число родившихся, общий коэффициент рождаемости, Республика Узбекистан, 1991-2021

Годы	Число родившихся, тыс. чел.			Общей коэффициент рождаемости, промилле		
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		городское население	сельское население		городское население	сельское население
1991	723,4	224,7	498,7	34,5	26,7	39,8
1992	710,4	218,7	491,6	33,1	25,7	38,0
1993	692,3	205,5	486,7	31,4	23,9	36,1
1994	657,7	201,6	456,0	29,4	23,2	33,3
1995	677,9	208,9	469,1	29,8	23,8	33,5
1996	634,8	197,6	437,2	27,3	22,2	30,5
1997	602,6	187,1	415,6	25,5	20,8	28,4
1998	553,7	173,2	380,5	23,0	19,0	25,5
1999	544,7	169,6	375,1	22,3	18,5	24,7
2000	527,5	163,8	363,7	21,3	17,7	23,5
2001	512,9	159,4	353,4	20,4	17,1	22,4
2002	532,5	163,3	369,2	21,0	17,4	23,1
2003	508,4	155,8	352,6	19,8	16,5	21,7
2004	540,4	168,0	372,4	20,8	17,7	22,6
2005	533,5	164,7	368,8	20,3	17,3	22,1
2006	555,9	173,5	382,4	20,9	18,1	22,5
2007	608,9	191,4	417,5	22,6	19,7	24,2
2008	646,1	203,1	443,0	23,6	20,7	25,2
2009	651,3	192,2	459,1	23,4	20,3	26,7
2010	634,8	214,0	282,4	22,0	19,6	24,5
2011	622,8	206,1	273,4	21,2	18,9	23,7
2012	625,1	207,3	271,8	21,0	18,8	23,2
2013	679,5	231,0	302,8	22,5	20,1	25,0
2014	718,0	244,2	324,0	23,3	20,8	25,9
2015	734,1	325,6	408,4	23,5	20,5	26,5
2016	726,1	332,0	394,1	22,8	20,6	25,1
2017	715,5	325,1	390,3	22,1	19,8	24,4
2018	768,5	353,2	415,2	23,3	21,2	25,5
2019	814,9	378,6	436,3	24,3	22,3	26,3
2020	841,8	393,0	448,8	24,6	22,7	26,6
2021	905,2	н/д	н/д	25,9	23,9	28,0

Источник: Составлено автором на основе опубликованных (см.: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>) и неопубликованных данных Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан.

Таблица 2. Коэффициент суммарной рождаемости, Республика Узбекистан, 1991-2021

Годы	Все население	Городское население	Сельское население
1991	4,199	3,130	4,994
1992	4,004	3,001	4,726
1993	3,800	2,793	4,500
1994	3,537	2,693	4,091
1995	3,597	2,803	4,125
1996	3,309	2,623	3,759
1997	3,083	2,453	3,491
1998	2,815	2,259	3,175
1999	2,720	2,189	3,061
2000	2,585	2,095	2,894
2001	2,469	2,021	2,748
2002	2,518	2,049	2,807
2003	2,357	1,934	2,614
2004	2,46	2,06	2,69
2005	2,36	1,99	2,58
2006	2,39	2,06	2,59
2007	2,55	2,22	2,74
2008	2,64	1,58	3,81
2009	2,53	2,19	2,90
2010	2,342	2,081	2,619
2011	2,236	1,991	2,495
2012	2,193	1,982	2,413
2013	2,350	2,130	2,575
2014	2,457	2,236	2,679
2015	2,491	2,230	2,749
2016	2,455	2,264	2,644
2017	2,419	2,212	2,623
2018	2,604	2,410	2,794
2019	2,785	2,593	2,976
2020	2,904	2,706	3,103
2021	3,173	2,946	3,404

Источник: Составлено автором на основе опубликованных (см.: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography>) и неопубликованных данных Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан.

Литература

- Абдурахмонов Қ.Х. (2009). *Меҳнат иқтисодиёти (дарслик)*. Ташкент: «Меҳнат».
- Абдурахмонов Қ.Х. (2014). *Демография. Дарслик*. Ташкент: “IQTISODIYOT”.

**Рецензия на монографию
«Адаптация и интеграция
мигрантов в России: вызовы,
реалии, индикаторы»¹**

Оксана Альфредовна Хараева
(oxa-na1@yandex.ru), Московский
Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова, Россия.

**Review of the book
«Adaptation and integration of
migrants in Russia: challenges,
realities, indicators»**

Oxana Kharaeva
(oxa-na1@yandex.ru), Lomonosov Moscow
State University, Russia.

Резюме: В книге «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы» под редакцией В.И. Мукомеля и К.С. Григорьевой представлены результаты исследования, продолжавшегося в период с 2020 по 2022 г. в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» и посвященного изучению процессов адаптации и интеграции мигрантов в различных областях политико-правовой, социально-экономической и культурной сферы Российской Федерации. Основное внимание в работе уделено разработке системы индикаторов для оценки процесса интеграции иностранных граждан.

Ключевые слова: Российская Федерация, мигранты, миграционная политика, адаптация, интеграция, политика интеграции, индикаторы интеграции.

Для цитирования: Хараева О.А. (2023). Рецензия на монографию «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы». Демографическое обозрение, 10(3), 130-135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17975>

Abstract: In the book «Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators», edited by V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva presents the results of a study that lasted from 2020 to 2022 as a part of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research on the topic «Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of All-Russian Identity», devoted to the study of the processes of adaptation and integration of migrants in various areas of the political, legal, socio-economic and cultural spheres of the Russian Federation. The main attention in the work is paid to the development of a system of indicators for assessing the process of integration of foreign citizens.

Keywords: Russian Federation, migrants, migration policy, adaptation, integration, integration policies, integration indicators.

For citation: Kharaeva O. (2023). Review of the book «Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators». Demographic Review, 10(3), 130-135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17975>

¹ Мукомель В.И., Григорьева К.С. (Ред.) (2022). Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: ФНИСЦ РАН. ISBN 978-5-89697-407-9. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022>

Книга коллектива авторов «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы» представляет собой развернутое комплексное исследование одной из самых неоднозначных и малоизученных в отечественной литературе проблем. Интерес российских ученых к изучению вопросов, связанных с управлением сложным социумом, неоднородность которого усиливается вследствие массовой инокультурной иммиграции, заметно возрос в последние годы². Однако концептуально проработанных программ включения вновь прибывших в жизнь принимающего общества, равно как систем мониторинга процессов адаптации и интеграции мигрантов предложено не было. Содержание рецензируемой монографии позволяет не только значительно расширить рамки научного знания по вопросам, общее понимание которых отсутствует даже на уровне терминологии³, но может принести несомненную практическую пользу органам государственной власти и местного самоуправления в их работе по формированию и реализации политики адаптации и интеграции мигрантов.

Монография является результатом большой исследовательской работы российских демографов и социологов, которые собрали и проанализировали обширный фактический материал и дали всестороннюю оценку положения мигрантов в России. В том числе в книге представлен анализ основных каналов иммиграции, подходов к регулированию условий пребывания иностранных граждан. Проведено исследование взаимоотношения мигрантов с принимающим населением, стратегии адаптации и интеграции, а также вопросов трансформации миграционных установок и изменения ценностных ориентаций прибывших. Авторы тщательно изучили и представили детальный обзор нормативно-правовой базы и ресурсного обеспечения мер государственной политики в области адаптации и интеграции мигрантов и сформулировали практические рекомендации по совершенствованию политики приема и интеграции иностранных граждан. Но главным результатом, исходя из определения задач исследования, стала разработка система индикаторов адаптации и интеграции мигрантов. В этом отношении социальные институты получают шанс использовать новый инструментарий, имеющий российскую специфику, но не уступающий в своём потенциале методам оценки интеграции мигрантов, давно используемым в зарубежной практике⁴.

Книга состоит из пяти глав, введения и развернутого заключения, в котором излагаются основные положения и итоги исследования. Работа преимущественно базируется на результатах массовых социологических опросов мигрантов и принимающего населения, экспертных интервью и социологических экспериментах, проведенных в разные годы.

² Напр., Мукомель В.И. (2016). Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества. В Горшков М.К. (Ред.), *Россия реформирующаяся: ежегодник* (Вып. 14, сс. 411-467). Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф; Омельниченко Д.А., Максимова С.Г., Молодникова И.Н. (2018). Риски международной миграции и политика интеграции в азиатском приграничье России (по данным социологического исследования в Алтайском крае). *Society and Security Insights*, 1(3), 53-77.

³ Монусова Г.А. (2018). Интеграция иммигрантов в России: уравнение со множеством неизвестных. *PCM*, 3(100). <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-immigrantov-v-rossii-uravnenie-so-mnozhestvom-neizvestnyh>

⁴ Migrant Integration Policy Index. <https://mipex.eu/>; Integration policies and indicators. OECD. <https://www.oecd.org/migration/integration-policies-and-indicators.htm>

Первая глава монографии посвящена анализу основных трендов международной миграции в Россию в постсоветский период. Данные Росстата используются лишь в качестве базового фона, поскольку, как отмечают авторы, с недавнего времени они не вполне отражают реальные потоки миграции (раздел 1.1). Ядро главы – это анализ регламентной статистической информации Федеральной миграционной службы России и начиная с 2016 г. – Главного управления по вопросам миграции МВД России (разделы 1.2, 1.3). Насколько возможно, авторы максимально используют потенциал этой статистики, распределенной по отдельным положениям отечественного законодательства по вопросам международной миграции и приема в гражданство (раздел 1.4). Это позволяет проанализировать общие тренды получения права на временное и постоянное проживание, а также на прием в гражданство России. Рассматривая статистику разрешений на временное проживание, видов на жительство и приобретения гражданства Российской Федерации, авторы приходят к выводу, что иностранцы адаптируются к изменениям в российском законодательстве и переориентируются на те каналы иммиграции и натурализации, которые гарантируют упрощенное (т. е. ускоренное) получение соответствующих статусов. Анализ законодательства и статистики позволил авторам предложить классификацию и своего рода иерархию основных подходов, заложенных в российском законодательстве, в отношении преференций, предоставляемых иностранцам для переезда в Россию и приобретения гражданства. Выделены такие классы оснований, как воссоединение семей, этноисторические и культурные связи с Россией, принадлежность к гражданству или проживанию на территории отдельных государств, наличие человеческого капитала (например, востребованной в России профессии, знание русского языка и др.) и урегулирование статуса. Авторы показывают, что воссоединение семей является главным основанием, по которому (часто формально) иностранцы обращаются за разрешением на временное проживание (РВП), видом на жительство и впоследствии – российским гражданством. В свою очередь, наличие у мигранта определенного человеческого капитала очень редко побуждает иностранца выбирать этот канал иммиграции. Основания причина, как полагают авторы, кроется в том, что мигранты выбирают наиболее доступные каналы даже при наличии иных оснований получить желаемый статус. Вывод первой главы сводится к тому, что изменения отечественного законодательства в сфере миграции и натурализации, которые были приняты на фоне разработки новых основополагающих законов, регулирующих правовое положение иностранцев в России и прием их в гражданство, расширили для мигрантов перечень категорий, на которые распространяются упрощенные правила получения РВП, вида на жительство и гражданства. Это привело к некоторому выравниванию положения граждан разных стран при получении соответствующих статусов.

Во второй главе представлен систематизированный анализ концептуальных подходов к исследованию процессов включения мигрантов в принимающее общество в зарубежной литературе (раздел 2.1). Особый интерес у авторов вызывают вопросы разработки методов оценки процесса и результатов интеграционной политики, что потребовало отдельно и глубоко изучить ситуацию с источниками данных для расчетов ключевых индикаторов интеграции (раздел 2.2). Анализу характера отношений между местными жителями и иммигрантами как важнейшего фактора интеграции посвящены следующие части второй главы. В разделе 2.3 анализируется отношение к мигрантам в российском обществе. Большинство россиян выражают настороженное отношение к

присутствию мигрантов. На основе микроданных Российского социального исследования⁵ проводится эмпирический анализ тезиса о связи системных представлений респондентов об окружающем мире (базирующихся на иррациональных предубеждениях и страхах или самостоятельном рациональном мышлении, научном знании и вере в себя) с их отношением к мигрантам. Его результаты свидетельствуют о возможных механизмах формирования толерантности к присутствию иностранных граждан. Уровень образования ее повышает, поскольку образованные группы являются более благополучными и уверенными в себе людьми и чаще видят выгоды миграции для страны (с. 140)⁶. Раздел 2.4 представляет результаты опросов иностранных граждан из постсоветских государств, проведенных в 2017 и 2020 г. с целью выявления характера восприятия мигрантами отношения к ним принимающего населения и связи этих представлений с социально-демографическими характеристиками и миграционными намерениями респондентов. Исследование показывает, что, несмотря на высокую оценку отношения россиян к мигрантам, опрошенные выражают уверенность в невозможности стать «своими» для местных жителей. Результаты анализа свидетельствуют, что осознание социальной дистанции зависит не только от этнической и религиозной принадлежности опрошенных, но и от их миграционных установок (с. 151). По мнению авторов, представление иностранных граждан о том, могут ли они стать своими в стране приема, является наиболее релевантным индикатором интеграции мигрантов в вопросе отношений с местными жителями, поскольку общая оценка отношения населения принимающей страны к мигрантам малоинформативна и не дает дифференцированных данных о категориях мигрантов, настроенных на интеграцию. Заключительный раздел второй главы (2.5) посвящен вопросам практической реализации политики адаптации и интеграции мигрантов органами государственной власти и местного самоуправления. Анализ нормативно-правовой базы за последние пять лет позволяет сделать вывод о декларативном характере большинства документов по адаптации и интеграции мигрантов, которые не были подкреплены ни детальными проработанными мерами и действенными программами, ни финансированием. Авторы обращают внимание на то обстоятельство, что во властном дискурсе сложный комплекс проблем интеграционной политики сводится к компоненте социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов с уклоном на адаптацию и игнорируются вопросы доступа на рынки труда, жилья, услуг здравоохранения, образования и взаимоотношений с принимающим населением. Неопределенность круга субъектов деятельности ввиду отсутствия четкого разграничения полномочий федерального центра, субъектов федерации и органов местного самоуправления также относится авторами к числу проблем, существенно затрудняющих реализацию интеграционной политики.

В третьей главе монографии рассматриваются вопросы адаптации и интеграции мигрантов в различных сферах экономической и социальной жизни. Первые три раздела главы посвящены анализу ситуации на рынке труда, ключевой сфере интеграции, значимой как для мигрантов, так и принимающих стран. Далее (разделы 3.4 – 3.6) обсуждаются вопросы доступа к жилью, образованию и здравоохранению, характеризующего уровень социальной инклюзии мигрантов. В разделе 3.7 речь идет о намерениях и действиях

⁵ Исследование выполняется на регулярной основе в рамках программы Европейского социального исследования (ЕСС). Сбор данных в России осуществляет Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). См.: <https://www.cessi.ru/ess-evropejskoe-socialnoe-issledova?lang=en>

⁶ Здесь и далее – ссылки на рецензируемое издание с указанием страниц.

мигрантов по получению разрешений на проживание и российского гражданства. Авторы приходят к выводу, что переход мигрантов из статуса временно пребывающих в статус временно или постоянно проживающих связан с процессом их интеграции в принимающее общество. Наиболее важным индикатором интеграции является доля мигрантов, имеющих вид на жительство и оформивших гражданство. Раздел 3.8, заключительный раздел главы, содержит информацию о воспринимаемой дискриминации – утверждениях мигрантов о том, приходится ли им сталкиваться с неприязнью на национальной почве в различных сферах взаимодействия с местными жителями. Интенсивность воспринимаемой дискриминации в значительной степени связана с возрастом, знанием русского языка, этнической и религиозной принадлежностью мигрантов (с. 289). Для оценки обоснованности мнения мигрантов об этнической дискриминации были также проведены опросы местного населения, которые показали, что представления иностранных граждан о наличии дискриминации имеют свои причины. Вместе с тем, как указывается в работе, сравнение данных опросов разных лет показывает заметное снижение интенсивности воспринимаемой дискриминации во всех сферах взаимодействия.

В четвертой главе исследуются проблемы интеграции отдельных контингентов мигрантов, выделенных по критериям наибольшей численности, в одном случае, и социальной уязвимости, в другом. В первом разделе (4.1) рассматриваются интеграционные возможности мигрантов из Средней Азии. Особенностью данной группы является сохранение тесных связей с посылающим обществом. Отношение к миграции как к временному явлению обуславливает их включение в российское общество лишь в той мере, в которой это необходимо для реализации краткосрочных целей. Однако изменение миграционных установок влечет за собой смену стратегий поведения в принимающем обществе. Второй раздел главы (4.2) посвящен изучению условий жизни малоимущих мигрантских семей с детьми. Исследование показывает, что большинство семей с детьми стремится остаться в России навсегда.

Перспективы интеграции обсуждаются в заключительной пятой главе. Вопрос о взаимосвязи миграционных стратегий и транснациональных практик, о широком распространении которых свидетельствуют данные опросов иностранных граждан из постсоветских государств в России, получил подробное освещение в первом разделе главы. Циркулярные и впервые прибывшие мигранты чаще общаются с теми, кто остался в стране исхода, чем долгосрочные. Для мигрантов, у которых в стране исхода проживают супруги или дети, включенность в социальную жизнь принимающего и посылающего общества может характеризоваться как разделенная. В то же время изменение миграционных стратегий, переход циркулярной миграции в долгосрочную будет влиять и на масштабы транснационализма или его отдельных практик (с. 324). Второй раздел (5.2) посвящен анализу трансформации ценностей мигрантов как важной части их культурной интеграции в принимающем обществе. По мнению авторов, его результаты свидетельствуют, что предикторами изменения ценностных ориентаций мигрантов в России могут быть не длительность проживания и экономическое благополучие, но уровень образования, желание связать свою жизнь с Россией, формирование чувства общности со страной приема и межэтнического доверия.

Итогом работы стала разработка системы индикаторов интеграции, позволяющих «получить реальное представление о проблемных зонах в инкорпорировании иностранцев, оценить потенциал различных контингентов мигрантов, учесть потребности

разных категорий принимающего социума (в региональном, социальном измерении) и разных групп иностранных граждан» (с. 347). В основе мониторинга процессов адаптации и интеграции мигрантов – представление о недопустимости значительного разрыва в условиях и образе жизни российских и иностранных граждан, ведущего к социальной изоляции мигрантов.

Основные положения и результаты исследования отражены в заключении. Его важной частью также стали рекомендации по проекту Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства» от 03 сентября 2021 г.

Книга, несомненно, представляет интерес для исследователей, занимающихся изучением проблем миграционной политики, вопросами адаптации и интеграции иностранных граждан в России. Монография может быть полезна преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем интересующимся кругом тем, получивших освещение в публикации. Рекомендации ее авторов могут быть использованы в практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Литература

Мукомель В.И., Григорьева К.С. (Ред.) (2022). *Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы*. М.: ФНИСЦ РАН. ISBN 978-5-89697-407-9.
<https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022>